

Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт психологии

КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОСТИ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ
СОТРУДНИКОВ
КАФЕДРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
КОНФЛИКТОЛОГИИ И УПРАВЛЕНИЯ
ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ УРГПУ

Екатеринбург 2014

УДК 159.923.2:316.285(021)
ББК Ю 950.4
К64

Рекомендовано Ученым Советом Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»
в качестве научного издания (Решение №304 от 19.05.2014 г.)

Ответственный редактор:

Кандидат педагогических наук, доцент
директор Института психологии УрГПУ
Л.А. Максимова

Выпускающий редактор:

кандидат психологических наук, доцент
А.В. Смирнов

Конфликтотенность современности: коллективная монография / Отв. ред. Л.А. Максимова, Урал. гос. пед ун-т. - Екатеринбург, 2014. - 155 с.

В монографию вошли научные работы сотрудников кафедры Социальной психологии, конфликтологии и управления Института психологии УрГПУ, отражающие их научно-исследовательский интерес и представляющие результаты научной работы. Рассматриваются проблемы вандального поведения, аспекты научных подходов к изучению межэтнической напряженности и этнической конфликтности. Представлены эмпирические материалы изучения копинг - стратегий.

Материалы статей могут быть использованы в теоретических и практических аспектах психологической науки и смежных с ней областях.

ISBN: 978-5-7186-0591-4

УДК 159.923.2:316.285(021)
ББК Ю 950.4
К64

Материалы сборника размещены на платформе РИНЦ

© Уральский государственный
педагогический университет, 2014

От редакции

Здравствуйте, уважаемый читатель. Перед Вами монография, содержащая научные работы, авторами которых явились сотрудники кафедры «СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ, КОНФЛИКТОЛОГИИ И УПРАВЛЕНИЯ» Института психологии Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ).

Наши сотрудники - все без исключения - являются людьми талантливыми и неординарными. Перечень их талантов, знаний и способностей будет чрезвычайно объемным. Среди нас есть уникальные специалисты в области конфликтологии и политологии, социальной психологии и управления, истории и культурологии. В наших рядах творческие психологи-консультанты, разрабатывающие различные методы и технологии психологической поддержки, знающие толк не только в оказании помощи взрослым, но и самым трудным клиентам - детям. Есть у нас и специалисты по психологии бизнеса и менеджменту, психологии карьеры, которые постоянно внедряют в практику свои новые разработки. Кафедра может гордиться тем, что ряд наших коллег глубоко и тщательно занимаются разработкой проблем методологии, стратегии и технологий научного познания. Думается, что не на любой кафедре можно найти специалистов, направивших свои усилия на глубокие теоретические исследования методологических проблем психологической науки и ее отраслей. Не менее интересными направлениями исследований на нашей кафедре являются психология личности и психология социальных взаимоотношений, криминология и все классические направления глубинной психологии, изучение групповых и социальных процессов, психология девиантной и творческой личности, исследования феномена человеческой культуры и аддиктологии. Наша кафедра может достойно представить целый спектр практических разработок и технологий в области работы с кадрами, безопасности бизнеса, психодиагностики, групповой и индивидуальной коучинг-практике и многое другое. Короче говоря, кафедра постоянно развивается и этот принцип развития находит отражение в научном творчестве сотрудников нашей кафедры, с каждым годом осваивающих на качественно новых уровнях все новые и новые научные рубежи. Диалектика развития и научная деятельность нашей кафедры на-

шла отражение и в ее символическом «фирменном» знаке. Несколько слов об этом глубоко психологичном символе.

ЛЕСТНИЦА - в самом общем смысле это символ движения - восхождения, эволюционного развития - достижения, пересмотра ценностей, прорыва на новый онтологический уровень - от материального к духовному, от едва уловимой не материальной идеи к ее социально полезному реальному материальному воплощению. В более узком смысле лестница символизирует процессы и диалектику развития в единстве противоречий - статика-движение, паде-

ние-восхождение, добродетельность-греховность, добро-зло. Это символ диалектически связанных противоречий и иерархической градации социума, слоев общества, психологии социальных процессов, социальной психологии.

СВИТОК - в чистом виде символ приоритета науки и научных методов изучения противоречий. Символ исторической памяти, верности традициям, почитания знаний, накопленных предшествовавшими поколениями.

СОВА - символ мудрости, символ отказа от суеты и торопливости, символ взвешенности принимаемых решений, знания оборотной стороны вещей и явлений. Таким образом, Сова и Свиток - символы научной деятельности кафедры, приоритета науки над житейской, обывательской, стереотипной картиной мира.

ЗМЕИ НА ЖЕЗЛЕ МЕРКУРИЯ - Символ рынка, социума, противоречий социальных, человеческих отношений, человеческих конфликтов, что вполне раскрывает основную тематику нашей кафедры.

ЖЕЗЛ МЕРКУРИЯ (КАДУЦЕЙ) - Символ справедливого решения, разрешения конфликтов, управления социальными процессами.

Латинское выражение «AUDIATUR ET ALTERA PARS» - «ПУСТЬ БУДЕТ ВЫСЛУШЕНА И ДРУГАЯ СТОРОНА» - свидетельствует о стремлении к объективности и справедливости в научном исследовании социальных конфликтов.

Таким образом, описанная геральдическая символика хорошо описывает основную деятельность нашей кафедры как кафедры «СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ, КОНФЛИКТОЛОГИИ И УПРАВЛЕНИЯ».

Пологаем, материалы, представленные на страницах монографии, который Вы держите в руках, обогатят Вас знаниями, расширят Ваш кругозор, укрепят Вас профессионально. Все новое и интересное может быстро доставляться Вам, если Вы не потеряете с нами связь. По всем интересующим Вас вопросам обращайтесь по адресам:

620017 г. Екатеринбург, проспект Космонавтов 26,
Уральский государственный педагогический университет
Факультет психологии
Кафедра «Социальной психологии,
конфликтологии и управления»
Каб. № 364
8 (343)336-10-41
e-mail kspkiy@yandex.ru

С наилучшими пожеланиями
выпускающий редактор
Александр Васильевич Смирнов

Проблема рассогласования ценностных ориентаций подростков и юношей в контексте вандального поведения*

**Ирина Владимировна Воробьева
Ольга Владимировна Кружкова**

ABSTRACT: The article discusses the problem of formation of motivational readiness to commit acts vandal kind in the context of the interactions of adolescent and young men personality with the external social environment, when the degree of acceptance of human microsocium determine its attitude to yourself , to others and to the institution of property, including a stranger one. In the empirical study of more than 500 respondents teenage and youthful age were found specific features of their valuable sphere in comparison with the values of adults allowed to reveal certain destruction and deformation characteristics of structural and content value sphere , which was significantly more frequent in the youth sample it. Separation forms mismatch values for destruction and deformation showed that they involve not only different degrees of consistency and normative behavioral orientations , but also can cause binding of different quality behavioral patterns. Exploring value determination vandal behavior in the age groups of teenagers and young men allowed to allocate most frequent values, implemented at the level of behavior, initiating or making possible and admissible scoring vandal action. It was also found that the antagonistic connected priorities in life and behavior are

---

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Свердловской области в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ-Урал «Деструкция ценностей современных подростков и юношей как предпосылка вандального поведения», проект № 13-16-66017а/У.

much more likely to contribute to a variety of motivational reasons vandal types of behavior, among which the most malicious types expressed vandalism. At the same time simple and implementable regulatory mismatch in the behavior of values leads not as much as to the explicit manifestation vandal activity how to create the prerequisites for moral choice facilitated such conduct in predisposing to this condition.

Keywords: values, destruction and deformation value sphere, vandal behavior, teenage and youthful age determination.

АННОТАЦИЯ: В статье обсуждается проблема формирования мотивационной готовности к совершению актов вандального характера в контексте особенностей взаимодействия личности подростка и юноши с внешней социальной средой, когда степень принятия человека микросоциумом определяют его отношение к себе, к другим людям и институту собственности, в том числе и чужой. В ходе эмпирического исследования более 500 респондентов подросткового и юношеского возраста были обнаружены специфические особенности их ценностной сферы в сравнении с ценностями взрослых людей, позволившие выявить определенные деструкции и деформации структурных и содержательных характеристик ценностной сферы, которые достоверно наиболее часто встречаются именно в молодежной выборке. Разделение форм рассогласования ценностей на деструкции и деформации показало, что они предполагают не только разную степень согласованности нормативных и поведенческих ориентиров, но и могут вызвать закрепление различных по качеству поведенческих паттернов. Изучение ценностной детерминации вандального поведения дифференцировано в возрастных группах подростков и юношей позволило выделить наиболее часто встречаемые ценности, реализуемые на уровне поведения, иницирующие или делающие возможным и допустимым совершение вандальных действий. Также было обнаружено, что антагонистически согласованные жизненные приоритеты и поведение гораздо чаще способствуют разнообразным по мотивационным основаниям видам вандального поведения, среди которых наиболее выражены злонамеренные виды вандализма. В то же время простое рассогласование нормативных и реализуемых в поведении ценностей приводит не столько к явному проявлению вандальной активности, сколько к созданию предпосылок для морально облегченного выбора такого поведения при располагающих к этому условиях.

Ключевые слова: ценности, деструкции и деформации ценностной сферы, вандальное поведение, подростковый и юношеский возраст, детерминация.

Вандализм как комплексная социально-психологическая проблема российского общества сформировалась на рубеже XX-XXI веков в связи со сложными кризисными условиями и до сих пор не получила комплексного изучения. Склонность именно подростков и юношей совершать подобные действия фиксируется статистикой, и специалисты объясняют это пубертатными изменениями и общей тенденцией этих возрастных категории демонстрировать девиантное поведение. Несмотря на то, что вандальные действия совершают и взрослые люди, подростковый и юношеский вандализм заслуживает наибольшего внимания, так как именно такие правонарушения очень часто влекут за собой все более серьезные проступки. По результатам зарубежных исследований более 50% подростков, совершавших акты вандализма, и в дальнейшем демонстрируют деликвентное поведение [6; 7]. Современные научные исследования зачастую рассматривают частоту и специфику совершенных вандальных действий, уделяя внимание мотивационной составляющей такого поведения, через которую раскрываются возможные причины девиации подростков и юношей. Однако, помимо побудительных источников, особый интерес представляют более глубокие личностные основания, определяющие выбор и готовность человека к причинению ущерба общественной или чужой собственности, в частности специфика деформаций и деструкций ценностной сферы молодежи.

Формы рассогласования системы ценностных ориентаций чрезвычайно многообразны и могут происходить в рамках нескольких аспектов. Так, например, при рассмотрении понятий «ценность» и «ценностная ориентация» Д.А. Леонтьев выделяет три момента существования ценностей: общественные идеалы, предметное воплощение этих идеалов и мотивационные структуры личности, побуждающие её к предметному воплощению этих идеалов [4]. Можно предположить, что данные конструкты представляют собой определенные уровни принятия ценностей. Общественные идеалы могут существовать не являясь лично значимыми и принятыми человеком, как набор декларируемых социумом и культурой ориентиров, причем личность

либо информирована об их существовании, либо не подозревает о том, что они есть и что они из себя представляют. В частности, данная ситуация возникает при переходе человека из привычной культурной среды в иную, с иными значимыми объектами и формами поведения.

При опредмечивании ценностей происходит и конкретизация понимания их необходимости, при этом можно говорить о возникновении личностного смысла самой ценности для человека, поскольку он начинает осознавать ее пользу для себя. В данном аспекте процесс конкретизации и выделения определенной системы индивидуально значимых объектов для личности может не совпадать с распространенными в обществе опредмеченными воплощениями данной ценности. Так, например, для общества материальное благополучие человека зачастую выражается в том, какими объектами собственности он обладает, насколько он финансово независим в своем выборе и с помощью чего он подтверждает свой статус. Однако, существуют варианты крайних форм отношения человека к деньгам, в частности убежденное накопительство ресурсов не ради их использования или обеспечения собственной безопасности, не для подтверждения статуса, а для того, чтобы они просто были и человек осознавал свое обладание ими.

Мотивационные структуры личности представляют собой включение опредмеченных ценностей в жизнедеятельность человека и формировании на этой основе субъектной активности. При рассогласовании данного конструкта процесс выбора способов достижения ценности может привести в конечном итоге к асоциальным формам активности, хотя их целевая составляющая при этом остается просоциальной. Вариантом такого поведения может быть, например, стремление подростка к достижению определенного статуса в обществе посредством обладания знаковыми объектами и это социально адекватный способ опредмечивания ценности, но при отсутствии необходимых материальных ресурсов, он может выбрать вариант действий, которые противоречат нормам и правилам поведения в обществе, а иногда и нарушают правовые нормы (вымогательство, кража, обман и т.п.).

Обозначенные рассогласования могут иметь как временный характер, в этом случае можно говорить о внутриличностном кризисе и последующих конфликтах, а также может приобрести устой-

чивый вариант дисбаланса, и здесь возникают феномены возможной деформации или деструкции системы ценностей личности.

Деструкция ценностной сферы – структурные и содержательные нарушения системы ценностей и ценностных ориентаций личности, приводящие к дисбалансу между требованиями социума и отношением и реализацией этих требований со стороны отдельной личности.

Деформация ценностной сферы предполагает лишь нарушение соотношения содержательных элементов ценностной сферы, приводящая к доминации одного из них над другими и подчинении других элементов приоритетному на данный момент времени.

Любая деформация или деструкция ценностей невозможна без взаимодействия личности и общества, поскольку оценка деструктивности или деформированности системы ценностей отдельного человека происходит только при сопоставлении с нормативными существующими на данный момент в данной культуре и пространстве ценностной структуре.

В контексте нашего исследования социум весьма условно можно разделить на два, в чем-то противопоставляющиеся друг другу, мира: мир взрослых и мир сверстников для подростков и юношей. К миру взрослых мы относим персонифицированные связи подростка и юноши с более зрелыми людьми (родителями, педагогами и иными значимыми взрослыми), а также обобщенные социальные структуры, образованные взрослыми (правительство, общественные объединения и т.п.). В мир сверстников относятся представители одной возрастной категории с субъектом, как находящиеся в непосредственных межличностных отношениях с ним, так и как образ своего поколения, транслируемый через средства массовой информации или элементы возрастной субкультуры.

Согласованность системы ценностных ориентаций личности по отношению к этим двум мирам не всегда возможна. Варианты согласования/рассогласования можно представить в виде таблицы 1.

Большинство из рассмотренных выше вариантов (кроме формы полного согласования) при ситуативном характере их возникновения по отношению к отдельным аспектам жизнедеятельности подростка или юноши приводят к временной деформации системы ценностных ориентаций личности. В этом случае человек вынужден либо адаптироваться к мнению социума, временно изменяя

собственные значимые ориентиры, либо предпринимать попытки изменить позицию окружающих. Однако, при длительном течении любого варианта диссонанса, застревании на нем, могут сформироваться уже более глубокие различия и возникает феномен де-струкции ценностной сферы личности подростка или юноши.

Ценностная сфера определяет выбор человеком определенных стратегий поведения, а ее деформация или деструкция, соответственно, будут вызывать специфические реакции, проявляющиеся в различного рода поведенческих девиациях. Согласно этиологическому подходу, отклоняющееся в существенной мере от общественной нормы поведение является результатом нарушения инстинктов как основного рода (например, пищевого, полового инстинктов и инстинкта самосохранения), так и вторичного (в частности, исследовательский, инстинкт соперничества, агрессивно-конкурирующий, инстинкт заботы, инстинкт передачи информации и др.) [5].

Таблица 1 – Варианты согласования/рассогласования системы ценностных ориентаций личности и социума

Принятие ценностей			Описание варианта согласованности системы ценностей
Личностью	Миром взрослых	Миром сверстников	
+	+	+	Высокая степень конформности и усвоение ценностей на основании согласия с любым внешним окружением
+	+	-	Противопоставление себя миру сверстников, изолированность от него, при ориентации на требования взрослых (роли «маменькин сынок» для сверстников, «лучший ученик, гордость класса» для педагогов, «идеальный, послушный ребенок» для родителей)

Проблема рассогласования ценностных ориентаций подростков...

Принятие ценностей			Описание варианта согласованности системы ценностей
Личностью	Миром взрослых	Миром сверстников	
+	-	+	Противопоставление себя миру взрослых при высокой идентификации с возрастной субкультурой (роли «трудного подростка» для взрослых, «крутого», «своего парня», «правильного», «лидера» для сверстников)
+	-	-	Выпадение из ниши взаимодействия с обоими мирами, замыкание на собственном внутреннем мире, одиночество, социальная изоляция (роли «непризнанного», «чудака», «изгоя», «белой вороны» для всех окружающих, иногда «непонятого гения» для себя)
-	+	+	Противопоставление себя всем окружающим, нигилизм, а в подростковом возрасте неконформизм (роли «революционера», «протестующего», «провокатора», «несогласного», «критика» для других, «честного человека» для себя)

Вандальное поведение также можно рассматривать, с одной стороны как результат нарушения этих инстинктов, провоцирующее активизацию сверхнормативной негативной поведенческой активности личности, а с другой – как следствие «сбоя» ценностно-смысловых регуляторных механизмов, допускающих открытое проявление данного вида действий по отношению к объектам чужой или общественной собственности. При этом, как указы-

вает Е.А. Горьковая, проблема состоит не столько в различиях целевой ориентации современных подростков и юношей, сколько в деструкции их инструментальных ценностей, отвечающих за средства достижения поставленных целей [2].

Таким образом, на основании теоретического анализа нами было выдвинуто предположение о том, что существуют определенные закономерности соотношения ценностных ориентаций, а именно деформации и деструкции ценностной сферы подростков и юношей и их склонности к совершению вандальных действий. В рамках эмпирического исследования нами были выдвинуты следующие задачи:

1. Характеристика содержания и степени согласованности ценностных ориентаций подростков и юношей в сравнении с нормативной выборкой взрослых с целью определения возрастных различий и возрастной специфики ценностной сферы респондентов подросткового и юношеского возраста;

2. Выявление степени детерминации склонности подростков и юношей к вандальному поведению в контексте ориентации их на определенные жизненные ценности с целью определения как возрастных особенностей обусловленности изучаемого феномена, так и ценностей, доминанция которых в общей структуре ценностных ориентаций будет приводить к активизации девиации поведения в форме вандальной активности;

3. Дифференциация групп подростков и юношей с различными типами согласованности ценностной сферы по склонности к отдельным видам вандального поведения в соответствии с их мотивационной основой для конкретизации возрастного контекста детерминации вандального поведения в связи со спецификой согласованности/рассогласованности ценностной сферы респондентов.

В соответствии с описанной выше логикой организации научной работы, исследование было проведено в три этапа, на каждом из которых дифференцировано и последовательно решались поставленные задачи.

Первый этап. В эксперименте участвовало 664 человека, из них 211 подростков, 357 юношей и 96 взрослых – жителей Екатеринбурга и Свердловской области. При этом наблюдалось относительно равномерное распределение респондентов в контрольной и экспериментальной группах по полу (таблица 2).

**Таблица 2 – Распределение респондентам по полу
в контрольной и экспериментальной группах**

Возрастная группа	Пол			Итого
		Мужской	Женский	
Подростки (экспериментальная группа 1)	Количество	88	123	211
	Процент	13,3%	18,5%	31,8%
Юноши (экспериментальная группа 2)	Количество	123	234	357
	Процент	18,5%	35,2%	53,8%
Взрослые (контрольная группа)	Количество	49	47	96
	Процент	7,4%	7,1%	14,5%
Итого	Количество	260	404	664
	Процент	39,2%	60,8%	100,0%

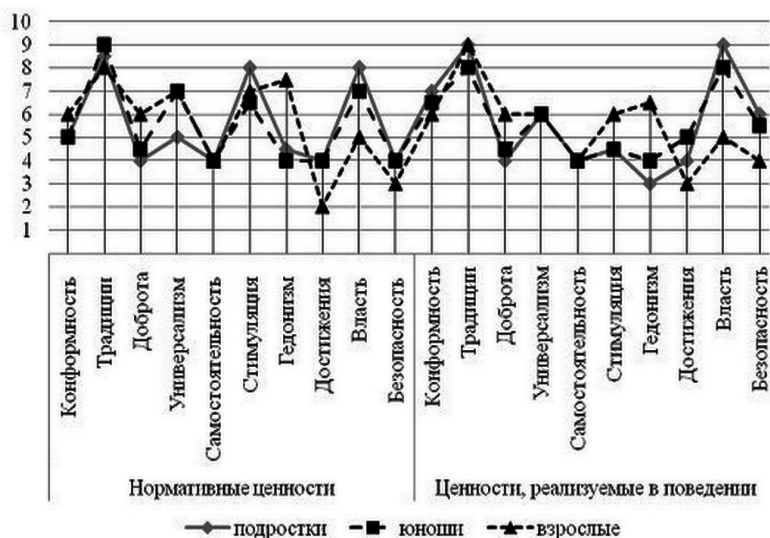

Рис. 1: ранг 1 – наиболее значимая ценность;
ранг 10 – наименее значимая ценность.

После проведенной диагностики с использованием ценностного опросника Ш. Шварца [3] были построены медиальные профили ценностей декларируемых респондентами (уровень нормативных идеалов) и реализуемых в поведении (уровень индивидуальных приоритетов) (рисунок 1).

Можно заметить, что профиль ценностей подростков и юношей достаточно сильно отличается от профиля контрольной группы, как на уровне нормативных ценностей, так и на уровне ценностей, реализуемых в поведении. Если анализировать доминирующие ценности (имеющие наименьший ранг на представленном профиле) то можно наблюдать частичное соответствие пиков субъективной значимости нормативных и реализуемых ценностей у подростков, их относительное рассогласование у юношей и полное соответствие у взрослых (таблица 3).

Таблица 3 – Соответствие нормативных и реализуемых ценностей в группах подростков, юношей и взрослых

Группа	Нормативные ценности	Ценности, реализуемые в поведении
Подростки	Доброта Универсализм Самостоятельность Гедонизм Достижения Безопасность	Доброта Самостоятельность Гедонизм Достижения Стимуляция
Юноши	Доброта Гедонизм Достижения Безопасность	Доброта Гедонизм Самостоятельность Стимуляция
Взрослые	Самостоятельность Достижения Власть Безопасность	Самостоятельность Достижения Власть Безопасность

Следует отметить, что наибольшей рассогласованностью ценностей и неоднозначными приоритетами ценностей обладает не подростковая, а юношеская группа. По большому счету в своих приоритетах и поведении они занимают маргинальную позицию между двумя другими группами. В нормативных ценностях юноши в большей степени ориентированы на успех в отношениях, на получение удовольствия от жизни, имеют акмеологические устремления в деятельности и ценят безопасность своего существования в социуме, но при построении поведения в первую очередь опираются на сиюминутные ценности позитивных отношений с окружающими (Доброта), удовольствие (Гедонизм), яркость жизни и новые впечатления (Стимуляция), претендуя при этом на автономность и независимость от окружающих (Самостоятельность). Данный дисбаланс будет приводить к определенным деформациям ценностной сферы юношей, приводящей к выбору «незатруднительной» жизненной позиции, когда «я ЗНАЮ, как надо правильно поступать, но буду делать так, как мне ЛЕГЧЕ, а не так, как НАДО».

Интересно, что наибольшее количество пиков приоритета ценностей наблюдается именно в подростковой группе, при этом они более согласованы на уровне нормативных и реализуемых ценностей. Это может быть следствием активного протекания социализационных процессов, когда подросток приобщается к многочисленным нормам и правилам поведения в обществе. Но это же свидетельствует и о низкой дифференцированности и неиерархичности норм, которыми руководствуется подросток, поскольку он еще не выработал собственное отношение к общественным ценностям, которые пытается реализовать в своем поведении, чтобы «попробовать» путь следования им.

У взрослых наиболее согласованная и однородная система нормативных и реализуемых ценностей, отражающая приоритеты современного общества, выдвигающего на первый план личный успех, материальный достаток, независимость и влияние в социальных отношениях, а также стабильность всего достигнутого.

Для обнаружения статистически достоверных различий была применена одномерная сравнительная статистика (таблица 4).

Таблица 4 – Результаты сравнительного анализа по выраженности ценностей в экспериментальных и контрольной группах (критерий Краскела-Уоллиса)

Переменная		Хи-квадрат	Уровень значимости	Средний ранг по группе		
				Под-ростки	Юно-ши	Взрос-лые
Нормативные ценности	Доброта	15,96	0,000	314,85	322,90	403,44
	Универсализм	46,32	0,000	258,24	366,67	365,55
	Стимуляция	22,38	0,000	379,09	301,30	342,32
	Гедонизм	45,91	0,000	304,24	315,76	453,24
	Достижения	24,59	0,000	348,43	346,34	242,72
	Власть	30,89	0,000	364,95	338,24	236,41
	Безопасность	13,93	0,001	335,68	347,60	266,08
Реализуемые ценности	Традиции	9,33	0,013	328,00	284,94	328,19
	Доброта	25,91	0,000	285,75	294,68	390,64
	Стимуляция	16,56	0,000	277,99	307,48	366,66
	Гедонизм	32,16	0,000	271,88	302,97	394,78
	Достижения	19,88	0,000	304,95	329,17	236,90
	Власть	49,59	0,000	340,02	318,69	192,78
	Безопасность	29,98	0,000	330,52	317,86	216,55
Примечание: Уровень значимости в таблице скорректирован в соответствии с поправкой на ошибки первого рода по формуле Бенжамини-Хочберга						

Так сравнительный анализ подтвердил, что такие ценности, как доброта и гедонизм на уровне социальных нормативов наиболее характерны для подростков и юношей. Таким образом, для данных групп признаются важными позитивные отношения с друзьями, принятие их в сообщества, получение удовольствия, в том числе и от общения и взаимодействия. Возможно, это является отражением экспектаций общества к этим возрастным категориям,

когда от них ожидается послушание, любовь и уважение к старшим как результат затянувшегося восприятия их в роли детей, а также несерьезное отношение к ним в силу специфики информационной среды социума, насыщенной популистскими "облегченными" образами представителей их поколений. Кроме того, рассматриваемые ориентиры также получили статистически достоверные различия от выборки взрослых и на уровне демонстрируемого поведения.

Такая нормативная ценность, как универсализм характерна только для подростковой группы, причем только на уровне понимаемой, но не принимаемой ценности. Соответственно, подростки допускают для себя ориентацию на терпимость и толерантность по отношению к другим членам общества, но не реализуют этот принцип в своем реальном поведении.

Значимость новых впечатлений и переживаний свойственна юношеской группе, но на уровне декларируемых приоритетов, однако поведение в соответствии с данной ценностью скорее склонны выстраивать подростки. Можно предположить, что данный дисбаланс связан с возрастной динамикой представлений о себе, так например юноши, понимают важность эмоциональной сферы, но не считают возможным осуществлять на этой основе свои жизненные выборы, так как важными с их точки зрения будут рациональные, основанный на интеллектуальных процессах решения.

Взрослые представители исследования демонстрируют ориентацию на такие ценности, как достижения, власть и безопасность в большей степени, чем подростки и юноши. Это также ожидаемый образ зрелого, уверенного в себе, успешного человека, но уже интериоризованный и принятый на уровне приоритетов индивидуального поведения. С одной стороны предпосылками подобных жизненных ориентиров являются современные представления о необходимых качествах личности в условиях динамично изменяющегося социума, которыми также насыщено его информационное пространство, с другой – объективные требования различных сфер жизнедеятельности общества, которым уже вынужден соответствовать человек, чтобы обеспечить себе достойное существование.

При анализе степени рассогласованности ценностной сферы на уровне социальных нормативов и поведения были проанализированы сдвиги в рангах всех трех групп (таблица 5).

Полученные данные свидетельствуют о более выраженном рассогласовании нормативных и выраженных в поведении ценностей в группе подростков. При этом большая часть ценностей, имеющих различную значимость как социально одобряемая норма и индивидуальный приоритет личности, у подростков относятся к ведущим в их иерархии ценностей. Можно предположить, что в связи с этим вся ценностная сфера подростка динамична и малоустойчива, что может приводить к ее деформациям вследствие неблагоприятного социального воздействия.

В группе юношей наблюдается сходное число ценностей, имеющих рассогласование между нормативной и поведенческой формами, однако только две из них относятся к списку значимых для данной возрастной категории. Так безопасность признается юношами как важная жизненная ценность, но они не намерены отказываться от удовольствий и новых ощущений ради соблюдения собственной безопасности и безопасности других людей. В то же время поиск новых впечатлений является выраженным ориентиром в их поведенческом выборе, но не вполне осознается как социально одобряемый норматив.

**Таблица 5 – Результаты выявления сдвигов в
рангах нормативных и реализуемых в поведении
ценностей по Т-критерию Вилкоксона**

Группа	Ценность	Т-коэффициент Вилкоксона	Уровень значимости	Приоритет формы ценности
Подростки	Конформность	-4,45	0,000	Нормативная
	Универсализм	-2,82	0,008	Нормативная
	Стимуляция	-9,56	0,000	Поведенческая
	Гедонизм	-2,97	0,004	Поведенческая
	Власть	-2,56	0,022	Нормативная
	Безопасность	-6,71	0,000	Нормативная

Проблема рассогласования ценностных ориентаций подростков...

Группа	Ценность	Т-коэффициент Вилкоксона	Уровень значимости	Приоритет формы ценности
Юноши	Конформность	-5,18	0,000	Нормативная
	Традиции	-3,20	0,000	Поведенческая
	Универсализм	-5,83	0,000	Поведенческая
	Стимуляция	-5,21	0,000	Поведенческая
	Власть	-3,99	0,000	Нормативная
	Безопасность	-6,25	0,000	Нормативная
Взрослые	Стимуляция	-2,70	0,007	Поведенческая
	Гедонизм	-2,28	0,028	Поведенческая
	Безопасность	-2,96	0,003	Нормативная
Примечание: Уровень значимости в таблице скорректирован в соответствии с поправкой на ошибки первого рода по формуле Бенжамини-Хочберга. Полужирным шрифтом выделены ценности, определенные по профилю (рис. 1) как приоритетные для той или иной группы респондентов.				

Интересно, что у взрослых людей меньше ценностей имеющих рассогласование между формами своего проявления. Тем не менее, такая ценность как безопасность, входящая в список наиболее значимых для группы взрослых, имеет явный приоритет в ее нормативно одобряемой, декларируемой форме, что выражается в недооценке реальных угроз и поведении, формируемом по принципу "авось".

Тем не менее, если оценивать индивидуальную согласованность профилей ценностей респондентов в изучаемых группах, выделяемую через оценку направления и статистической значимости корреляций ранговых рядов нормативных и поведенческих ценностей, можно заметить, что наибольший процент согласованных профилей встречается в выборке взрослых (таблица 6).

Таблица 6 – Распределение индивидуальной согласованности/рассогласованности профилей ценностей респондентов в изучаемых группах

Возрастная группа		Степень согласованности ценностей			Итого
		Антагонистические	Рассогласованные	Согласованные	
Подростки	Количество	1	151	59	211
	Процент	0,5%	71,5%	28,0%	100,0%
Юноши	Количество	5	212	86	303
	Процент	1,7%	70,0%	28,3%	100,0%
Взрослые	Количество	0	60	35	95
	Процент	0%	63,2%	36,8%	100,0%
Примечание: в таблице не учтены данные 55 респондентов юношеского возраста.					

Таким образом, обобщая полученные результаты, можно сделать вывод о том, что ценностная сфера подростков и юношей имеет достаточную степень рассогласования как структурных, так и содержательных элементов. Выявленные особенности свидетельствуют как уже о существующей деформации системы ценностных представлений молодежи, так и о возможных деструкциях более серьезного характера. И если первые являются возможной предпосылкой склонности человека к совершению девиантного поведения, то последние формируют осознанную ассоциальную позицию при выборе варианта действий или целостной стратегии поведения.

Второй этап. Эмпирически вторая задача исследования решалась посредством анализа результатов опроса 218 подростков и 139 юношей, обучающихся в общеобразовательных школах и учебных заведениях профессионального образования г. Екате-

ринбург и Свердловской области. В анализе участвовали данные по методике «Мотивы вандального поведения» (С.А. Острикова, О.В. Кружкова, И.В. Воробьева) [1] и опроснику ценностей (Ш. Шварц) [3]. Для математико-статистической обработки данных был использован многомерный регрессионный анализ в статистическом пакете SPSS 19.0.

Для выявления возможных детерминационных связей между мотивами вандального поведения и ценностями, которые подростки и юноши декларируют на поведенческом уровне, был использован регрессионный анализ. Результаты множественного регрессионного анализа представлены в таблице 7 (подростковая группа) и таблице 8 (юношеская выборка).

Таблица 7 – Результаты множественного регрессионного анализа на подростковой выборке

Модель	Независимая переменная	Зависимая переменная	R-квadrat	Значения F-Фишера		Коэффициенты регрессии	
	Ценности	Мотивы вандального поведения		F	p-знч.	β	p-знч.
1.	Конформность	Стяжательный вандализм	0,087	10,22	0,000	0,231	0,001
	Стимуляция					-0,142	0,034
2.	Конформность	Агрессивный вандализм	0,106	12,811	0,000	0,191	0,009
	Власть					-0,193	0,008
3.	Конформность	Протестующий вандализм	0,087	10,246	0,000	0,185	0,012
	Власть					-0,162	0,027
4.	Конформность	Тактический вандализм	0,065	14,906	0,000	0,254	0,000

Модель	Независимая переменная	Зависимая переменная	R-квадрат	Значения F-Фишера		Коэффициенты регрессии	
	Ценности	Мотивы вандального поведения		F	p-знч.	β	p-знч.
5.	Конформность	Любопытствующий вандализм	0,037	8,347	0,004	0,193	0,004
6.	Конформность	Экзистенциальный вандализм	0,042	9,564	0,002	0,206	0,002
7.	Стимуляция	Эстетический вандализм	0,035	7,894	0,005	-0,188	0,005
8.	Конформность	Конформный вандализм	0,100	12,008	0,000	0,250	0,000
	Универсализм					0,187	0,004
9.	Универсализм	Вандализм, вызванный средой	0,092	10,886	0,000	0,251	0,000
	Конформность					0,164	0,013
10.	Конформность	Вандализм, вызванный скукой	0,076	8,794	0,000	0,232	0,001
	Универсализм					0,142	0,032

Так, на основании полученных данных, можно предположить, что подростки, ориентированные на сдерживание своих побуждений и деятельности, которые не соответствуют социальным ожиданиям, а также незаинтересованные в получении новых впечатлений могут совершить акты вандализма с целью получения какой-либо выгоды. Т.е. учащиеся с внешне просоциальным поведением и низкой познавательной активностью в определенной ситуации, возможно, выберут модель поведения, наносящего

ущерб чьей-то собственности при обязательном условии получения от данного поступка пользы для себя.

Учащиеся с социально-одобряемым поведением и неудовлетворенной потребностью в доминировании (ценность власти) будут склонны совершать вандальное поведение из-за агрессивных мотивов или мотивов протеста. Таким образом, учащиеся со сформированной ориентацией на соблюдение социальных норм и правил, но при отсутствии возможности, в силу разнообразных обстоятельств, реализовать свой лидерский потенциал могут выбрать такой вариант поведения, который причиняет вред чужой или общественной собственности для обозначения своей позиции, выплеска обиды на окружающих. Причем, подобный вариант действий может происходить запланировано и иметь отсроченное действие.

Высокая степень ориентации подростка на социум, общественное мнение может спровоцировать вандальное поведение, инициируемое тактическими мотивами, мотивами любопытства или экзистенциальными мотивами. Так, учащиеся, для которых чрезвычайно значимо одобрение их действий со стороны социального окружения, могут для этого выбирать вариант вандального поведения, при условии, что этого от них ждет референтная группа. Кроме того, они могут совершать вандальные акты из-за приобретения нового опыта, необычных впечатлений или поиска путей самовыражения, но при условии определенной степени понимания со стороны значимой группы.

Неудовлетворенная потребность в новизне, отсутствие разнообразия во внешней или социальной среде приводят к актуализации мотивов совершения действий по порче чужого имущества из эстетических соображений. Подросток как бы преобразует мир, делает его в соответствии со своими представлениями красивее, ярче, необычнее и не видит в своих действиях чего-то предосудительного или преступного.

При доминировании таких ценностей как конформность и универсализм, т.е. для подростков ориентированных на социальные нормы, транслирующих ожидаемое от них поведение, терпимо и с пониманием относящихся к окружающим, активизация вандального поведения осуществляется при доминировании мотивов скуки, нахождения их в неинтересной и однообразной среде или при попадании под влияние группы, в которой вандализм является одной из принятых форм поведения.

При анализе результатов необходимо учитывать, что обратный характер связи между ценностями и мотивами вандального поведения обеспечивается ранговым характером данных по ведущим жизненным ориентирам.

Так, вандальные действия, вызванные стремлением юноши получить в их результате какую-либо материальную выгоду для себя (стяжательный вандализм), или получить преимущества в социальных отношениях (тактический вандализм) частично иницируются представленностью у человека таких ценностных приоритетов как: уважение ритуалов и традиции социального сообщества или группы, стремление получать от жизни удовольствие, желание управлять ситуацией и быть относительно независимым от обстоятельств. Вышеперечисленные ценности позволяют человеку оценивать свои поступки не сточки зрения общественной морали, а с позиции личной и интрупповой целесообразности.

Таблица 8 – Результаты множественного регрессионного анализа на юношеской выборке

Модель	Независимая переменная	Зависимая переменная	R^2	Значения F-Фишера		Коэффициенты регрессии	
	Ценности	Мотивы вандального поведения		F	p-знч.	β	p-знч.
1.	Традиции	Стяжательный вандализм	0,121	4,590	0,002	-0,309	0,002
	Самостоятельность					-0,208	0,019
	Гедонизм					-0,304	0,001
	Власть					-0,165	0,050
2.	Гедонизм	Агрессивный вандализм	0,111	8,450	0,000	-0,265	0,001
	Власть					-0,222	0,007

Проблема рассогласования ценностных ориентаций подростков...

Модель	Независимая переменная	Зависимая переменная	R ²	Значения F-Фишера		Коэффициенты регрессии	
	Ценности	Мотивы вандального поведения		F	p-знч.	β	p-знч.
3.	Традиции	Тактический вандализм	0,131	5,010	0,001	-0,237	0,015
	Самостоятельность					-0,170	0,053
	Гедонизм					-0,322	0,001
	Власть					-0,233	0,006
4.	Традиции	Любопытствующий вандализм	0,067	4,870	0,009	-0,225	0,017
	Гедонизм					-0,267	0,005
5.	Гедонизм	Экзистенциальный вандализм	0,036	5,110	0,025	-0,190	0,025
6.	Традиции	Конформный вандализм	0,078	5,710	0,004	-0,197	0,036
	Гедонизм					-0,307	0,036
7.	Гедонизм	Вандализм, вызванный средой	0,032	4,570	0,034	-0,180	0,034
8.	Традиции	Вандализм, вызванный скукой	0,078	5,680	0,004	-0,219	0,020
	Гедонизм					-0,299	0,002

Агрессивная мотивация причинения ущерба чужой или общественной собственности подкрепляется с одной стороны стремлением человека почувствовать возможность управления окружающим миром, а с другой желанием переживать чувство удовольствия, в том числе и от риска совершения противоправных действий. В этом случае, юноша через преобразование окружающего материального пространства как-бы осуществляет индивидуальный контроль всей среды, в том числе и социальной.

Вандальные действия, мотивированные поиском развлечений (вандализм, вызванный скукой), познавательным интересом (любопытствующий вандализм) или стремлением к идентификации с референтной группой (конформный вандализм) характерны при преобладании у человека значимости традиций социальной общности и ориентации на получение от жизни удовольствия. Подобный вариант причинно-следственной связи может быть обусловлен возрастными механизмами, актуальными в период юности, когда молодые люди посредством вандальных актов пытаются найти компромисс между процессами идентификации и индивидуализации.

Вандальное поведение, инициируемое неудобством окружающей среды или поиском способа самореализации, подкрепляется характерной ориентацией юноши на получение удовольствия или гедонистической направленностью. В этом случае приятные переживания могут быть связаны как с моментом самопрезентации собственной личности и ее возможностей, так и с результатом преобразования окружающей действительности с целью повышения субъективного качества ее эргономики. В силу переживания человеком высокоэнергетических эмоций – восторга, эйфории и т.п. упускается из внимания моральный аспект совершаемых действий.

Таким образом, можно говорить о том, что ценностные ориентации подростков и юношей в определенной степени влияют на выбор ими вандальных действий. В зависимости от преобладания какой-либо ценности, они склонны инициировать у себя подобный вариант отклоняющегося поведения, но с позиции различных мотивационных оснований. Так, подростки в наибольшей степени склонны к совершению вандальных действий в связи с необходимостью принятия ценностей референтной группы и соответствия им, следовательно, можно предположить, что данная возрастная категория будет отличаться групповым характером данного вида

поведения. Юноши, наоборот, ориентированы на проявление своей индивидуальности при обязательном учете собственных эгоистических потребностей посредством актов вандализма.

Рассмотренные закономерности позволяют не только лучше понимать детерминацию вандализма в подростковой и юношеской среде, но прогнозировать данное поведение, и соответственно предупреждать появление его результатов, в виде граффити в общественных местах, разрушений памятников культуры и других форм причинения вреда чужой или общественной собственности.

Третий этап. При проведении корреляционного анализа для выявления степени индивидуальной согласованности профиля нормативных и реализуемых ценностей респонденты в подростковой и юношеской группах были разделены на 3 подгруппы:

1. Респонденты с антагонистическими ценностными профилями, т.е. деструктивной системой ценностей (статистически значимый отрицательный коэффициент корреляции между нормативными и реализуемыми в поведении ценностями) – 0,5% в подростковой выборке; 1,4% в юношеской выборке;

2. Респонденты с рассогласованными ценностными профилями, т.е. деформированной системой ценностей (статистически значимые корреляционные связи между двумя формами проявления ценностей отсутствуют) – 71,5% в подростковой выборке; 58,4% в юношеской выборке;

3. Респонденты с согласованными ценностными профилями (статистически значимый положительный коэффициент корреляции между социальным нормативом и ориентирами в реальном поведении) – 28% в подростковой выборке; 24,2% в юношеской выборке (для юношеской выборке не были учтены данные 54 респондента, коорые составили 15% от ее общего числа).

Опираясь на полученное процентное распределение можно заметить, что в юношеской возрастной группе по сравнению с подростковой группой появляются юноши, которые не просто демонстрируют рассогласование ценностей и личностных ориентаций, а имеют прямо противоположные ориентиры в своем поведении относительно тех, которые они признаю правильными и просоциальными. Соответственно, здесь можно говорить о варианте не просто деформации ценностной сферы, а о ее деструкции, возможно приводящей к устойчивому выбору девиантного поведения.

Также обращает на себя внимание тот факт, что юноши, не имеющие рассогласования или противопоставления профилей ценностей, составляют всего треть от общего числа опрошенных, что, несомненно, настораживает, так как противоречит ключевой возрастной задаче по интериоризации ценностных ориентиров и выстраиванию собственной системы жизненных приоритетов. Однако, в подростковой группе, таких респондентов около одной четверти, что еще более тревожно, так как преобладающее число опрошенных подростков демонстрируют отсутствие осознанной ценностной регуляции собственного поведения.

Для обнаружения статистически достоверных различий в выраженности склонности к отдельным видам вандального поведения в каждой возрастной группе был проведен сравнительный анализ выделенных подгрупп по критерию Краскела-Уоллиса. В результате статистических расчетов в подростковой выборке значимых различий между подгруппами респондентов с согласованными и рассогласованными ценностями обнаружено не было (группа подростков с антагонистическими ценностями в анализе не учитывалась в связи с низкой численностью). Полученные данные по юношеской выборке представлены в таблицы 9.

Таблица 9 – Результаты сравнительного анализа по выраженности мотивов вандального поведения в группах юношей с различной степенью согласованности ценностной сферы (критерий Краскела-Уоллиса)

Мотив вандального поведения	Хи-квадрат	Уровень значимости	Средний ранг по группе		
			Антагонистичные	Рассогласованные	Согласованные
Протестующий вандализм	6,25	0,044	116,83	70,40	63,51
Любопытствующий вандализм	5,17	0,075	116,67	66,37	70,74
Стяжательный вандализм	4,76	0,093	109,50	71,21	62,51

Примечание: полужирным шрифтом выделен мотив вандального поведения, получивший среднестатистически достоверные отличия. Остальные мотивы различаются на уровне тенденции.

Опираясь на полученные результаты, можно утверждать, что юноши с прямо противоположными декларируемыми ценностями и ориентирами собственного поведения наиболее предрасположены к совершению вандальных действий. Так, они скорее выберут этот вариант поведения как возможность выразить своё несогласие, протест против чего-либо, посредством несанкционированного изменения объектов чужой или общественной собственности они обозначают свою персональную позицию, мнение относительно чего-либо. Необходимо заметить, что данные способ носит скорее анонимный характер и если юноша все-таки обозначает себя как автора содеянного, то и использует маркеры, понятные только конкретной социальной группе, к которой он относится (теги, граффити и т.п.).

Кроме того, юноша с деструкцией ценностной сферы по антагонистичному типу склонен совершать акты вандализма исходя из собственного любопытства, интереса, стремления получить новые впечатления и пережить необычные эмоции (выплеск адреналина, чувство опасности, риск и т.п.). С другой стороны, поступки, причиняющие ущерб чужим объектам могут приносить реальную выгоду самому субъекту активности. Тогда, вандальное поведение, становится продуманным, частично или полностью осознаваемым действием.

Таким образом, результаты данного эмпирического исследования подтвердили предположение о том, что высокую готовность к совершению вандальных действий демонстрируют подростки и юноши с определенными деструкциями и деформациями ценностно-поведенческой сферы. Кроме того, система ценностных ориентиров в подростковом и юношеском возрастах подвержена проблеме рассогласованности между ориентирами, которые человек определяет для себя и теми ценностями, которые лежат в основе его реального поведения. Данная деформация приводит к повышению вероятности выбора подростком девиантного поведения, среди видов которого достаточно широко представлен вандализм. В юношеском возрасте замечена еще более глубокий вариант рассогласования – антагонистичное противопоставление ценностного профиля и профиля личности, что относится нами к деструкции ценностной сферы и влечет за собой не просто склонность к совершению вандальных действий, а формирование

более устойчивой мотивационной готовности к выбору вандального поведения. Помимо специфических особенностей структуры ценностных ориентаций, вандальная активность свойственна тем подросткам, которые отличаются от своих сверстников высокими показателями эмоциональной напряженности, в частности достаточно агрессивны и враждебно настроены по отношению к социальной среде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Воробьева И.В., Кружкова О.В. Возможности диагностики мотивов вандального поведения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2011. № 42 (259). С. 35-40.
2. Горьковая, И.А. Эффективность копинг-стратегий у подростков с девиантным поведением / И.А. Горьковая // Доклад на пленарном заседании III Международной научно-практической конференции «Психология стресса и совладающего поведения». Кострома, 26 – 28 сентября 2013 г. Кострома, 2013.
3. Карандешев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.
4. Леонтьев, Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д.А. Леонтьев // Вопросы философии. 1996. № 5. С. 25.
5. Смирнов А.В., Прядеин В.П. Аддиктивное поведение с позиций эволюционно-этологического подхода // Научный диалог, 2012. № 1. С. 84-96.
6. Elliott D. et al. Multiple problem young. New York: Springer-Verlag, 1988.
7. Shannon L.W. The role of vandalism in delinquent careers //Vandalism: Behavior and motivation/ Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.

© И.В. Воробьева, 2014

© О.В. Кружкова, 2014

Конфликтность межэтнического взаимодействия в современной России

Анастасия Александровна Степанова

ABSTRACT: The author considers the phenomenon of the ethnic conflict and its manifestation in a working team. The author describes problems of studying of an ethnic marginality of the personality and its influence on interethnic interaction. The author points to the necessity of drafting the concept for overcoming the personal ethnic marginality.

KeyWords: Conflict, ethnical, modern Russia

АННОТАЦИЯ: Рассматривается явление этнического конфликта и его проявление в трудовом коллективе. Описаны проблемы изучения этнической маргинальности личности и ее влияния на межэтническое взаимодействие. Указано на необходимость разработки концепции преодоления этнической маргинальности личности.

Ключевые слова: Конфликт, этнический, этнос, современная Россия

Современное человечество представляет собой довольно сложную этническую систему, включающую в себя несколько тысяч различного рода этнических общностей. Наиболее ощутимыми тенденциями культурно-цивилизационного развития являются многокультурность и взаимовлияние культур. В последнее время активно применяется межкультурный подход: уважение, понимание и правильная оценка многообразия; отказ от дискриминации и изоляции; упрочение солидарности и взаимной поддержки между членами многоэтнических обществ. Вместе с тем, в мире фиксируется углубление неравенства между индивидами

и государствами, народами и этносами, обострение социальных противоречий.

В разных городах и поселениях страны возникает этническая напряженность, нередко встречаются проявления национализма и ксенофобии, которые влекут за собой различного рода столкновения между местным населением и этническими общинами, проживающими на территории принимающего государства. Напряженность и конфликтность взаимоотношений между различными этносами из межгосударственного уровня переходит в межгрупповой и межличностный.

Действительно, приток мигрантов в страну ежегодно растет, занимая активную позицию и на рынке труда. Преимуществами данного явления для Российской Федерации являются:

1. Компенсация сокращения и старения населения РФ;
2. Удовлетворение спроса на рабочую силу, готовую работать за низкую заработную плату;

3. Знакомство с иными культурами и традициями и пр.

Однако существуют и явные риски, а именно:

1. Тенденция к изменению этнического баланса не в пользу принимающего государства;
2. Опасность ослабления суверенитета России над отдельными территориями Сибири и Дальнего Востока;
3. Угроза разворачивания конфликтов из-за неконтролируемого воздействия мигрантов на рынок труда;
4. Рост потоков денежных переводов из России и пр.

С каждым днем принимающее общество все в большей степени осознает угрозы существующего явления, вследствие чего возникает этническая напряженность и нестабильность российского общества, находящие отражения в крайних формах противостояния – конфликтах [9].

Современные социально - политические, экономические трансформации и кризисные явления влияют не только на общий социальный климат в стране, положение дел в экономике и бизнесе, но и на деятельность организаций, настроения людей, т.е. персонала этих организаций. Конфликтные факторы современной России, в том числе и нарастающая межэтническая напряженность, является внешней средой любой организации, анализ которой необходим для эффективной профилактики конфликтов

в коллективе, выявления причин их возникновения, а так же результативного прогнозирования и регулирования.

Конфликт в организации – это открытая форма существования противоречивых интересов, возникающих в процессе взаимодействия людей при решении вопросов производственного и личного характера. Особое значение имеет то, что противоречия личного характера сотрудников организации, несомненно, отражаются на процессе трудовой деятельности. Конфликтное взаимодействие в трудовом коллективе, основанное на различиях по этническому признаку, совсем недавно вышло на уровень проблемы, однако все более укрепляется в современной российской действительности.

Современные руководители крупных организаций, где в состав работников входят представители различных этнических групп, вынуждены решать одновременно и производственные задачи, и задачи социокультурной адаптации, решения этнических конфликтов и снятия социальной напряженности. При этом у руководителей организаций отсутствуют навыки профилактики этнической маргинальности личности и регулирования этнических конфликтов в организациях.

Этим обусловлено и повышенное внимание к проблеме со стороны российского государства и научного сообщества. Важно отметить, что реализация концепции государственной миграционной политики является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития РФ. Основные направления деятельности Правительства РФ в области миграции таковы:

1. Обеспечение контроля за иммиграционными процессами в Российской Федерации, сокращение нелегальной иммиграции;
2. Обеспечение условий для интеграции вынужденных мигрантов в социальную среду;
3. Содействие привлечению иммигрантов в Российскую Федерацию, исходя из интересов обеспечения экономики страны и ее регионов необходимыми трудовыми ресурсами;
4. Усиление влияния миграционных процессов на улучшение обеспечения отраслей экономики отдельных территорий квалифицированной рабочей силой;
5. Оптимизация направлений и объемов миграционных потоков, содействие более эффективному использованию трудовых ресурсов [15].

Таким образом, изучая актуальность выбранной тематики, следует отметить наличие противоречия между потребностью крупных организаций в профилактике этнических конфликтов и неразработанностью технологии профилактики этнических конфликтов в организации. Успешное управление межэтническим конфликтным взаимодействием невозможно без разработки технологии профилактики этнических конфликтов в организации. У руководителей организаций отсутствуют навыки профилактики и регулирования этнических конфликтов в организациях, а проблема конфликтности и напряженности межэтнического взаимодействия в трудовом коллективе как на теоретическом так и на практическом уровне мало изучена.

Теоретический аспект вопроса направлен на изучение явлений этнического конфликта и межэтнической напряженности, их причин и предпосылок возникновения, а так же возможность их проникновение во все другие виды социальных конфликтов. Остановимся на рассмотрении основных категорий и их логических связей. Ясно, что в случае изучения этнических конфликтов, мы имеем дело с межгрупповыми отношениями, т.е. отношениями, объектом и субъектом которых являются группы.

Все межгрупповые отношения в обществе могут быть анализированы на микроуровне, мезоуровне и макроуровне социальной жизни. На макроуровне складываются отношения между большими социальными группами в рамках всего общества или даже между государствами и странами. Межгрупповые отношения здесь определяются местом каждой из них в системе общественной жизни. Такие отношения всегда определяли поведение многих индивидуумов, что объясняется такой психологической особенностью, как идентификация. На мезоуровне возникают отношения между первичными группами в рамках определенной общности, а на микроуровне отношения существуют между микрогруппами, которые образуются уже в самой первичной группе.

Межэтническое взаимодействие является одним из макроуровней межгруппового взаимодействия и представляет большой практический и теоретический интерес. В основе межэтнического взаимодействия, как и любого межгруппового взаимодействия, лежат определенные закономерности: самоидентификация; сравнение, сопоставление с другими этносами; противопоставление себя другим по принципу «мы-группа», «они-группа» [1].

Под этническим конфликтом понимают конфликты по поводу прав и интересов этнических общностей. Отметим, что нередко этнические конфликты часто называют межэтническими, поэтому в нашей статье эти понятия являются аналогичными и взаимозаменяемыми. В конфликтных ситуациях обнажаются противоречия, которые существуют между общностями людей, консолидированными на этнической основе.

Важно отметить, что не существует единого мнения о точном понятии этнического конфликта. Социологи, политологи и этнологи часто рассматривают его исключительно как реальную борьбу между группами, как столкновение несовместимых действий. Так, например, В.А. Тишков дает определение этнического конфликта как любой формы гражданского, политического и вооруженного противоборства, в котором стороны, или одна из сторон, мобилизуется, действуют или страдают по признаку этнических различий. При таком понимании конфликт оказывается стадией крайнего обострения противоречий, проявляющейся в конфликтном поведении.

Подобные разногласия связаны с тем, что природа любого социального конфликта, в том числе и этнического, всегда сложна и противоречива, поскольку имеет целый комплекс причин и конфликтогенных факторов, явные и латентные интересы сторон, определенные этапы развития и формы противоборства. Однако всякий этнический конфликт начинается с этнической напряженности, особого психического состояния этнической общности, которое формируется в процессе отражения групповым этническим сознанием совокупности неблагоприятных внешних условий, ущемляющих интересы этноса, дестабилизирующих его состояние и затрудняющих его развитие [13].

Межэтническая напряженность является разновидностью напряженности социальной, которая представляет собой длительное негативное состояние группы или общества в целом, вызванное давлением природной или социальной среды. Трансформация социальной напряженности в межэтническую является закономерным процессом в условиях глубоких изменений полиэтнического общества [12].

Основные показатели наличия явления социальной и межэтнической напряженности следующие:

1. Распространение настроений неудовлетворенности существующих ситуаций;

2. Потеря доверия к властям, падение авторитета власти, пессимизм, большое количество разнообразных слухов и домыслов, высокий уровень психического беспокойства;

3. Стихийные массовые действия: митинги, акции протеста, пикеты и прочие акты неповиновения властям;

4. Рост активности различных экстремистских групп [5].

Социальная напряженность в различных социальных сферах общества является предвестником появления конфликтной ситуации. Сам конфликт еще не явен, потому как нет противостояния сторон. То есть социальная напряженность выступает в роли манифестатора возникающего конфликта.

Возникновение состояния напряженности связано с осознанием «противоположного» субъекта взаимодействия, а также с самоидентификацией, которая предполагает противопоставление своей этничности другим. Так возникают конфликт идентичности, которые в той или иной форме присутствуют в любом ином типе межэтнического конфликта.

В соответствии с теорией социальных изменений Т. Парсонса, межгрупповая напряженность возникает в случаях изменения установившегося равновесия в балансе обмена между группами как элементами социальной системы. Это происходит сразу же, как только одна из сторон организуется по какому-либо новому социальному признаку, например, этническому. Происходят внутрисистемные изменения и начинаются новые отношения, которым с самого начала не суждено обойтись без противоречий. Такую тенденцию Т. Парсонс обозначал как категорию напряженности и придавал ей важнейшее значение для понимания социальных трансформаций в обществе.

В соответствии с этим межэтническая напряженность – это итоговое нарушение баланса взаимоотношений на всех уровнях поликультурного общества, в результате которого происходит раскол массового сознания на множество этнических идентичностей, и межэтнические отношения переструктурируются согласно новым социальным условиям.

Степень этнической напряженности зависит от структуры и содержания межэтнических коммуникаций, особенностей этни-

ческой культуры взаимодействующих общностей и исторического характера отношений между ними. Эти компоненты обретают свое существование в виде представлений, мнений, убеждений, выражающих отношение к существующей практике межэтнических отношений в государстве; в виде этнокультурных установок, поведенческих моделей, а также в виде отдельных фрагментов исторической памяти этноса, включающей оценочное знание исторических событий в сфере межэтнических отношений.

Социальные психологи и социологи выделяют шесть групп взаимозависимых факторов, влияющих на межэтнические взаимоотношения:

1. Исторические факторы: ход исторических событий, в результате которых складывались отношения народов; исторические события, которые становятся символом в ходе ныне развивающихся отношений; особенности историко-социального развития народа, включенного во взаимодействие;

2. Политические факторы: принципы и формы государственного устройства, характер политического строя, тип государственной национальной политики;

3. Социально-структурные факторы: взаимосвязь социальной и этнической стратификации; влияние социально-структурных изменений; этнический фактор в социальной мобильности;

4. Культурные факторы: просвещение и информированность; традиционные нормы каждой культуры;

5. Психологические факторы: мотивационные подходы, которые исходят преимущественно из эмоциональной сферы психической деятельности; когнитивные процессы, а именно социальная категоризация, идентификация, социальное сравнение, межгрупповая дискриминация; деятельностный подход, опирающийся на специфику деятельности групп, объективных условий, в которых существуют и взаимодействуют группы.

6. Ситуативные факторы – такие ситуации, когда этнические группы имеют общие цели, интересы, зависят от сотрудничества и взаимодействуют при позитивной поддержке правительства [3].

Межэтническая напряженность и конфликт также порождаются не самим фактом существования этносов, а перечисленными условиями и обстоятельствами, в которых они живут и развиваются. Именно в этих условиях находятся основные причины воз-

никновения межэтнических конфликтов. Этнические конфликты на микроуровне также имеют свое начало в глобальных противоречиях. Особая значимость отводится истории межэтнических отношений. Историческая память особенно хорошо фиксирует национальные обиды и признательность. А митинги на исторические темы способствуют переводу социальной напряженности в межэтническую. Всегда удобнее указать на исторического врага, чем разобраться в том, кто виноват в сегодняшнем положении народа и, самое главное, что нужно сделать, чтобы выбраться из него. Прошлое в этом случае начинает восприниматься через призму настоящего [11, 13].

Анализ литературы показывает, что большинство авторов описывают и анализируют межэтнический конфликт на глобальном уровне, где большое значение имеют политические и социальные характеристики. В этом контексте под этническим конфликтом понимается социальная ситуация, обусловленная несовпадением интересов и целей отдельных этнических групп в рамках единого этнического пространства или этнической группы, с одной стороны, и государства, с другой, выражающаяся в стремлении этнической группы изменить свое положение в отношениях с другими этническими группами и государством. Субъектами такого конфликта являются крупные социальные группы разных этносов.

В случае если субъектами конфликтного взаимодействия выступают принимающее общество и потоки мигрантов, ежегодно прибывающие в страну с целью трудоустройства, то речь идет об особом виде этнического конфликта – миграционном конфликте. Особую актуальность в современном мире понятие миграционного конфликта приобрело благодаря нелегальной миграции.

Однако одной из специфических особенностей межэтнического конфликта является то, что он способен проникать во все другие типы конфликтов, захватывая конфликтные ситуации, сформировавшиеся по другим линиям социального взаимодействия [7]. Эта характеристика особенно важна для нашей статьи, в связи с тем, что нас интересуют этнические конфликты на мезоуровне и микроуровне, т.е. на уровне малых социальных групп, таких как организации, предприятия и пр. В этом случае нам наиболее близка позиция Т.Г. Стефаненко, описывающей этнический конфликт «как любую конкуренцию между группами – от ре-

ального противоборства за обладание ограниченными ресурсами до предполагаемого расхождения интересов – во всех тех случаях, когда в восприятии хотя бы одной из сторон противостоящая сторона определяется с точки зрения этнической принадлежности ее членов». В этом случае делается акцент на воспринимаемом расхождении интересов. При включении психологической составляющей в понятие конфликта его объяснение становится более комплексным, т.к. анализируются когнитивные и мотивационные процессы, которые могут предшествовать непосредственным столкновениям, влиять на эскалацию и продолжаться после их завершения.

Межэтническое взаимодействие и его конфликтный характер является центром изучения ученых разнообразных областей с давних времен. Вопрос о причинах и предпосылках возникновения этнических конфликтов интересовали таких ученых, как А.Г. Здравомыслов, В.И. Козлов, Г.Х. Попов, И.М. Крупник, В.А. Тишков, Э.А. Панн, А.А. Попов и др, а так же рассматривается в рамках структурно-функциональной модели конфликтов (Т.Парсонс, В. Ньюман, Д. Снайдер, Ч. Тилли, Л.Козер) и в рамках теории фрустрации агрессии (Д.Доллард, Н. Миллер, Л. Берковиц) [4].

Вопрос причин и предпосылок возникновения межэтнических конфликтов и на данном этапе остается актуальным. Анализируя различные концепции и модели конфликтов, а так же учитывая особенности современных тенденций, можно выделить следующие причины этнических конфликтов:

1. Исторические причины – депортации народов, несправедливости административно-территориальной иерархии народов, произвольная перекройка границ национальных образований;
2. Коллективные интересы группы – ценности и представления этносов, не совпадавшие с ценностями и представлениями русских;
3. Целенаправленные действия политиков по разжиганию конфликтов с целью захвата и удержания власти;
4. Инерционный фактор – растущее отчуждение народов, этнофобии и ксенофобии как следствие исторических причин (вооруженные конфликты и т.д.);
5. Информационные причины – распространение информации об этнических группах в средствах массовой информации;
6. Стереотипы и установки – формирование негативного мнения о лицах, принадлежащих к отличным от русского этносам [4].

Последнее время наиболее острой является проблема расовых предрассудков и этнических стереотипов, их роли и функций в регуляции непосредственного взаимодействия между представителями различных рас, этносов, этнических меньшинств и т.д.

Этнические установки – это установки, которые имеют место тогда, когда человек, действуя в любой сфере, осознает, оценивает и поступает как личность, включенная в этническую группу. Межэтнические установки – это установки на взаимодействие (отрицательное или положительное со всеми нюансами) с другими этническими общностями в любой сфере жизнедеятельности и в любом виде – от личностного общения с людьми иной национальности до восприятия явлений, элементов истории, культуры, типов социально-экономического развития или еще шире – иных цивилизационных форм. Этнические и межэтнические установки формируются в процессе социализации и затем закрепляются в навыках, без которых строить отношения просто невозможно. Они аккумулируют предшествующий жизненный опыт, причем не только свой, но и окружающих.

Очевидно, что проблема конфликтности и напряженности межэтнического взаимодействия ежедневно становится все более актуальной. Это обусловлено нарастающей межэтнической напряженности; агрессией русского этноса, направленной на мигрантов; созданием негативных этнических стереотипов; изоляцией этнических меньшинств и т.п. В связи с этим особый интерес направлен на развитие межкультурного общения.

Идея межкультурного сотрудничества и его важности для выживания человечества принадлежит к категории вечных проблем. Вместе с тем, на практике имеет место явление изоляции мигрантов: появление жилых микрорайонов, заселенных одной нацией (китайский и др. квартал); наличие образовательных учреждений, в которых обучаются преимущественно представители одной национальности и т.д. Таким образом, происходит не социализация в новое социо-культурное пространство, а формирование национальных «резерваций», которые свидетельствуют о трудностях межличностного взаимодействия и столкновениях ценностных ориентаций субъектов взаимодействия.

Подобные анклавы представляют собой закрытые микро- и макросообщества мигрантов, существующие на временной или

постоянной основе и базирующиеся на осознанной вынужденной этнической самосегрегации. Эти сообщества сравниваются сейчас с печально известными гетто – район города, в котором селятся дискриминируемые национальные меньшинства.

В отечественной литературе введено понятие этнической маргинальности [6, 8, 13, 14]. В маргинальной психике стандарты, стереотипы поведения, духовные ценности различных приходят в противоречие, отражаясь в ней в форме внутренних конфликтов, состояния тревоги и напряженности. В свою очередь, чувство напряженности приводит к конфликтности личности [14]. Конфликтность трудовых отношений с работодателями, дискриминация и нетолерантная российская повседневность побуждают мигрантов вырабатывать формы социальной самоорганизации, сводящие к минимуму угрозы их безопасности и создающие скромные, но реальные возможности для сколько-нибудь комфортного общения в родной этнокультурной среде [10].

Проблема изучения этнической маргинальности личности и ее влияния на профессиональное развитие – это новая научная проблема, носящая комплексный междисциплинарный характер. В научной литературе выделяют философский, социологический и психологический уровни анализа.

Впервые проблема маргинальности личности была рассмотрена в социальной философии, где это понятие используется для анализа пограничного положения личности по отношению к какой-либо социальной общности, накладывающего при этом определенный отпечаток на ее психику и образ жизни. Маргинальность обычно определяется как «промежуточность», «пограничность» положения людей по отношению к крупным социальным группам, что накладывает отпечаток на их психологию и поведение. Маргиналы – это определенная категория людей, утратившая в силу различных причин традиционные нормы, ценности, представления и не воспринявшая социально-культурные ценности доминирующей группы. Это промежуточная социальная группа, нередко выступающая массовой базой антиобщественных и антигосударственных объединений и движений.

Американский социолог Роберт Эзра Парк впервые употребил это понятие в 1928 году в своем эссе «Человеческая миграция и маргинальный человек». Согласно Парку, маргинальный чело-

век – индивид, находящийся на границе двух различных, нередко конфликтующих между собой культур. Маргинальная личность, по Парку, является продуктом естественного культурного процесса, расширяющегося взаимодействия культур.

Маргинальность рассматривалась как побочный продукт аккультурации, процесса воздействия друг на друга двух культур. Маргинальный человек живет в двух мирах одновременно (в случае иммигранта – в мире родной культуры и местной), что вынуждает его принимать ценности и нормы обоих миров.

Идеи Парка были развиты Эвереттом Стоунквистом, который опубликовал в 1937 году монографию «Маргинальный человек». Понятие маргинального человека у Э. Стоунквиста характеризует социального субъекта, участвующего в культурном конфликте. Им становится индивид, находящийся на краю каждой из культур, но не принадлежащий ни к одной из них. Маргинальная среда – это область, где две культуры переплетаются и где осваивающая пространство культура объединяет особенности обеих культур. В центре этого переплетения – маргинальный человек, борющийся за то, чтобы быть лидирующей личностью «между двух огней».

Принято считать, что первым понятие этнической маргинальности ввел А. В. Сухарев. Под этим термином он понимает расхождение в системе отношений человека к элементам культуры, природной среды, «природы» человека, имеющим этническое значение, и прилагает его не только к отдельным личностям, но и к социальным группам [14]. Далее анализ этого явления можно найти в работах Т. Г. Стефаненко, В. Г. Крысько и А. С. Ким.

В этнопсихологическом словаре «этническая маргинальность» определяется как этнокультурная одновременная принадлежность двум этническим культурам, порождающая двойственное этническое самосознание. Этническая маргинальность – следствие длительного проживания человека среди представителей других этнических общностей и зависит от того, каким является его этническое окружение – дружественным или нет [8].

А.С. Ким в своей работе «Этномаргинальность диаспор: социологические и культурологические основания политического исследования» оперирует двумя категориями – «этническая маргинальность» и «этническая маргинализация», и подчеркивает

необходимость их различать. В первом случае имеется ввиду состояние, во втором – процесс. Этническая маргинальность как состояние раздвоения этнического индивида весьма показательна для ситуации диаспоры. Этническая маргинализация может трактоваться как вид, характеристика диаспоральных процессов [6].

А. С. Ким рассматривает этническую маргинализацию как процесс утраты объективной принадлежности к определенной этнической общности, результатом которого является не последующее субъективное вхождение в иную общность, а поверхностное обладание внешними формами ее туры без проникновения в ее этническую ментальность [6].

В современных условиях этническая маргинальность часто связана с экспансией инфигированной европейской урбанистической культуры, сталкивающейся с этнически специфическими традиционными культурами. В российских условиях этническая маргинальность часто возникает при интеграции представителей различных народов в унифицированную культуру русскоязычного населения, особенно в городах.

Обычно этническая маргинальность сопровождается представлением о неравенстве социального статуса культур и психологически выражается в осознании индивидом своей неполной приобщенности к более “высокой” по статусу культуре и неполного разрыва с исходной более “низкой”. В этом случае этническая маргинальность характеризуется состоянием этнопсихологической “двойственности” представителей той или иной национальной общности, выражающейся в глубоких, субъективных переживаниях, которые затрагивают их этнический статус.

Этническая маргинальность сопровождает появление предпосылок для внутреннего конфликта этнической идентичности, развития интенсивной окрашенности эмоциональной сферы национального сознания людей, возникновения негативного отношения к воздействию других культур. Во втором поколении маргинальная группа стремится скорее избавиться от черт исходной культуры, в третьем же – часто наблюдаются возврат к традиционной культуре, усиленное возрождение этнической специфики (например, у многих подвергшихся ассимиляции народов бывшего СССР) [8].

Конфликтность этнической маргинальности диаспор очевидна и заложена в потенциальной возможности особой фор-

мы раздвоения идентичности их представителей. Существование двух политических полей: государства постоянного проживания и государства одноименного этнического большинства предопределяет конфликт идентичностей. Именно поэтому необходимо исследование возможностей профилактики и разрешения этого конфликта усилиями властных институтов, органов образования и культуры, общественных организаций [6].

Напомним, что напряженность и конфликтность взаимоотношений между различными этносами из межгосударственного уровня имеет тенденцию переходить в межгрупповой и межличностный.

В состав работников крупных предприятий и организаций входят представители различных этнических групп, которые взаимодействуют во благо одной цели. Однако конфликтный характер этих взаимоотношений, основанный на неприятии русской культуры иным этносом, а, следовательно, включенный в процесс этнической маргинализации, снижает трудовую активность личности работника и, как следствие, темпы производительности труда. В этом случае профилактическая деятельность оказывается сферой пристального внимания административного корпуса крупных предприятий.

Таким образом, проблема, которая заключается в потребности крупных организаций в профилактике этнических конфликтов и отсутствии разработанных технологий этого процесса, усугубляется наличием в современной России такого явления, как «этническая маргинальность». Профилактическая деятельность должна быть основана на глубоком изучении теоретической стороны проблемы конфликтности межэтнического взаимодействия в сочетании с этнопсихологическим исследованием ситуации конкретной организационной среды. А так же немаловажным фактором для специалистов, работающих над изложенной проблемой, должна являться этническая маргинализация.

Вероятно, в рамках совместной трудовой деятельности межэтническое взаимодействие и его конфликтный характер будут проявляться в минимальной степени. Это обусловлено достижением общей цели, ради которой и осуществляется совместная деятельность в организации. Эмигранты осознают, что в ситуации выполнения трудовых обязанностей от них требуется эффективность профессиональной деятельности. Для достижения максимального результата деятельности представители этни-

ческих меньшинств приспособляются к правилам и нормам группы, проявляют конформизм, тем самым игнорируя свои этнические особенности. В этом случае, рассматривая взаимоотношения непосредственно в трудовом коллективе, конфликтность сотрудников на основе этнических различий приближена к минимальному уровню.

Однако покидая рабочее место, они возвращаются в созданные анклавы, которые представляют собой этническую микро-группу, тем самым проявляя этническую маргинальность. В этом случае интеграции этнических меньшинств в принимающее российское общество не происходит, либо является ложным. В связи с этим, основными направлениями деятельности в сфере профилактики этнических конфликтов в организации должны стать интеграция и адаптация трудовых мигрантов в принимающее общество.

Этот тезис был озвучен Председателем Правительства РФ Д.А. Медведевым на XIV съезде партии «Единая Россия». В рамках Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года разработан и реализуется Пилотный проект «Центр социальной адаптации трудовых мигрантов» (г. Тамбов, г. Оренбург). Очевидно, что эту практику необходимо усовершенствовать и внедрить во все крупные города РФ. Центры социальной адаптации трудовых мигрантов должны быть реализованы не только в пределах государственной программы, но и в форме самостоятельного подразделения при крупных организациях с полиэтническим трудовым коллективом.

Отметим, что в психологии понятие этнической маргинальности введено недавно и еще не конкретизировано, однако необходимость его использования и изучения бесспорна. Особое внимание следует обратить на условия возникновения этнической маргинальности в конкретных организациях, которые остаются недостаточно изученными с теоретической и особенно с практической точки зрения.

В психологической и науке также отсутствует концепция преодоления этнической маргинальности личности, несмотря на востребованность технологий их профилактики и коррекции. Ее теоретическая часть должна включать определение феномена этнической маргинальности; ее генезиса; факторов, детерминирующих ее развитие; причины и формы ее проявления в профессиональной деятельности. Практическая часть должна включать

разработку технологий преодоления этнической маргинальности посредством психологического содействия, профилактики и коррекции, а также развивающих технологий профессионального образования.

Конфликтологическая наука должна обратить внимание на влияние маргинальности этнических меньшинств на российское общество, нарастание социальной и этнической напряженности и развитие национализма и ксенофобии (макро-уровень). Практическая часть должна быть направлена на мезо и микро-уровни социума и включать разработку технологий профилактики этнических конфликтов в трудовом коллективе, в том числе внедрение в практику центров социальной адаптации для трудовых мигрантов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агеев, В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы / В. С. Агеев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 240 с.
2. Андреева, Г.М. Социальная психология: учеб. пособие для студентов вузов / Г. М. Андреева. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 364 с.
3. Анцупов, А.Я. Словарь конфликтолога: А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: ЭКСМО, 2010. – 656 с.
4. Арутюнян, Ю.В. Этносоциология: учеб. пособие для вузов / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусколов. – М.: Аспект Пресс, 1999г. – 271 с.
5. Галустова, О.В. Конфликтология в вопросах и ответах : учеб. пособие / О. В. Галустова. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 216 с.
6. Ким, А.С. Этномаргинальность диаспор: сициологические и культурологические основания политического исследования / А.С. Ким// Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2008. – №3 (10). – С. 151-162.
7. Козырев, Г.И. Конфликтология [Текст]: учебник/ Г. И. Козырев. – М. ИД «ФОРУМ» : ИНФРА-М, 2010. – 304 с.
8. Крысько, В.Г. Этнопсихологический словарь / В.Г. Крысько. – М., 1999. – 343 с.
9. Лукин, Ю.Ф. Конфликтология: управление конфликтами / Ю. Ф. Лукин. – М.: Академический проект, Трикта, 2007. – 799 с.

-
10. Платонов, Ю. П. Этническая экспансия / Ю. П. Платонов. – СПб.: Речь, 2010. – 600 с.
  11. Садохин, А.П. Этнология / А. П. Садохин. – М.: Гардарики, 2004. – 287 с.
  12. Солдатова, Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
  13. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология : учеб. для вузов / Т. Г. Стефаненко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 386 с.
  14. Сухарев, А.В. Этнофункциональный аспект воспитания и психотерапии: учеб. пособие/ А.В. Сухарев. – М.: МПСИ ; Воронеж: МОДЭК, 2008. – 261 с.
  15. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf>

© А.А. Степанова, 2014

Школьный графический вандализм как конфликт между личностью и средой

Ольга Валерьевна Гурова

ABSTRACT: The author explores the phenomenon of school vandalism graphic in terms of the subject's activity as suprasituational activity in a situation of instability, complexity.

KeyWords: Vandalism, graffiti, graffiti, Person, School years, Environment

АННОТАЦИЯ: Автор исследует явление школьного графического вандализма с точки зрения активности субъекта как надситуативную активность в ситуации нестабильности, сложности.

Ключевые слова: Вандализм, школьный период, школьные годы, граффити, школьный графический вандализм, переадресованная агрессия

Проблема вандализма характерна для любой культуры, но степень ее остроты и распространения зависит от уровня и качества жизни общества. На сегодняшний день распространение графического вандализма приобрело угрожающие размеры – в больших и малых городах стены домов, стволы зеленых насаждений, ограды и заборы, асфальтовые дорожки, рекламные стенды, т.е. поверхности всех доступных предметов и построек городской среды покрыты несанкционированными рисунками. Также эта проблема характерна и для учебных заведений, стены и мебель которых так же часто «разрисовываются» учащимися. При описании проблем вандализма многие исследователи (Э. Фромм, Т. Парсонс, В.И. Добренков, В.Н. Кудрявцев, С.А. Величева, В.Ф. Пирожков и др.) указывают, что наибольшая склонность к вандальному поведению проявляется в периоды подростничества и юности. Это связано с особенностями этих возрастных периодов, когда в силу вступают реакции эмансипации (дети перестают

признавать взрослых за авторитеты, для подростков становится важным показать, что они сами могут все решать за себя, в том числе и решать, как себя вести); группирования (объединение для свободного времяпрепровождения со сверстниками в большие компании); подражания (демонстрация сходных типов поведения всеми участниками подростковой компании). Сочетание всех этих реакций приводит к проявлению открытого протестного или демонстративно-асоциального поведения среди подростков и юношества (поскольку перечисленные реакции могут сохраняться и в период юности). При этом наибольшую склонность к крупным формам вандализма, связанных с уничтожением каких-либо объектов, проявляют представители мужского пола, в то время как мелкие формы вандализма (рисунки на мебели и стенах, процарапывание, марание и т.п.) распространены как среди мальчиков, так и среди девочек [16]. И если насчет крупных форм вандализма у нас не возникает сомнений в их категоризации к общему феномену вандализма, то мелкие формы часто могут рассматриваться как баловство, результат непреднамеренных действий, т.е. не воспринимаются вандализмом как таковым.

Изучением проблемы вандализма занимались многие зарубежные ученые: В. Олден, Д. Гринбергер, Р. Ричардс, Р. Соммер, Д. Фишер, Р. Бэрн, К. Ношис, Э. Роос, Д. Хэнсфорд, Д. Де Грюши и др. В отечественной психологии тема вандализма долгое время оставалась без должного внимания. Однако начиная с 90-х годов XX века данной проблематике посвятили свои исследования: А.С. Белкин, Ватова Л.С., С.Н. Вязов, И.В. Воробьева, О.В. Кружкова, Пашутина О.С., В.Ф. Пирожков, А.Г. Русаков, Харина Э.Н., Черемнова Н.А., В.А. Шурухнов и др. Определились различные подходы к изучению вандализма: криминологический, историко-культурологический, социально-психологический, педагогический.

Обращает на себя внимание тот факт, что в научной литературе практически не представлены работы по изучению вандализма в школах. К одним из немногих авторов, разрабатывавших этот вопрос, можно отнести А.Н. Волобоева [4].

Рост деструктивных тенденций (правонарушений, разрушительных последствий и т.п.) послужил толчком к активизации изучения вандализма. Проблема вандализма в целом и вандализма, совершаемого молодыми людьми, подростками, стала объектом

исследований представителей зарубежной науки с 70-х годов 20 столетия. Авторами разработан ряд теорий и концепций вандализма: эстетическая, связывающая разрушения и удовольствие от этого процесса (В. Олден, Д. Гринбергер), теория субъективного контроля, объясняющая разрушение окружающих объектов попыткой повышения уровня контроля субъекта над действительностью (В. Олден, Д. Гринбергер, Р. Ричардс, Р. Соммер), разрушение, связанное с ощущением субъективной несправедливости - ответное нарушение, как восстановление справедливости (Д. Фишер, Р. Бэрон), культурологическая теория, объясняющая уровень распространения вандализма культурно-историческими особенностями народа: традициями, ценностями, стилем жизни и др. (К. Ношис, Э. Роос), теория, связывающая вандальное поведение и влияние угнетающей среды, архитектурного дизайна (Д. Хэнсфорд, Д. Де Грюши).

В отечественной науке исследователи обратили пристальное внимание на проблему вандализма в конце 1990-х годов и продолжают обращаться к этой проблеме до настоящего времени, отмечая ее актуальность. Большинство исследований вандализма возникло в России в связи с законодательными изменениями и выделением в 1996 году новой нормы права, появлением уголовной ответственности за вандализм.

В социально-психологических и социологических исследованиях понятие "вандализм" отличается - имеет более широкое значение, чем в юридических источниках. В то же время, в целом наблюдается достаточно разрозненное представление об этом феномене.

Обращаясь к социально-психологическим и социологическим исследованиям, мы обнаруживаем, что говоря о вандализме, исследователи подразумевают разнообразные виды разрушительного поведения: это может быть разнообразная деятельность представителей молодежной субкультуры, завешанные рекламными щитами здания, разбитые или разрисованные стекла магазинов и автомобилей во время массовых беспорядков и пр. Трудность в выработке определения состоит также в том, что индивидуальные, групповые и социальные нормы в понимании того, какие именно разрушения имеют деструктивный характер для общества, не совпадают. С. Козн считает, что для вандализма в настоящее время не существует ни точной характеристики, опреде-

ляющей подобное поведение, ни узнаваемой правовой категории, существует только ярлык, который применяется к определенным типам поведения при определенных условиях. [14, р. 23].

Кроме этого, некоторые виды разрушений в обществе «принимаемы», институционализированы. Коэн перечисляет следующие обстоятельства, при которых разрушения рассматриваются обществом как допустимое или терпимое поведение. Это ритуализм, общественная лояльность по отношению к действиям некоторых социальных групп, привычность [14].

Проблема вандализма – одна из существовавших в обществе всегда и активизирующаяся с развитием цивилизации, вступающая с особой остротой, в том числе и в связи с вопросом сохранения культурного наследия. Немаловажным условием для этого является формирование определенного мышления у последующего поколения, включающее ответственность за материальные и духовные ценности, признанные обществом.

Современное общество, развиваясь и тем самым интенсивно влияя на личность, создает особые условия для ее формирования: предъявляет особые требования к автономии, ответственности и свободе. Высокая взаимозависимость, информационная и коммуникативная перегруженность подводят к необходимости отбора средовых влияний и усиления способности к независимому творчеству, неконформному, аутентичному существованию. Современный мегаполис, воздействуя на личность деиндивидуализирующе, в то же время увеличивает потребность в адаптации и в гармонизации взаимоотношений «субъект – окружающий мир», в развитии личной самобытности. Реализация этих потребностей часто принимает искаженные формы, деструктивно воздействуя на личностную целостность человека. Адекватно сформированная личная суверенность напрямую связана с такими остро востребованными в социальном взаимодействии явлениями как ненасилие, доверие и толерантность, предполагающими уважение к суверенности других людей.

Проблема целостности личности, ненарушенности ее границ, как правило, связана с одним из видов насилия – эмоционального или физического, проявляющегося как пассивная депривация или явная жестокость. Е. Т. Соколова подчеркивает особую виктимность «Я» у личности с низкой структурированностью и слабостью границ, считая, что именно такая личность особенно

легко становится жертвой чужого влияния [8]. Анализируя случай, касающийся немотивированного подросткового воровства, Т. В. Снегирева, анализируя подростка с отклоняющимся поведением, также использует понятие границ и усматривает причину подростковой девиантности в той плоскости межличностных отношений внутри семьи, где границы между поступками одного и поступками другого стерты [8]. Неспособность подростка устанавливать адекватную психологическую дистанцию по отношению к угрожающим явлениям и разотождествляться с ними, многократные нарушения его личной приватности, психологического пространства, его суверенности приводят к обостренной реакции эмансипации. Депривированный подросток обретает нужные ему условия (территорию, имущество, статус и пр.) самостоятельно, нередко и противоправными способами, т.е. проблема границ для него связана с готовностью внедряться. В данном случае, подросток, совершая акты вандализма внедряется на чужую территорию, разрушает ее, в результате чего его суверенность восстанавливается и сверхкомпенсируется.

Кроме этого, необходимо отметить значимость социально-психологической адаптации подростка – умения ориентироваться в социальных ситуациях, правильно определять личностные особенности и эмоциональные состояния других людей, выбирать адекватные способы обращения с ними и реализовывать эти способы в процессе взаимодействия. Нарушения социально-психологической адаптации подростка – неадекватность социальной самооценки, неприятие окружающих, эмоциональный дискомфорт и т.п. могут провоцировать подростка на неадекватные способы самовыражения и самоутверждения, в том числе и вандализм. Намерения человека, как правило, совпадают с поступками, замыслы – с воплощением, побуждения к действию – с его итогами.

Процесс самопознания в подростковом возрасте, поиск себя, определение своего статуса в обществе включает потребность отождествления себя с кем-то или чем-то. Самоутверждение и самовыражение в подростковом возрасте может проявляться и как креативный поиск, попытки порождать новые, необычные идеи, отклоняться в мышлении от стереотипов и традиционных схем, нестандартное поведение в проблемных жизненных ситуациях. Безусловно, замечательно если подросток обладает творческими способностями и навыками их применения.

Однако, при неблагополучии, описанных выше внешних и внутренних факторов, креативность, не найдя адекватных способов воплощения может принимать негативный характер, достигая уровня делинквентности.

Подростковый графический вандализм – распространенное явление, но его причины до сих пор остаются малопонятными и неоднозначными и кроются в объективных и субъективных факторах.

Графический вандализм может быть как ситуационной формой поведения, так и устойчивым способом поведения для отдельной личности или социальной группы. Проблема раскрытия социально-психологической природы граффити актуальна для понимания социальной психологии. В современном обществе происходят интенсивные изменения всех сфер: экономической, политической, социокультурной и др., и эти перемены, безусловно, затрагивают молодежь. Несмотря на это, в психологической науке формы самовыражения молодежи до настоящего времени остаются мало исследованными. Одним из таких современных способов индивидуального и группового самовыражения определенной части молодежи сейчас становится граффити [2].

Стремление понять истоки граффити, графического вандализма подводят нас к явлению детской и подростковой изобразительной деятельности и предположению о том, что рисование генетически заложено в жизнь и деятельность ребенка. Стремление к деятельностному познанию мира и к его активному творческому отображению – это часть детского эмоционального духовного, интеллектуального развития. Рисование представляется своеобразным графическим языком для ребенка. Этот язык индивидуален, его можно сравнить со свойствами почерка (Т. Траубе, 1937). Все, что волнует, вызывает любопытство, желание понять и освоить в окружающей действительности, находит отражение в рисунке ребенка, все комплексы ощущений, все впечатления выходят наружу. По мере взросления ребенка, подростка рисование постепенно и неизбежно поглощается речью и знаками письменной речи. Преимущественная роль речи приводит к угнетению рисунка. Явление граффити, как изобразительная деятельность, свойственна, в целом, преимущественно подростковому возрасту. «Более обостренное чутье» подростка ко всему новому (по сравнению со взрослым), интуитивность и

преимущество творческого, художественного отображения реальности над стереотипным, канонизированным объясняют его выбор графического способа самовыражения [9, с. 144].

Таким образом, мы можем рассматривать граффити, как на более близкий и доступный подростку способ самовыражения, осмысления реальности, осознания своей причастности к миру взрослых, социальным процессам, путем своеобразной, не подпадающей под рамки нормальности и социальной одобряемости, активности.

Творческая активность, присущая человеку изначально, подавляется внешними негативными влияниями и ограничениями, живое общение со взрослыми и сверстниками заменяется «общением» с электронными изобретениями человечества. Главная потребность формирующегося субъекта – потребность в активности не находит адекватных условий для реализации уже начиная с дошкольного возраста ребенка. По мере его взросления депривированные потребности субъекта и заглушенные творческие возможности соединяются в девиантную форму активности – графический вандализм.

Возможно, подросток нарушает нормы и правила не только и не столько из-за плохой наследственности или неправильного воспитания и склонности к делинквентному поведению. Большое значение на него оказывает то, что его окружает, что он видел и видит вокруг [5]. Подросток стремится быть субъектом своей жизни, но среда ограничивает, пугает, подавляет и т.п., а нажитый «арсенал» способов и средств социализации, самореализации, выражения социальных чувств достаточно скуден, творческий потенциал подростка «заперт» шаблонами и стереотипами. Граффити, как один из способов, знакомых и близких по содержанию с детства, становится тем средством, которое и позволяет подростку ощущать себя активным – быть субъектом.

Граффити понимается исследователями как неинституциональная изобразительная деятельность, отдельная самостоятельная девиация и раскрывается во взаимосвязи и соотношении таланта и склонности к нарушению социальных норм (А.И. Белкин, А.Н. Волобоев). Граффити может проявляться как ситуационный поведенческий акт, так и устойчивый вид социального поведения, характерный для групп современной молодежи [2].

Подростковый возраст – сложный и в то же время значимый период в жизни человека, во многом определяющий дальнейшую стратегию и траекторию «движения» личности, понимания себя и окружающего мира, определения своего места в этом мире и способов сосуществования и взаимодействия с ним. Это возраст повышенной впечатлительности ко всему тому, что делает человека взрослым и часто понимание «взрослости» для подростка сопровождается девиантным поведением, неадекватными способами самореализации и самоутверждения, «протестным» поведением, а этот «бунт» подростка при наличии негативных факторов и условий интериоризируется им в качестве нормы.

Обучение в школе, кроме усвоения школьной программы, включает в себя также множество других явлений, обусловленных влиянием школьной среды (предметной, информационной, социальной) и связанных с этим психических представлений и переживаний подростка, занимающих значимую часть его жизненного пространства и оказывающих на него влияние.

Неразрешенный конфликт подростка с окружающей средой из-за столкновения его потребностей с действительностью, которая не удовлетворяет его, приводит к восприятию школьной среды как источника ограничений, трудностей, опасностей и др. – барьера в удовлетворении актуальных субъектных потребностей, который часто воспринимается непреодолимым. Необходимость подавлять желания и потребности, накапливающаяся неудовлетворенность часто становятся причиной дезадаптивных форм поведения, которые позволяют подростку снизить внутреннее перенапряжение и агрессию.

С психологической и правовой точек зрения, подростковый графический вандализм в школе представляется нам особым видом девиации, формой неадекватного разрушительного взаимодействия школьников с материальной средой в процессе обучения, в котором присутствуют осквернение (надписи и рисунки на школьной мебели и стенах определенного содержания) и порча (ущерб имуществу школы). На наш взгляд графический вандализм в школе можно рассматривать как неадекватную форму адаптации к трудностям, возникающим у подростка в процессе обучения, как способ совладания со сложными ситуациями психосоциального характера, ответную деструктивную реакцию подростка депривирующей среде.

По нашему мнению, одной из причин проявления вандализма может являться нарушение удовлетворения или депривация основной субъектной потребности подростка - потребности в активности.

На протяжении всего своего жизненного существования личность формируется и развивается благодаря своему активному взаимодействию с окружающим миром. Движущими силами и источниками этой активности являются потребности, которые и побуждают личность к движению, задают его направление, определяют интенсивность, варианты проявления активности.

Активность порождается наличием определенных несоответствий во взаимоотношениях «человек - внешняя среда», которые могут проявляться, если:

- появляется дисбаланс во внутренней среде организма человека;
- осуществление деятельности невозможно имеющимися в арсенале личности способами;
- сложившийся тип взаимодействия субъекта с объектом препятствует достижению его целей.

Данные проблемы способствуют возникновению определенных потребностей и вызывают необходимость в новых видах активности [10].

Субъект – это индивид, находящийся на соответствующем его развитию, уровне преобразовательной целенаправленной и осознанной активности, автономности, гармоничности (В.В. Знаков). Таким образом, уровень субъектности определяется наличием такого параметра как «преобразовательная активность, соответствующая уровню развития индивида», т.е. активность рассматривается как свойство субъекта [10].

Смысл активности субъекта можно рассмотреть через направленность мотивирующих потребностей, которые определяют уровень адекватности направления развития и движения субъекта. Развитие субъекта происходит в связи с постоянным наличием потребностей, которые надстраиваются друг над другом. Одна потребность, после ее реализации, вызывает появление другой – следующей, таким образом, при наличии адекватных условий, создается определенная иерархия субъектных потребностей и прогрессивное развитие субъекта в итоге [10]. При наличии неблагополучия в какой-либо области (личностные особенности, среда и т.п.) порождает

ются неадекватные или патологические потребности, в результате надстройки таких потребностей происходят регрессивное развитие субъекта, девиации или делинквентность.

Смысл активности субъекта можно рассмотреть через направленность мотивирующих потребностей, которые определяют уровень адекватности направления развития и движения субъекта. Развитие субъекта происходит в связи с постоянным наличием потребностей, которые надстраиваются друг над другом. Одна потребность, после ее реализации, вызывает появление другой – следующей, таким образом, при наличии адекватных условий, создается определенная иерархия субъектных потребностей и прогрессивное развитие субъекта в итоге. При наличии неблагополучия в какой-либо области (личностные особенности, среда и т.п.) порождаются неадекватные или патологические потребности, в результате надстройки таких потребностей происходят регрессивное развитие субъекта, девиации или делинквентность.

Рассматривая потребность в активности с учетом двух направлений: внутреннего (как потребность в самопознании, самовыражении и саморазвитии) и внешнего плана (интеграция с другими и дифференциация от других), ее можно детализировать в виде трех основных субъектных потребностей:

- потребности в самореализации, основанной на процессах самопознания, самовыражения и саморазвития;
- потребности в признании (от потребности в принятии и допуске в сообщество до потребности во власти и управлении сообществом);
- потребности в свободе – отсутствии ограничений и директив в выборе направления и действий по реализации активности.

Очевидно, что наличие депривированных субъектных потребностей наблюдается не у всех подростков, замеченных в проявлении вандализма, не все они испытывают нарушения в удовлетворении потребности в активности. В то же время, им свойственно подражание другим подросткам, основанное на низкой социальной креативности и применяемое как способ идентификации с микрогруппой. Таким образом, депривированные средой подростки при несформированности умения реализовать потребность в активности, при отсутствии необходимых условий

для ее реализации компенсируют состояние фрустрации неадекватными способами, прибегают к неадекватным девиантным способам самореализации.

Можно предположить, что депривация одной или более субъектных потребностей (в самореализации, в признании и в свободе и др.) в подростковом возрасте в сочетании с неблагоприятным школьным окружением приводит к социально неадекватным формам поведения: удовлетворению потребности в активности путем несанкционированных изменений окружающей среды - проявлению школьного графического вандализма.

Выявив у подростков наличие депривированных субъектных потребностей, личностных особенностей, детерминирующих школьный графический вандализм (ценности, мотивация, творческие способности, креативность и т.д.) возможно будет задуматься о действенных мерах психокоррекции неадекватного поведения подростков - школьников.

Для оценки наличия депривированных субъектных потребностей можно выделить следующие маркеры:

- потребность в самореализации – наличие высокой креативности и творческих способностей в сочетании с ощущением ограничений в самовыражении;
- потребность в признании – наличие нарушений в социально-психологической адаптации как показателя интеграции с социальным окружением;
- потребность в свободе – нарушение суверенности психологического пространства.

В целом диагностированные показатели позволят оценить степень присутствия и удовлетворенности субъектных потребностей у подростков.

Желая быть субъектами и не находя способов удовлетворения потребности в активности, подростки начинают несанкционированно изменять неудовлетворяющую их окружающую физическую среду в качестве либо протестных либо самопроизвольных активных действий.

Кроме того, в процессе исследования нами были изучены некоторые средовые характеристики в школах. Так, проводились беседы с учителями-предметниками, учащимися, серия наблюдений за учебным процессом в классах с разным уровнем про-

явления графического вандализма. Фокус нашего внимания был сосредоточен на физических системах, которые характеризуют окружающую среду школы. В результате проведенных мероприятий мы убедились в важности изучения переменных среды для понимания поведения человека.

Нами было отмечено наличие наибольшего количества проявлений графического вандализма в кабинетах истории и русского языка. После наблюдений и анализа сложившейся ситуации нами были сделаны выводы о наличии взаимосвязи между средовыми компонентами данного пространства и проявлениями графического вандализма. Во-первых, физическое средовое пространство кабинетов истории и русского языка, по нашему мнению, является малонасыщенным и неудобным. В кабинетах практически отсутствует наглядный материал, живые растения, помещения некачественно отремонтированы, уборка кабинетов проводится эпизодически или недобросовестно.

Можно критически оценить цветовые сочетания в интерьере кабинетов: стены окрашены неравномерно в светло-фиолетовые, сиреневые тона – те цвета, которые при искусственном освещении воспринимаются с сероватым оттенком, возникает ощущение выцветшего или загрязненного примесями цвета. Из психологии восприятия цвета известно, что оттенки фиолетового при длительном воздействии могут вызывать чувство тревожности и даже депрессивные состояния.

В дополнение к вышеизложенному, можно отметить факт провоцирующего воздействия измененной вандальными проявлениями среды на человека, в нашем случае это невымытая изрисованная учебная мебель. Ощущения беспорядка и упадка, провоцируют дальнейшие деструктивные действия, увеличивают вероятность новых разрушений. Некоторые исследователи высказывают предположение, что деградация среды меняет идентификацию личности, создавая ассоциации с низким социальным статусом [12, 15, 19].

Кроме физической окружающей среды можно отметить негативное влияние на учащихся информационной среды. Из бесед с подростками было установлено, что их отношение к учителям предметникам: учителю истории и учителю русского языка, является неудовлетворительным. Учеников не устраивает стиль преподавания и процесс взаимодействия на уроках истории и русско-

го языка. На уроках русского языка материал подается в быстром темпе, в неадаптированной к уровню восприятия учеников форме, общение с учащимися проходит очень сдержанно, отсутствуют проявления эмоциональности, со слов учеников это «заумные, скучные уроки». Уроки истории проводятся в подобном темпе, негативное восприятие личности педагога усиливается в связи с его эмоциональной неустойчивостью. На уроках часто возникают напряженные конфликтные ситуации, со стороны учеников проявляются реакции негативизма.

Очевидно, что описанные факты: бедность, загрязненность физической среды, большая насыщенность и загруженность информационной среды, неудовлетворенность социальной средой, наряду с личностными особенностями школьников могут являться значимыми детерминантами проявления школьного графического вандализма.

Вероятно, школьный графический вандализм - это результат целого комплекса негативных эмоций и переживаний подростка, повышающих его потенциальную конфликтность, вероятность агрессивных реакций под воздействием провоцирующих стимулов среды, что представляет достаточно серьезную психологическую и социальную проблему, являясь причиной делинквентного поведения и др.

Понимание природы подросткового вандализма: предпосылок вандальных поступков, определение мотивации склонных к ним подростков, выявление психологических детерминант, средовых факторов стимулирующих вандальные проявления, является актуальным вопросом действительности и необходимым направлением для дальнейших исследований.

Активность личности подростка – вандала обусловлена ее направленностью, ценностями, индивидуально-психологическими характеристиками, таким образом, надситуативная активность (избыточная активность, превосходящая требуемую ситуацией), игнорирующая интересы других людей и несоответствующая социальным нормам может приобретать выраженный разрушительный характер.

Юридическая психология рассматривает понятие девиантности с точки зрения деструктивной активности субъекта. В то же время девиантное поведение можно расценивать как явление, предполагающее два противоположных полюса его реализации и проявления. Исходя из этого, попытки самовыражения подростков путем

неинституциональной изобразительной деятельности, например, граффити на школьных стенах могут предстать как полюс девиации с положительным знаком, как надситуативная активность субъекта.

Таким образом, девиантное поведение и, в частности, графический вандализм, могут быть интерпретированы в терминах надситуативной активности, как деятельность, превосходящая субъектные нормы по своим целям, методам, результатам, и, вероятно, при условии дальнейшего изучения и психологического коррекционного сопровождения может преобразоваться в конструктивную активность.

Динамика психики подростка делает его одинаково податливым как в сторону социально-позитивных, так и социально-негативных влияний, в связи с чем коррекция неадекватных адаптационных форм поведения в этот период может быть наиболее успешной и своевременной.

Выводы

1. Вандализм – это явление, интересующее многих представителей научного знания. Этот феномен изучается юриспруденцией, историей, культурологией, философией, юридической, социальной, педагогической психологией и др. В понимание вандализма каждая наука вкладывает свое значение и значимые для нее характеристики и черты. Не существует единого, соответствующего общим критериям научного знания понятия вандализма. В настоящее время данная проблема продолжает оставаться актуальной и исследуется. Существуют различные теории и взгляды на проблему вандального поведения и способы предотвращения разрушительных последствий, но, в тоже время, целостных системных исследований вандализма в настоящее время не проведено.

2. Активность – это определяющее свойство субъекта. Стремление к уровню субъекта и желание реализовать свои субъектные потребности детерминирует неадекватную активность подростка-вандала, находящегося неудовлетворяющей его среде. Депривированные субъектные потребности подростка (в самосохранении, самореализации, свободе, признании) в условиях школы реализуются путем, близкой ему с детства, изобразительной деятельности, но принявшей форму неинституализированной и разрушительной активности – графического школьного вандализма.

3. Депривированный подросток обретает нужные ему условия (территорию, имущество, статус и пр.) самостоятельно, нередко и противоправными способами, т.е. проблема границ для него связана с готовностью внедряться. В данном случае, подросток, совершая акты вандализма внедряется на чужую территорию, разрушает ее, в результате чего его суверенность восстанавливается и сверхкомпенсируется.

4. Разрушительные немотивированные поступки признаются обществом вандальным поведением и расцениваются как девиация. Девиантное поведение подразумевает поведение, отклоняющееся от социально-приемлемой и одобряемой нормы. Но в тоже время можно рассматривать девиацию как явление, имеющее два разнонаправленных полюса. В данном контексте, это – творчески одаренный подросток, обладающий художественными способностями и уровнем креативности выше среднестатистической нормы, и подросток, активность которого импульсивна и спонтанна и стремится к уровню делинквентности.

5. С точки зрения активности субъекта явление школьного графического вандализма можно рассматривать как надситуативную активность в ситуации нестабильности, сложности и т.п., т.е. как конструктивную девиацию, совладание, а не способ неадекватного самовыражения дезадаптивного индивида. При правильно организованном психокоррекционном сопровождении подростков, склонных к графическому вандализму возможно переориентировать их деструктивное творчество в просоциальное русло.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Брушлинский А.В., Субъект: мышление, учение, воображение: Избранные психологические труды/ А.В. Брушлинский. – 3-е изд., стер. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2008. – 408 с. – (Серия «Психологи России»).

2. Белкин И.А., Социально-психологический анализ граффити Текст.:дис.канд. псих. наук / И. А. Белкин. Самара, 2003 - 243с. - Библиогр.: С.228 - 243.

3. Ватова Л. С. Социально-психологические основания молодежного вандализма и его профилактика / Л. С. Ватова. – М.: Издательство: Народное образование, 2007. - 298 с.

4. Волобоев А.Н., Автореферат дис. канд. пед. наук по теме: «Профилактика девиантного поведения подростков, склонных к созданию неформальных графических изображений и надписей», Киров, 2009.

5. Гладуэлл Малкольм Переломный момент. Как незначительные изменения приводят к глобальным переменам / The Tipping Point: How Little Things Can Make a Big Difference. — М.: Альпина Паблишер, 2012. — 256 с.

6. Коверзнева, И.А. Гений, талант, творчество / И.А. Коверзнева // Человек, психология, экономика, право, управление: проблемы и перспективы: материалы XII междунар. науч. конф., Минск, 16 мая 2009 г. / Минский ин-т управления; под ред. канд. пед. наук В.В. Гедранович — Минск: Изд-во МИУ, 2009. — С. 211-212.

7. Нартова-Бочавер С.К. «Суверенность психологического пространства» — новый метод диагностики личности. Психологический журнал 2004; Т. 25:5: 77-89.

8. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование человека в его бытии. СПб.: Питер, 2008. 400 с.

9. Николаенко Н.Н. Психология творчества: уч.пос./под ред. Л.М. Шипицыной. — СПб.: Речь, 2005. — 277 с.: илл.

10. Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.И. Сергиенко. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. — 619 с. (Интеграция академической и университетской психологии).

11. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник. 2-е издание, исправленное и дополненное / под ред. Л.В.Иногамовой-Хегай, А.И. Рапога, А.И. Чучаева. "КОНТ-РАКТ", "ИНФРА-М", 2009.

12. Allen V., Greenberger D. An aesthetic theory of vandalism // Crime and Delinquency. 1978. July.

13. Baron R.M., Fisher J.D. The equity-control model of vandalism: A refinement // Vandalism: Behavior and motivation / Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.

14. Cohen S. Destruction of property: Motives and meanings // Vandalism / Ed. by C. Ward. London: The Architectural Press, 1973.

15. Goldstein, Arnold P. The Psychology of Vandalism. New York: Plenum Press, 1996.

16. Richards P. Middle-class vandalism and age-status conflict // Social Problems. 1979. V. 26. No. 4.

17. Tygart C. Public school vandalism: Toward a synthesis of theories and transition to paradigm analysis // Adolescence. 1988. V. XXIII. No. 89. Spring.

18. Squires Peter ASBO nation. The criminalization of nuisance – The Policy Press University of Bristol, 2012 – 384 p.

19. Wacławek Anna Graffiti and street art – Thames & Hudson Ltd, London, 2011 – 208 p.

20. 24 pages of outside art//Art of England Magazine, June 2013, Issue 103, London – p. 19.

© O.B. Гурова, 2014

Теоретические концепции этнических конфликтов

Наталья Анатольевна Жемчугова

ABSTRACTS Various approaches to an origin of the ethnic conflicts, as far conflictological concepts, and ethnicity phenomenon on the basis of ethnic concepts are considered. The structural concepts of the ethnic conflicts which are guided by the concept of the conflict of interests, psychocultural concepts, realistic concepts, tool group of explanatory models attributive, post-modernist, primordial and mixed concepts.

Keywords: ethnic conflict, phenomenon of ethnicity, ethnicity theory, social (structuralist), sociological (psychocultural), attributive concepts.

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются различные как конфликтологические концепции, так и феномена этничности на основе этнических концепций. Структурные парадигмы этноконфликтов, базирующихся на платформе расхождения интересов или конфликта интересов. Рассматриваются этнокультурные парадигмы, реалистические парадигмы, инструментальная группа объяснительных моделей атрибутивных, постмодернистских, примордиальных и смешанных парадигм.

Ключевые слова: этнический конфликт, феномен этничности, теории этничности, политический антрепренёр, социальные (структурные), атрибутивные концепции

Многочисленные исследования межнациональных конфликтов ориентированы на восприятие их как деструкции. Актуальность темы заключается в том, что этнические конфликты приводят к гибели и страданиям многих миллионов людей, всё это разворачивается в современном и цивилизованном мире. Однако, вместе с тем конфликт можно рассматривать как функциональное и конструктивное разрешение ситуации, в подавляющем большинстве случаев успешным можно рассматривать исходы таких открытых конфликтов, в которых происходит завершение втор-

жения, агрессивных действий и насилия. Но следует подчеркнуть, что необходимо владеть и управлять ситуацией, иначе происходит подмена парадигмы.

Отношение к пониманию актуальнейшей проблемы на современном этапе значительно изменилось. Существенной задачей, которая встаёт перед наукой в начале двадцать первого века - это чёткое определение и расстановка акцентов сути этнических конфликтов. Необходимости понимания, является ли данный феномен тем раздрожителем, конфликтогеном или можно говорить только о вовлечённости в ситуацию, манипуляцию третьими лицами.

Этнические конфликты можно рассматривать с одной стороны исходя из взглядов теорий конфликтологии, но можно сделать выбор в пользу этнических концепций. На сегодняшний день можно рассматривать интегрированный подход, объединяющий этнические теории с конфликтологическими. Например, Ротшильд выделяет три направления в изучении этничности и различных конфликтных ситуаций, связанных с этничностью (примордиализм, инструментализм и конструктивизм). А Липшуц указывает на значительные, базовые характеристики этничности: биологические, примордиалистические, представляемого общества, защитная и инструментальная. Данные взгляды разделяют и имеют достаточно широкое распространение в отечественной парадигме (Арутюнян, Дробижева).

В 70-е года двадцатого столетия Кэмпбелл предположил объединить различные популярные к тому времени взгляды на исследуемый феномен на два направления:

1. социальные парадигмы, объясняющие конфликт исходя из социального взаимодействия
2. социально-психологические парадигмы, опирающиеся в своём объяснении на поведение человека.

Взгляды Кэмпбелла были дополнены Россом, учёный выделил, помимо уже существующих парадигм, структурные теории этноконфликтов, в основе которых, на его взгляд, лежат расхождение в интересах конфликтующих сторон, культурных традиций, ценностей. А так же важно учитывать личный уровень ответственности человека в группе с одной стороны, и групповые ценности, интересы, страхи, угрозы с другой. Но возникает вопрос отождествления личных и групповых интересов и невозможности осознания данного, вроде бы столь понятного на первый взгляд факта. Почему в сложившейся

ситуации, в ситуации этнического конфликта происходит идентификация личных переживаний с групповыми, уровень эмоциональности превышает всякие нормативные границы.

Каждый из вышеизложенных подходов, с точки зрения учёных, имеет своё собственное стратегическое значение выхода из ситуации конфликта. При этом интерпретация последствий одного и того же события и выхода из него существенно отличается. Структурные парадигмы этноконфликтов предлагают определить общие интересы и цели сторон, акцентировать внимание на результате переговорного процесса. Психокультурные парадигмы ориентированы на изменение восприятия людьми друг друга в процессе непосредственного осознания и поиска выхода из конфликта.

Это парадигмы процессуально ориентированные, в рамках этого направления процесс переговоров имеет такое же принципиальное значение, как и его результат. Поэтому официальные переговоры необходимо дополнять развёрнутой системой межгрупповой коммуникации на разных уровнях с целью формирования положительного восприятия членами конфликтующих этнических групп друг друга.

Исходя из анализа сущности этноконфликта необходимо выделить ряд теорий этого феномена:

- а) атрибутивные концепции (или примордиалистские)
- б) постмодернистские концепции, которые отрицают этнический характер конфликта
- в) смешанные концепции, возникающие на основе анализа отдельных типов этнического конфликта

Этноконфликт с точки зрения атрибутивных парадигм характеризуется как неотъемлемая часть исторического процесса, явление, базально присущее человеческому обществу. По своему происхождению это могут быть как социальные (структуралистские), так и социопсихологические (психокультурные) парадигмы.

Постмодернистские парадигмы этнических конфликтов определяют природу данного феномена не как интеллектуальный интеграл или как технология для достижения вне этнических целей, а как реальность, коренящаяся в самом понимании человеческого общества. Можно рассмотреть несколько вариантов, например, историческая школа в этно конфликтологии, рассматривает данный феномен как важный и неотъемлемый компонент человеческой истории.

Для эволюционистской традиции характерно объединение различных точек зрения на данную проблему. С точки зрения рассматриваемых взглядов, одна из причин этнического конфликта, коренится в нестабильности этнических составляющих общества. К этой традиции можно отнести многочисленные статусные учения этнических конфликтов. Статус этнических групп может выступить в качестве раздражителя, провокатора конфликта. Поэтому изменение акцентов, условий и соотношений этнической иерархии общества возникают благоприятные условия для межгруппового сравнения, этнической мобилизации, формирования положительных эмоциональных состояний.

В основе социально-психологической школы можно рассматривать методологию фрейдизма и неофрейдизма. Её сторонники считают, что основу этноконфликтов составляет психика человека, в индивидуальном и коллективном бессознательном. В учениях «трансфера» изучаются формирование поведенческих predispositions от индивидуальных и микросоциальных к макросоциальным. Например, известная и исключительно популярная в 70-е года двадцатого века учение «фрустрации-агрессивности» предложен вариант такого расширения объекта агрессии до целой группы или этнической общности.

Антропологическая традиция в этноконфликтологии выделяет два основных направления: культурно-антропологическое и социобиологическое.

Сторонники первого исходят из того, что глубинные источники конфликтов коренятся в культурных особенностях народов, в их ценностных системах, и, следовательно, конфликт, в случае контактов двух или более этносов, будет тем вероятнее, чем большими являются культурные различия компоненты поведения людей в этнических конфликтах.

А социобиологическое направление рассматривает компоненты поведения как нормативные, детерминированные природой человека, и определяет сходные черты с поведением тех видов и популяций животных, которые имеют сложную социальную организацию.

На сегодняшний день интерес представляет «реалистические концепции», одно из учений, которое можно отнести к постмодернистским концепциям этнического конфликта. Суть данных концепций заключается в том, что в качестве доминиру-

ющих мотивов взаимодействия людей в конфликтах признаются две главные цели – власть и материальные ресурсы, что зачастую является синонимом.

Методологической базой является подход, который можно обозначить как «методологический индивидуализм» – приём, который можно встретить в различных социологических школах.

Основные взгляды реалистических идей этнических конфликтов базируются на реалистической (постмодернистской) традиции в этнологии, объясняющей данный феномен как удобный инструмент для достижения манипулятивных целей. А так как власть и богатство могут быть достоянием достаточно ограниченной группы людей («элиты»), которая сама по себе не имеет ресурса выдержать изнурительную борьбу за свои собственные интересы, «элита» мобилизует «неэлитные» массы для реализации своих интересов. Удобным и комфортным инструментом такой мобилизации, с точки зрения сторонников этих взглядов, является этничность, позволяющая представить дело таким образом, что массы свято верят в то, что борются «за правое дело», за честь и достоинство своего народа, за земли и память предков и т.д., не допуская мысли, что происходит подмена парадигмы, то есть манипуляция на чувствах целого народа.

Ключевым словом, наиболее ярко определяющих сущность «реалистических концепций» стало понятие «этнический» или «политический антрепренёр», т.е. человек, оперирующий, манипулирующий этничностью.

За последнее десятилетие собран обширный научный материал по этнической конфликтологии, это даёт возможность перейти от концептуального к проблемному исследованию данного феномена.

В связи с выше сказанным, современные исследования рассматривают частные, проблемные вопросы этноконфликтов и соответствующие частные концепции. При этом на них оказывает влияние одна из двух фундаментальных традиций в этноконфликтологии. Эти концепции можно определить как смешанные, или синтетические парадигмы этно конфликта.

Взгляды сторонников институционализма определяют возникновение и эволюцию этноконфликтов в соответствии с характером и состоянием общественных, государственных институтов. По мнению приверженцев данного направления, особенно тяже-

лыми этноконфликты могут быть в тех случаях, когда культурно-этнические различия являются сильно политизированными, а государственные и общественные институты – ослабленными.

А позиционная теория этноконфликта рассматривает данный феномен как диаметрально противоположный относительно достижения этнических целей, интересов и ценностей. Один из существенных аспектов этой концепции – это восприятие этнической группой своего статуса, положения и распределения власти. Эта точка зрения является основанием статусной модели конфликта в этнической сфере общественной жизни.

Проблемы восприятия конфликтующими группами своего статуса, возможность манипуляции этническими антрепренёрами уже сложившихся восприятий и формирования новых – сильная сторона позиционной концепции этноконфликта, которая представляет эвристическое и практическое значение, а так же возможность разрешения сложных этнических ситуаций. Решающим моментом при поисках выхода из конфликта или оценке того или иного исхода играет осмысление конфликтными группами своего места в сложившейся ситуации.

Специалист международного класса М. Маршалл в основе своей концепции диффузии, рассматривает проблему «безопасности-небезопасности». Эта теория, достаточно известна в обществоведении, использовалась в основном для анализа международных конфликтов и особенно вооружённых конфликтов. Предметом научного интереса становятся затяжные конфликты и регионы с затяжными конфликтами.

С точки зрения сторонников данной концепции, этноконфликты есть признак дисфункции социальных систем, а платформой социальной дезинтеграции – отсутствие безопасности. Главный вопрос, который задаёт учёный и пытается найти него ответ – это как происходит переход от ненасилия к насилию в ситуации конфликта.

Особо пристальное внимание автор уделяет системному насилию и системной диффузии, т.е. интенсивному распространению небезопасности в процессе группового взаимодействия до тех пор, пока небезопасность не охватит все социальные слои и политические отношения внутри системы. В таких условиях этничность, с ее размытыми критериями, становится удобной площадкой от усугубляющейся неопределённости и фрустрации. Такая политизирован-

ная этничность сужает социальные горизонты, приводит к фрагментации и распаду социальных связей и нередко ведёт к социальному психозу. Насилие по этническому признаку одно из жесточайших форм группового насилия и свидетельствует о разрушении общественных структур, обеспечивающих общественный порядок.

Уникальность «концепции диффузии» заключается в том, что она представляет скорее не статическую, а динамическую модель этноконфликта, раскрывает механизмы трансформации конфликта на этнической платформе из одной стадии в другую, и ее наиболее глобальный аналитический потенциал связан с изучением механизмов эскалации этноконфликтов из ненасильственных в насильственные формы и в затяжную стадию.

Г. Форбс рассматривает этноконфликт как лингвистический. Согласно его точке зрения, современные этнические процессы определяются усилением этнических контактов, и это не имеет однозначного следствия: с одной стороны, контакты уменьшают различия между этногруппами, а с другой – стимулируют усилия по сохранению и даже увеличению этих различий. Усилия по сохранению культурных различий, предпринимаемые одной группой, могут подрывать такие же устремления другой группы. Тем не менее, в условиях нарастающих контактов, которые нередко являются взаимовыгодными, людям необходимо владеть общим языком, и в такой ситуации возникает вопрос, какой именно из языков станет общим. Каждая группа будет стремиться, чтобы члены другой группы изучали именно ее язык и одновременно препятствовать членам своей группы изучать другой язык.

Изначально такие процессы не имеют характера насильственных действий. Изоляция и субординация, а не насилие и разрушения – вот главные составляющие лингвистического конфликта. Чтобы занять наиболее выгодное положение в межэтнических контактах, соперничающие группы используют различные стимулы и возможности для языковой ассимиляции. Целью каждой из соперничающих групп является не разрушение и не насилие по отношению к другой группе, а побуждение её изучить язык собственной группы и минимизировать такие же действия со стороны собственной группы. Языковые различия используются для привилегированного доступа к рабочим местам, власти, образованию и т.д. Языковая стратификация используется соперничающими груп-

пами для поддержания социальной стратификации, и в таких условиях насильственное развитие конфликта, по мнению Г.Форбса, – скорее исключение, чем правило. Иными словами, выражением лингвистического конфликта можно назвать мультикультурализм.

Таким образом, исходя из богатства и разнообразия взглядов на данный феномен, большинство этноконфликтологических концепций содержат эвристический потенциал и могут быть продуктивно использованы в научном анализе этнических конфликтов, научной и практической экспертизе, посреднической деятельности. Необходим переход к таким исследованиям, которые бы изучали их как сложнейшие явления, имеющие множество уровней и способов взаимообусловленности, различные формы эволюции, многообразные типы завершения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. В.А. Авксентьев Этнические проблемы современности. Выпуск 7: Проблемы культуры межнационального общения и межкультурной коммуникации.- Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. - 300с.
2. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. – М., 1998. С.32.
3. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. Пер. с фр. – М., 1998. С.71.
4. Степанов Е.И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы.- М., 1996.
5. Marshall M.G. Systems at Risk: Violence, Diffusion, and Disintegration in the Middle East // Wars in the Midst of Peace: The International Politics of Ethnic Conflict / Ed. by Carment D., James P. – Pittsburg, PA, 1997. P.89.
6. Avruch K. Culture and Conflict Resolution. – Washington, DC, 1998. P.103.
7. The International Spread of Ethnic Conflict. P.6-7.
8. Crawford B. Causes of Cultural Conflict: Institutional Approach // The Myth of «Ethnic Conflict»: Politics, Economics, and «Cultural» Violence. P.31.

© Н.А. Жемчугова, 2014

К проблеме формирования конфликтологической компетентности в младшем школьном возрасте

Людмила Александровна Максимова

ABSTRACT. The author substantiates the relevance of the study of the formation of conflictological competence in the early school years. The paper analyzes the structure and levels of competence conflictological, identified conditions of its formation.

Keywords. Conflict. Primary school age. Conflictological competence of the person.

АННОТАЦИЯ. Автор дает обоснование актуальности изучения процесса формирования конфликтологической компетентности в младшем школьном возрасте. В статье дан анализ структуры и уровней конфликтологической компетентности, выявлены условия ее формирования.

Ключевые слова. Конфликт. Младший школьный возраст. Конфликтологическая компетентность личности.

Проблема изучения поведения человека в конфликте является весьма популярной в течение последних 10-15 лет. В многочисленных исследованиях отечественных и зарубежных ученых достаточно подробно представлены стратегии поведения в конфликте, дан анализ структуры конфликтологической компетентности личности (А.Я. Анцупов, М.Д. Ильязова, А.И. Сорокина, Б.И. Хасан и др.) [2, 3, 8, 9, 11]. Однако основная часть исследователей сосредоточены, прежде всего, на изучении конфликтологической компетентности как профессионально важного качества личности специалиста. Так, за последние десять лет успешно защищен ряд кандидатских диссертаций, посвященных проблеме конфликто-

гической компетентности педагога. Не умаляя значимость данных исследований, хочется отметить, что модели поведения человека в конфликтных ситуациях усваиваются еще в детском возрасте, а при работе со взрослыми людьми, скорее всего, речь должна идти о процессах коррекции и развития. Таким образом, сказанное выше определяет актуальность изучения возрастных аспектов формирования конфликтологической компетентности.

Выбор младшего школьного возраста в качестве предмета исследования процесса формирования конфликтологической компетентности обусловлен, с одной стороны, особенностями социальной ситуации развития, предполагающей «вхождение» ребенка в абсолютно новую для него систему взаимоотношений с учителем, сверстниками, и часто характеризующуюся появлением различных по силе и содержанию конфликтов, во-вторых, в младшем школьном возрасте дети становятся способны к рефлексии, к осознанному управлению своим поведением. Проблема формирования эффективного поведения младшего школьника в конфликте соотносится с задачами формирования у учащихся на ступени начального образования способности взаимодействовать со сверстниками и педагогами в учебном процессе, обозначенными в Федеральном государственном стандарте основного общего образования [12].

Опыт работы с младшими школьниками показывает, что дети в большинстве своем не способны к адекватному поведению в конфликтной ситуации, демонстрируют однообразные стратегии поведения в конфликте, не согласованные с условиями конфликтного взаимодействия. Достаточно часто дети выбирают либо агрессивную линию поведения, либо избегание, вплоть до отказа ходить в школу. По мнению многих психологов, негативный опыт разрешения конфликтных ситуаций, полученный ребенком в школе, может определить особенности построения взаимоотношений с окружающими в будущем. В результате переживания подобного опыта высок риск формирования таких черт личности как застенчивость, низкая самооценка, повышенная тревожность, агрессивность и др. [6]

В педагогической конфликтологии выделяют следующие основные конфликты, характерные для младшего школьного возраста:

- конфликты, связанные с возникновением противоречий между реальными результатами учебной деятельности и ожиданиями ребенка и семьи;

- конфликты, вызванные противоречием между усвоенным ребенком ранее стилем общения со взрослыми и педагогическим стилем педагога;

- конфликты между учащимися (борьба за лидерство, за внимание учителя, за оценку, несформированность навыков общения и др.)

Достаточно часто, ребенок оказывается «втянут» в конфликтное взаимодействие между родителями и педагогом, между своими родителями и родителями других детей. В этом случае конфликт может приобретать характеристики межэтнических и межнациональных конфликтов, конфликтов на социальной почве.

Впервые термин «конфликтологическая компетентность» в научный оборот ввел Б.И. Хасан. По его определению, конфликтологическая компетентность является синтезом знаний о конфликте, в том числе и о возможных стратегиях поведения в конфликте, и умений реализовать эти стратегии в реальных жизненных ситуациях [11]. Согласно «Словарю конфликтолога» конфликтологическая компетентность включает в себя: знания о закономерностях возникновения, развития и завершения конфликтов; умение ориентироваться в конфликтной ситуации, прогнозировать ее динамику, не допускать деструктивных действий, с минимальным ущербом для себя и оппонента завершать конфликт; первичные навыки конструктивного поведения на всех этапах развития конфликта [2].

В психологии личности под конфликтологической компетентностью понимается психосоциальное качество личности, предполагающее силу и уверенность, исходящие от чувства собственной успешности и полезности, которое дает человеку осознание своей способности эффективно взаимодействовать с окружением [7].

Таким образом, под конфликтологической компетентностью следует понимать способность человека как субъекта деятельности в реальной конфликтной ситуации выбирать наиболее эффективную стратегию поведения. Под эффективной стратегией понимается тот способ деятельности, который позволит оптимизировать последствия конфликта.

Рассматривая конфликтологическую компетентность как составляющую социально-психологической компетентности, можно выделить следующие ее компоненты.

Мотивационно-ценностный компонент отражает отношение человека к различным моделям поведения в условиях конфликтного взаимодействия, способам отстаивания своих желаний, связан с системой ценностей и норм поведения.

Информационно-когнитивный компонент представляет собой синтез знаний о причинах, логике развития, структуре конфликта, способах преодоления и стратегиях поведения в конфликте, барьерах в общении и т.п.

Операционально-деятельностный компонент проявляется в овладении основными технологиями в реализации того или иного варианта взаимодействия в конфликте. Этот компонент предусматривает освоение широкого репертуара поведенческих моделей. Чем разнообразней освоенный личностью репертуар, тем выше уровень адаптивности личности.

Эмоционально-волевой компонент состоит в способности к эмпатии, к саморегуляции, управлению своими эмоциональными реакциями в конфликтном взаимодействии, в умении достичь цели, инициативности.

Рефлексивный компонент отражает способность личности понимать свое собственное поведение и поведение других участников конфликта. При соответствующих психолого-педагогических условиях организации деятельности к концу младшего школьного возраста дети приобретают способность анализировать свое поведение и соотносить его с качествами личности. Развитие данного компонента связано с формированием самосознания личности как одной из ключевых характеристик субъектности [1 и др.]

Конфликтологическая компетентность личности формируется в процессе развития ее компонентов. В соответствии со степенью сформированности ее компонентов можно выделить низкий, средний и высокий уровни развития конфликтологической компетентности младшего школьника. Низкий уровень предполагает демонстрацию преимущественно деструктивного поведения, несформированность эмоционально-волевой и мотивационной сфер личности, отсутствие у учащихся общих представлений о конфликте, о стратегиях поведения в конфликтных ситуациях.

Средний уровень характеризуется появлением способности к рефлексии, к управлению своим эмоциональным состоянием, изменению поведения в соответствии с ситуацией, направленностью на получение знаний о поведении в конфликте. Однако поведение учащегося в конфликте остается преимущественно непродуктивным. Высокий уровень отличает способность учащихся к поиску эффективных стратегий поведения в конфликте, выраженный интерес к получению знаний в области конфликтологии, наличие позитивной самооценки, рефлексии, сформированная субъектная позиция.

Процесс формирования конфликтологической компетентности может осуществляться через создание целостной педагогической системы, включающей учебную и внеучебную деятельность учащихся, организованной в соответствии с рядом условий: организационно-управленческих, психолого-педагогических и социально-технологических [6].

Организационно - управленческие условия предполагают ориентацию деятельности школьной психологической службы на формирование позитивного опыта разрешения конфликтных ситуаций во взаимоотношениях учащихся со сверстниками и педагогами, обучение педагогического коллектива основам конфликтологии, привлечение специалистов-конфликтологов.

В статье 45 Закона об образовании РФ говорится, что в целях защиты прав учащихся в образовательных учреждениях должны быть созданы комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений [3]. Однако в практике деятельности образовательных учреждений выполнение данного требования остается проблематичным. Это связано с тем, что в настоящий момент не приняты соответствующие подзаконные акты, нет достаточного количества специалистов, способных профессионально работать с конфликтами. В качестве выхода из данной ситуации может быть рекомендовано обращение к опыту создания школьных служб примирения (далее ШСП). ШСП создается по приказу директора образовательного учреждения. В ее состав входят родители и работники образовательного учреждения. Руководителем ШСП назначается один из заместителей директора, в должностную инструкцию которого вносится соответствующий пункт. Целью работы ШСП является

разрешение споров и конфликтов между учащимися, учащимися и педагогами, педагогами и родителями. Практический опыт деятельности ШСП показывает ее эффективность в работе с различными конфликтными ситуациями. На начальном этапе издается приказ и утверждается Положения о деятельности ШПС в образовательном учреждении; изучается информация о конфликтах и способах их разрешения в образовательном учреждении; участники обучаются на семинарах (с привлечением конфликтологов, медиаторов и других специалистов). Затем разрабатывается ряд информационных сообщений для педагогического коллектива, родителей и детей. Деятельность ШСП предусматривает выпуск стендов, плакатов, статей на конфликтологическую тематику в школьной газете. Работа службы сопровождается ведением соответствующей документации (заявки, примирительные договоры с участниками конфликта, регистрационные журналы, планы и отчеты о деятельности и пр.). Обязательно в конце учебного года пишется аналитический отчет о Деятельности ШСП, проводится оценка ее эффективности.

В решении задач обучения эффективным стратегиям поведения в конфликте, разрешения внутриличностных конфликтов, повышения конфликтологической грамотности и формирования конфликтологической компетентности педагогов, родителей и детей ШСП работает в тесном сотрудничестве со школьной психологической службой. В плане работы школьного психолога для этого предусматриваются специально разработанные тренинги, программы детско-родительских встреч, индивидуальное психологическое консультирование учащихся и родителей и пр.

К числу психолого-педагогических условий можно отнести учет индивидуально-личностных особенностей детей, развитие ценностно-смысловой и мотивационных сфер личности, навыков рефлексии, самосознания, произвольности как психологических предпосылок развития конфликтологической компетентности личности. Конфликты в образовательной среде неизбежны. Поэтому развитие конфликтологической компетентности педагогов, овладение руководством образовательного учреждения и педагогическим коллективом наиболее эффективными технологиями управления конфликтами становится обязательным требованием построения педагогического процесса.

Опыт работы с учителями показывает, что большинство из них (более 80%) отмечают недостаточность знаний в области педагогической конфликтологии. Педагоги затрудняются в анализе конфликтов, при выборе стратегии поведения опираются на личный опыт и житейские представления. Учителя не всегда учитывают гендерные аспекты поведения детей в конфликте. Например, девочки в большей степени ориентированы на выбор стратегии компромисса, склонны проявлять сочувствие, сопереживание. Умение выполнять конфликтологический анализ ситуации помогает педагогу уйти от эмоциональной оценки ситуации и сосредоточиться на поиске оптимальных путей разрешения конфликта.

Содержательно-технологические условия предполагают: включение конфликтологической проблематики в содержание учебных дисциплин (например, на материале сказок, литературных произведений и пр.); использование интерактивных методов обучения как основы развития навыков конфликтологически компетентного поведения в условиях активного общения с педагогом и сверстниками (умение подбирать аргументы, отстаивать свою позицию и принимать точку зрения другого, контролировать свои эмоции) [10]; решение проблемных задач, способствующих развитию способности к анализу различных ситуаций и выбору наиболее оптимальных решений; использование потенциала внеучебной деятельности для формирования навыков эффективного взаимодействия в конфликтных ситуациях со сверстниками и взрослыми, преодоления стереотипов и барьеров в общении и т.п. С целью разрешения внутриличностных конфликтов эффективно применение школьным психологом таких методов как работа с песком и водой, игровая и арт терапия, психогимнастика и др.

Для разрешения межличностных и межгрупповых конфликтов эффективно проведение специально организованных встреч, дискуссий между участниками конфликта. Отдельно следует обозначить возможности социально-психологических тренингов в профилактике и разрешении конфликтов. Конфликтологически грамотно организованное в тренинге общение между людьми/социальными группами, находящимися в конфликте, способно изменить характер восприятия другого человека/группы, снять стереотипы и барьеры в общении, трансформировать ложную идентификацию с группой (например, по этническому признаку)

[5, 8]. Специально разработанные для каждой группы участников программы социально-психологических тренингов предоставляют возможность учащимся отработать различные стратегии поведения в конфликте, сформировать навыки анализа конфликтных ситуаций и выбора наиболее эффективной стратегии поведения, получить обратную связь от тренера и других участников группы. Участие в работе тренинговой группы позволит использовать конфликтную ситуацию для личностного развития и самореализации учащихся.

По мнению А.А.Кузиной, воспитание конфликтологической компетентности учащихся последовательно проходит три этапа:

1) этап приобретения знаний в области конфликтологии;

2) этап формирования готовности к продуктивному поведению в конфликте;

3) этап принятия личностью конфликтологической компетентности как результата свободного нравственного выбора [4].

В заключение хочется подчеркнуть, что от успешности решения задачи формирования конфликтологической компетентности современных детей зависит дальнейшее развитие цивилизованного общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания.- СПб.: Питер, 2001.-272 с.

2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога – СПб: Питер, 2009.

3. Ильязова М.Д. Компетентность, компетенция, квалификация - основные направления современных исследований // Профессиональное образование. Столица. – № 1. – 2008.

4. Кузина А.А. Воспитание конфликтологической компетентности старшеклассников: Дис. канд. психол. наук – М., 2007.

5. Левин К. Разрешение социальных конфликтов /– СПб: Речь, 2001.

6. Максимова Л.А. Я и Мы: основы формирования конфликтологической компетентности у младших школьников // Начальная школа До и После – М., 2014, №1.

7. Новейший психологический словарь/ под общ. Ред. В.Б. Шапаря. Ростов н/Д.: Феникс, 2005.

8. Петровская Л.А. О природе компетентности в общении / Л.А. Петровская // Общение компетентность - тренинг: Избранные труды. - М. : Смысл, 2007.

9. Сорокина А.И. Конфликтные проявления как форма позитивной активности в детском возрасте: автореф. дис. д-ра психол. наук / А.И. Сорокина. Уфа, 2001

10. Харханова Г.С. Интерактивные методы обучения как средство формирования мотивации конфликта у школьников: Дис. канд. педагог. наук – Калининград, 1999.

11. Хасан Б.И. Психотехника конфликта и конфликтная компетентность. – Красноярск: ФМЗ, 1996.

12. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования – 1897-ФЗ.

© Л.А. Максимова, 2014

Городской средовой стресс: восприятие реальности и гипотетическая оценка*

Кружкова Ольга Владимировна

ABSTRACT. The article discusses the problem of stress assessments of the urban environment of modern Russian metropolis in terms of its people and the hypothetical attribution residents of small towns and rural areas. In the empirical study of more than 3,500 respondents living in 21 settlements of the Russian Federation were found specific trends constructing estimates stressful urban environment, suggesting an exaggeration most physical and social well-being of the threats in the big cities from the perspective of the inhabitants of other areas under threat factor detracting from the impersonal and indifferent relations metropolis. Also revealed the nature of changes in estimates of stressful urban environment from a gender perspective of the respondents. Found that women feel more pressure from threats to their physical safety and refusal of assistance, while more men than women are responding to the increased social burden.

Keywords: urban environment, stress factors of the urban environment, urban stress, hypothetical and real assessment of stressful environment metropolis.

АННОТАЦИЯ. В статье обсуждается проблема оценки стресс-факторов городской среды современного российского мегаполиса с точки зрения его жителей и гипотетической атрибуции жителей малых городов и сельских территорий. В ходе эмпирического исследования более 3500 респондентов, проживающих в 21 населенном пункте РФ были обнаружены специфические тенденции построения оценок стрессогенности городской среды, предполагающие преувеличение большинства физических и соци-

---

* Исследование проводилось в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-2450.2011.6.

альных угроз благополучию жителя большого города с позиции жителей иных территорий при приуменьшении фактора угрозы от обезличенных и индифферентных отношений в мегаполисе. Также выявлен характер изменения оценок стрессогенности городской среды с учетом фактора пола респондентов. Обнаружено, что женщины в большей степени чувствуют напряжение от угроз их физической безопасности и отказа от помощи, в то время как мужчины больше чем женщины реагируют на повышенные социальные нагрузки.

Ключевые слова: городская среда, стресс-факторы городской среды, городской стресс, гипотетические и реальные оценки стрессогенности среды, мегаполис.

В городской среде человек постоянно подвержен стрессам. Источники стресса многочисленны и многообразны, и избежать взаимодействия с ними при активном образе жизни горожанина, как правило, невозможно. При этом стоит учитывать тот факт, что наша страна обладает весьма протяженной территорией, полиэтническим населением и культурно-исторической, экономической, политической и географической спецификой регионов. Поэтому проблемы стресса в городской среде всегда будут тесно связаны как с региональными условиями, так и типами городов, в которых проживает население.

Принято выделять следующие типы городов:

- города-миллионеры с населением более 1 миллиона жителей (15 городов в России – 1,4% от общего числа российских городов);
- крупнейшие города с населением от 500 тыс. до 1 миллиона жителей (21 город в России – 1,9% от общего числа российских городов);
- крупные города с населением от 250 до 500 тыс. жителей (39 городов в России – 3,5% от общего числа российских городов);
- большие города с населением от 100 тыс. до 250 тыс. жителей (91 город в России – 8,3% от общего числа российских городов);
- средние города с населением от 50 тыс. до 100 тыс. жителей (155 городов в России – 14,1% от общего числа российских городов);
- малые города с населением до 50 тыс. жителей (776 городов в России – 70,8% от общего числа российских городов) [4].

Таким образом на сегодняшний день в России насчитывается 1097 городов, а городское население в целом в несколько раз превосходит численность населения сельских территорий (106,1 и 37,2 млн. человек соответственно [4]). В то же время в нашей стране относительно небольшую долю (1,4%) из общего числа городов имеют мегаполисы – города-миллионеры. На 2013 год в России зарегистрировано 15 городов-миллионеров по официальной численности населения: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Самара, Омск, Казань, Челябинск, Ростов-на-Дону, Уфа, Волгоград, Пермь, Красноярск и Воронеж. При том, что число таких городов в России невелико, доля их населения составила 30% от общего числа городского населения России. Стоит отметить, что, как правило, пополнение городского населения происходит не столько за счет демографического прироста, сколько в результате устойчивой тенденции миграции жителей сельских территорий и иностранных граждан в города [1], в том числе и мегаполисы, а также за счет присоединения к крупным городам населенных пунктов, входящих в их агломерации (что, например, изменило численность населения г. Москва на 87,3 тыс. жителей в 2013 году, г. Воронеж на 81 тыс. жителей в 2010 году и г. Волгоград на 18 тыс. жителей в 2010 году, и позволило двум последним войти в группу городов-миллионеров).

Город, являясь неотъемлемой частью современной цивилизации, представляет собой наиболее универсальную форму концентрации разнообразных ресурсов социального, политического, информационного, управленческого характера, что делает его наиболее привлекательной формой организации жизнедеятельности как отдельного человека, так и государства в целом. Город обеспечивает внешнюю и внутреннюю социально-психологическую безопасность человека в нем за счет особого статуса жителя города, что влечет за собой открытие доступа к перечню специфических городских благ, формированию городского образа жизни и внутреннего ощущения "сокращения дистанции" субъекта и цивилизации. В городе человеку предоставляется множество возможностей по удовлетворению его потребностей, что формирует перспективу его развития и стимулирует активность субъекта. Именно это в качестве жизненной перспективы привлекает все большее количество людей, которые готовы ради указанных преимуществ

пренебречь или смириться с перманентным действием множества городских стресс-факторов, влияние которых на психику в значительной степени снижает качество жизни горожанина.

Среда города – это сложное субъектно-объектное единство. Оно включает в себя множество пространственно-функциональных и поведенческих взаимодействий человека и природной, предметной, информационной и социальной среды. Среда города содержит определенный набор элементов, сложившихся в ходе длительной исторической эволюции его пространства: площади, улицы, переулки, строения. Параметры этих элементов одновременно и образуют городскую среду, и задаются ею [6]. Таким образом, городскую среду можно понимать как соотнесенность, сопряженность, взаимосвязанность предметно-пространственного окружения с социальными и персональными взаимодействиями, происходящими в нем [3].

С.В. Пирогов выделил ряд феноменологических особенностей восприятия городской среды [7]:

1) континуальность среды, под которой понимается протяженность среды в пространстве, организация этого пространства в особое качество взаимосвязей его уникальных элементов, создающих явление целостности среды и ее отличия от иных “смежных” в пространстве сред;

2) процессуальность среды, которая предполагает определенную динамику развертывания во времени событий, наполняющих и “оживляющих” среду, отражающих содержание и направленность взаимодействий, проистекающих в ней;

3) реляционность среды, когда среда определяет и сопутствует формированию межличностных и социальных отношений, хранит информацию о них, создавая собственный исторический контекст, потеря которого может привести к потере смысловых ориентиров при восприятии объектов среды;

4) интенциональность среды, когда среда города становится культурной, социальной, коммуникативной, смысловой, духовной и материальной конструкцией пространства, которая придает отдельным местам города свой внутренний смысл, отражает их сущность в восприятии человека и формирует определенные типы поведения;

5) интерпретативность среды, когда среде придают определенные значения, смыслы, напрямую не транслируемые средой, но подразумеваемые ею.

При рассмотрении феномена города необходимо понимать, что наибольшую интенсивность выраженности перечисленных характеристик имеет среда мегаполисов [2], поскольку городской образ жизни рафинируется именно в рамках этих образований.

По мнению Т.В. Семеновой, для мегаполисов характерно формирование иных, новых правил совместного проживания в городском сообществе его жителей начинают формироваться новые правила совместного проживания, новые нормы и новые психологические защиты, поскольку старые нормы и правила ограничивают проявление и реализацию открывающихся новых возможностей [9]. Как указывает И.Б. Нахутин, мегаполисы являются областью наиболее глубокого преобразования окружающей среды. На их территории происходит перерождение первичной природной среды в рукотворную, в свою очередь влекущую образование социальной среды [5]. Подобные изменения в малых городах менее заметны, природная среда на их территории более гармонично сливается с антропогенной, в меньшей степени подавляется последней. и социальное взаимодействие, уклад жизни горожан в большей степени зависит от природных факторов, природной среды, детерминируется ими.

Х.Э. Штейнбах и В.И. Еленский [11] выделили ряд различий в социально-деятельностных отношениях человека в больших и малых городах:

1) в малых городах присутствует сильный неформальный контроль, любое отклоняющееся поведение осуждается в большей степени, чем в мегаполисе, где зачастую данное отклонение может вообще остаться незамеченным;

2) жители общины более жестко относятся к инновациям, которые несет с собой новый член сообщества, они ревниво охраняют свои традиции, поэтому проявляют недоверие и дистанцируются от вновь прибывшего. В мегаполисах нового члена сообщества могут не идентифицировать как "новичка" и относиться к нему в соответствии с обыденными нормами взаимодействия горожан;

3) в малых городах община оказывает более сильную поддержку, что является одним из важнейших ресурсов выживания. Слабые связи соседей бывают часто гораздо эффективнее родственных отношений [8]. В мегаполисе, как правило соседские от-

ношения не устанавливаются и в трудной ситуации человек вынужден самостоятельно решать возникшие проблемы;

4) история семьи в малых городах становится не только личной историей, она известна большинству жителей и на ее основе формируются мнение и ожидания по отношению как ко всей семье, так и ее отдельным представителям. Для мегаполисов семейное "происхождение" не имеет особого значения, поскольку множественность индивидуальных историй, отсутствие единых тенденций в их развитии и, зачастую, слабость родственных связей в городском пространстве мегаполиса дают большую свободу человеку в построении его жизни вне зависимости от его семейных условий;

5) в малом городе естественней происходит процесс социализации. В мегаполисах образцом для идентификации являются только члены собственной семьи (хотя частично и присутствуют в этом процессе элементы массмедиа), в малом городе – практически все роли исполняются конкретными людьми, поведение и жизнь которых может наблюдать каждый;

6) житель малого города – хозяин не только дома, но и участка земли, которая обеспечивает его минимальные потребности, его трудовая деятельность не ограничивается, по сравнению с жителем мегаполиса, только профессиональным трудом;

7) житель малого города является носителем не только индивидуального, но и общинного сознания, тогда как житель мегаполиса ориентируется в основном на индивидуальные интересы;

8) среда малого города в основном рукотворна, со-масштабна человеку, разнообразна. Она создает особый дух города и поддерживает культурную преемственность поколений. Для мегаполисов характерна техногенная среда, в которой природные элементы серьезно трансформируются или исчезают вовсе;

9) в малых городах общение более гетерогенно. Если в мегаполисах человек общается с небольшим кругом лиц, составляющих его семью, друзей, коллег, хотя и контактирует со множеством людей, то в малых городах общение строится на территориальной близости и объединяет людей из самых разных слоев общества;

10) малые города, как правило, обладают одним градообразующим предприятием, что ограничивает альтернативы в сфере занятости населения. В мегаполисах рынок труда более богат и разнообразен, здесь человек может выбирать различные условия

труда и его содержание в зависимости от собственных способностей и приоритетов;

11) культурная жизнь в малых городах самодеятельна и основана на энтузиазме жителей, в мегаполисе же она представляет собой развитую индустрию развлечений, когда организацией отдыха человека занимается не он сам, а профессионалы, на которых он возложил данную обязанность.

Городская среда мегаполиса и образ жизни большого города несут в себе определенные недостатки и осложнения жизнедеятельности человека. По мере увеличения роста городов растут риски возникновения и неблагоприятного воздействия физических и социальных стрессоров. Среда мегаполиса в существенной степени влияет на функционирование психики человека, определяя психофизиологические нагрузки на организм, провоцирует разнообразные поведенческие проявления отдельного индивида и целостных социальных общностей. В то же время оценка данных угроз может в значительной степени разниться в зависимости от точки зрения на среду мегаполиса: как привычную и обыденную, или как инородную и далекую. Кроме того, субъективная оценка стресс-факторов городской среды мегаполисов не всегда соразмерна их объективному воздействию на человека. Искажения в оценке могут быть связаны с тем, что в люди в целом склонны переоценивать вероятную частоту явлений маловероятных и недооценивать вероятную частоту явлений высоковероятных [14]. Вместе с тем, не каждый стрессор городской среды равен другим стрессорам, равно как и воздействия какого-либо стрессора неоднозначно для всех людей, испытывающих его. Свою поправку в действие стрессоров городской среды вносят демографические (пол, возраст и т.п.), социальные (общественное положение, семейное положение и др.), социально-психологические (система социальных ожиданий, опыт взаимодействия в среде, ценностные ориентации и т.п.) и личностно-психологические факторы (нервно-психическая устойчивость, стрессочувствительность, эмоциональность, экстраверсия и т.д.) [10].

Поэтому целью нашего исследования стало сравнение оценок стрессогенности факторов, представляющих определенную угрозу для благополучия жизнедеятельности горожан в мегаполисах, с точки зрения самих горожан, погруженных в среду вза-

имедействия с этими факторами, и точки зрения жителей малых городов и сельских населенных пунктов, гипотетически оценивающих риски большого города. Но поскольку образ жизни и жизненные задачи взаимодействия со средой у представителей мужского и женского пола будут различаться, то данное сравнение целесообразно было бы проводить с учетом фактора пола.

Таким образом в ходе исследования была предпринята попытка получить ответы на следующие вопросы:

1) в какие группы, в соответствии с субъективным восприятием жителей мегаполиса, могут быть объединены разнообразные стресс-факторы городской среды?

2) каковы различия в субъективной оценке значимости выделенных групп стресс-факторов городской среды с позиции жителя мегаполиса, ежедневно сталкивающегося с ними, и жителей небольших городов и сельских территорий с учетом их гипотетической оценки негативного влияния большого города на человека? Фактически это дало бы возможность выявить наличие одного из возможных эффектов восприятия стресс-факторов среды большого города:

- эффекта гиперболизации неизвестных угроз (когда жители малых городов и сельских территорий преувеличивают степень стрессогенности факторов большого города);

- эффекта литотизации неизвестных угроз (когда жители малых городов и сельских территорий преуменьшают степень стрессогенности факторов большого города);

- сочетательного эффекта гиперболизации и литотизации неизвестных угроз (когда жители малых городов и сельских территорий в некоторых случаях преувеличивают, в иных преуменьшают степень стрессогенности факторов большого города);

- адекватной оценки неизвестных угроз (когда жители малых городов и сельских территорий адекватно оценивают, равнозначно с жителями мегаполиса, степень стрессогенности факторов большого города).

Наше исследование было проведено в 7 мегаполисах (Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Казани, Омске, Челябинске, Перми и Тюмени), а также 10 малых городах и 4 сельских пунктах Уральского и Приволжского федеральных округов, территориально и экономически связанных с исследуемыми городами. Всего в

исследовании приняли участие 3504 респондентов в возрасте от 16 до 88 лет (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение участников исследования по типу населенного пункта и полу

Пол	Тип населенного пункта			ИТОГО
	Мегаполисы	Малые города	Сельская местность	
Мужской	870	444	181	1495
Женский	1301	514	194	2009
ИТОГО	2171	958	375	3504

В результате факторизации оценок стрессогенности отдельных особенностей среды большого города жителями мегаполиса (с применением эксплораторного и конфирматорного факторного анализа) нами были выделены группы стресс-факторов среды больших российских городов [13]:

1) реальные риски и угрозы – воздействие составляющих данной группы на человека представляет угрозу для жизни и здоровья человека и значительно снижает качество жизни горожанина, например, загрязненность воздуха, воды, опасность стать жертвой преступления, вероятность ДТП, террористические угрозы и др.;

2) информационно-динамические нагрузки – связаны с необходимостью воспринимать, обрабатывать и реагировать на множественные стимулы, поступающие из внешней среды за короткий период времени. При этом среда большого города предполагает как многочисленные социальные контакты, так и множественность вертикально и горизонтально расположенного предметного окружения и многочисленность событий, происходящих с человеком, включенного в городскую реальность;

3) социальный краудинг – это ситуации возникновения субъективного ощущения нехватки свободы в социальном взаимодействии, вызванные множественностью контактов в городской среде, предписанными социальными обязательствами и существующими экспектациями по отношению к человеку как горожанину;

4) транспортные риски – это ситуации возникновения стресса в следствие активного взаимодействия с индивидуальным и

общественным транспортом. Безусловно, все города зависят от транспорта, необходимого, чтобы использовать окружающие территории для своих нужд, тем не менее городская политика организации транспортной системы редко учитывает фактор психологического комфорта жителей при использовании транспорта. Как особо стрессогенные жителями оцениваются городские транспортные заторы, временные затраты на транспорт и зависимость собственной активности и потребности в передвижении от работы транспорта;

5) проблемы ориентации – это ситуации затруднений в выделении функциональных зон пространства, непонятности строения города (его части) и уличной системы, дезориентация в схожих до неразличения местах города. Утеря ориентации вызывает беспокойство и эмоциональный дискомфорт, нарушает гармоничность отношений между миром и личностью, в связи с чем крайне важно создание позитивного непротиворечивого образа города для поддержания эмоционального благополучия человека;

6) безразличие – это ситуации, когда человек чувствует себя одиноким и незащищенным, находясь в многолюдном городском окружении. Особое значение здесь имеет возникающее в больших городах ощущение отсутствия внимания и поддержки в случае необходимости со стороны окружающих людей, что не типично для небольших городских и сельских сообществ. В большом городе житель вырабатывает индифферентное отношение к окружающим как особый защитный механизм, блокирующий переживание эмоций по отношению к встречным людям, и таким образом предохраняющий от эмоционального выгорания при избытке эмоциогенных внешних стимулов;

7) миграционные риски – связаны с ситуациями взаимодействия с иногородними и иностранными гражданами, вновь прибывающими в город. Стрессогенный характер данное взаимодействие приобретает в силу несхожести паттернов поведения, культуры и личностной направленности “укорененных” жителей города и приезжих, а также в результате обострения конкуренции за социально-экономические и иные ресурсы;

8) гомогенность визуальной среды – где стресс вызван однообразием внешних элементов городской среды. Данная ситуация связана с распространением начиная с середины XX века

массовой застройки российских городов зданиями типовых серий с унифицированными и обедненными архитектурными элементами. Повторяемость одинаковых элементов, использование больших плоскостей и простых геометрических форм приводит к восприятию человеком городского пространства как потенциально агрессивного и стрессогенного.

Таким образом, дальнейшая оценка изменения оценок стрессогенности особенностей большого города различными категориями респондентов была осуществлена по каждой из выделенных групп стресс-факторов городской среды мегаполиса. Нахождение различий в оценках групп стресс-факторов производилось с применением сравнительной статистики (Н-критерия Краскела-Уоллиса и Т-критерия Стьюдента для независимых выборок) с учетом фактора пола и места проживания респондентов.

При сравнении трех групп респондентов (жителей мегаполисов, малых городов и сельской местности) выявились различия в оценках стресс-факторов городской среды по большинству показателей: реальные риски и угрозы ($\chi^2=173,46$, $p=0,000$), информационно-динамические нагрузки ($\chi^2=325,38$, $p=0,000$), социальный краудинг ($\chi^2=316,79$, $p=0,000$), транспортные риски ($\chi^2=141,73$, $p=0,000$), проблемы ориентации ($\chi^2=297,89$, $p=0,000$), миграционные риски ($\chi^2=173,46$, $p=0,000$), гомогенность визуальной среды ($\chi^2=134,25$, $p=0,000$). Таким образом, наиболее высоко риски стресса в городской среде оценивают жители сельской местности (рис. 1). Сами жители мегаполиса придают гораздо меньшее значение большинству типов стрессогенной среды большого города.

Следует отметить, что единственный случай, когда жители мегаполиса дают более высокие оценки фактору стрессогенности – когда они характеризуют равнодушное отношение друг к другу среди горожан. Для жителей малых городов и сельской местности безразличное поведение по отношению к окружающим не характерно, поскольку добрососедские отношения, поддержка, эмпатия являются одними из наиболее значимых ресурсов личного и общественного благополучия в данных сообществах. В больших же городах безразличие и индифферентное отношение к другим выступает в роли своеобразного защитного механизма, предотвращающего или формализующего ненужные многочисленные контакты с окружающими людьми, и, таким образом, сдерживающего

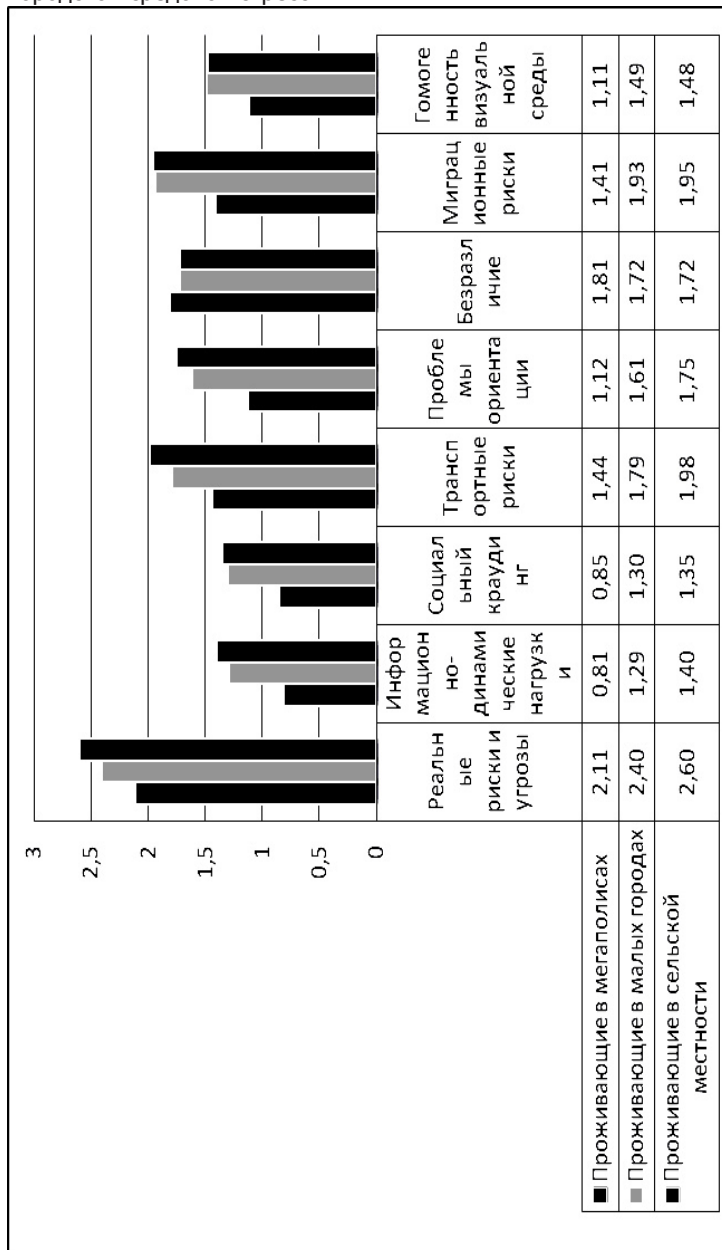

Рис. 1 Оценки групп стресс-факторов среды большого города респондентов, проживающих на различных территориях

эмоциональное выгорание личности от чрезмерно частых ситуаций эмоционально-личностного взаимодействия. Кроме того, как показали наши предыдущие исследования [12], жители сельской местности в какой то степени более чувствительны к «иностранности» элементов городского пространства по отношению к своему привычному существованию, косвенно оценивая вероятность их появления в своей жизни (в том числе и с опорой на дискретный опыт взаимодействия с городской средой). Они чаще замечают ту информацию, на которой горожане не акцентируют внимания по причине ее несущественности для их безопасного и комфортного существования. Поскольку объем информации в городской среде намного превышает оптимальный для человеческого восприятия, то жители города, адаптируясь, формируют механизм отсева неважной, второстепенной информации, обедняя и унифицируя таким образом свою «внутреннюю картину» городской среды.

Тем не менее здесь следует дифференцировать оценки стрессогенности городской среды не только в соответствии с местом проживания, как эталоном оценивания, но и с учетом гендерный стереотипов респондентов. В результате сравнения оценок стресс-факторов городской среды в дифференцированных по половому признаку группах обнаружилась следующая особенность: оценки стрессогенности фактора «безразличие» у мужчин, проживающих на различных территориях, статистически не отличаются друг от друга; в то же время в женской выборке это различие очевидно ($\chi^2=12,14$, $p=0,020$).

Оценки же стрессогенности городской среды жителей малых городов и сельской местности в большинстве случаев схожи. Различия наблюдаются только по трем группам стресс-факторов: реальным рискам и угрозам жизни и здоровью ($t=-4,48$, $p=0,000$), транспортным рискам ($t=-2,96$, $p=0,004$) и проблемам ориентации ($t=-2,40$, $p=0,021$), когда указанные факторы у жителей сельской территории вызывают большее напряжение, поскольку менее характерны для их естественной среды проживания.

Тем не менее реальные и гипотетические оценки рисков и угроз среды мегаполиса у респондентов, не проживающих в нем, также могут в значительной степени варьироваться с учетом фактора пола (рис. 2).

Мужчины и женщины, проживающие в малых городах и сельской местности имеют схожие оценки стрессогенности угроз

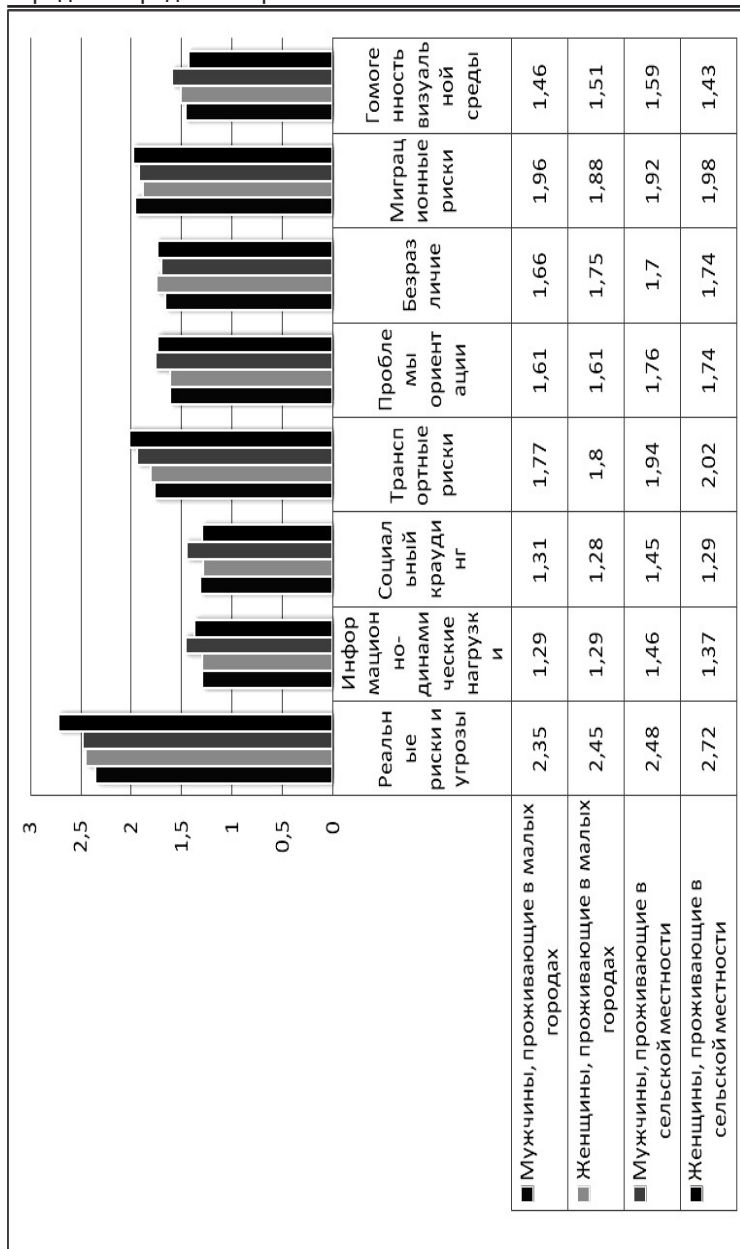

Рис. 2 – Оценки групп стресс-факторов среды большого города мужчин и женщин, проживающих в малых городах и сельской местности

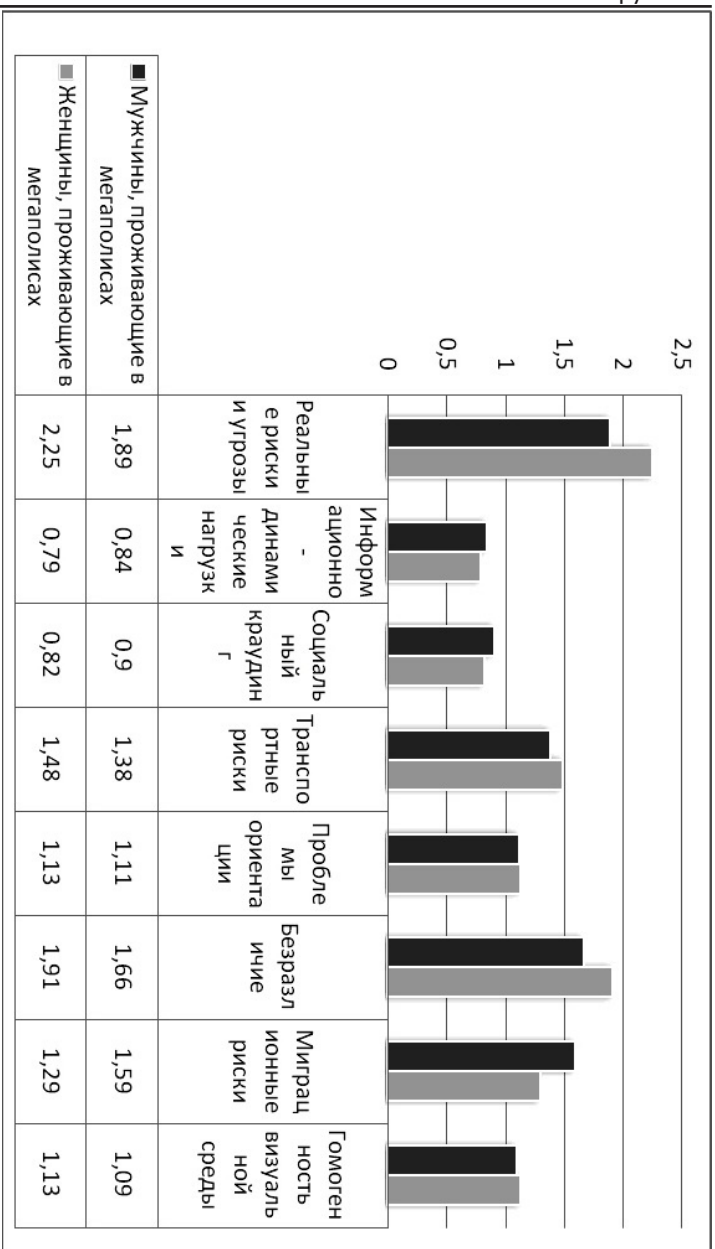

Рис. 3 – Оценки групп стресс-факторов среды большого города мужчинами и женщинами, проживающих в мегаполисах

городской среды. Единственный случай различия в их мнении присутствует относительно стресс-фактора "реальные риски и угрозы жизнью и здоровью", который женщины в обеих этих группах оценили более высоко, чем мужчины ($t=-2,45$, $p=0,015$ и $t=-3,03$, $p=0,003$ соответственно для малых городов и сельской местности).

Впрочем, среди жителей больших городов присутствует более четкая дифференциация оценок факторов стрессогенности городской среды среди мужчин и женщин (рис. 3).

Так, у женщин большую тревогу вызывают и реальные риски и угрозы для жизни и здоровья ($t=-10,38$, $p=0,000$), и безразличие других людей ($t=-5,51$, $p=0,000$). Женщины чувствуют себя менее защищенными в условиях большого города, как с позиции противостояния преступнику, покусившемуся на них, так и в поиске помощи от окружающих в сложных или экстремальных ситуациях городской жизни. С точки зрения материнского инстинкта женщины также более тщательно оценивают окружающую среду по степени ее безопасности и пригодности для жизнедеятельности их детей, что обостряет их внимание к негативным сторонам городской действительности (загрязнению воздуха, воды, распространению преступности, беспорядочным животным и т.п.). Просьба о помощи в проблемной ситуации к окружающим также может увеличить риск совершения преступления по отношению к ним, поскольку демонстрирует их уязвимость и зависимость от окружающих. В принципе отказ от помощи, безразличие со стороны окружающих подрывают значимый ресурс женского благополучия – аффилиативные возможности.

Для мужчин более стрессогенными являются проблемы социального краудинга ($t=2,938$, $p=0,025$) и миграционные риски ($t=5,56$, $p=0,000$). В целом, это ситуации, обусловленные многочисленностью социального окружения и предписанных социальных экспектаций по отношению к мужчинам. В целом, менее используя аффилиативные ресурсы, мужчины ощущают бессилие в противостоянии и управлении внешними обстоятельствами в условиях интенсивного обезличенного социального взаимодействия, хотя именно управление ситуацией номинально и стереотипно приписывается им как "мужская роль", обязывающая к самостоятельной организации действительности и ответственности за нее.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать следующие выводы.

1. Можно выделить восемь групп стресс-факторов городской среды мегаполиса, среди которых реальные риски и угрозы жизни и здоровью горожанина, высокие информационно-динамические нагрузки, социальный краудинг, транспортные и миграционные риски, проблемы, связанные с ориентацией в городской среде и ее визуальной гомогенностью, а также безразличие в отношениях.

2. Реальные оценки стресс-факторов среды мегаполиса, данные его жителями, существенно отличаются от гипотетических оценок жителей иных территорий. При этом существенных различий в оценках изучаемых угроз у жителей малого города и сельской местности не наблюдается.

3. В гипотетических оценках стресс-факторов среды большого города, произведенных не проживающими в мегаполисах людьми, присутствует сочетательный эффект гиперболизации и литотизации неизвестных угроз.

4. Большая часть стресс-факторов городской среды мегаполиса жителями иных территориальных образований оценивается чрезвычайно высоко по сравнению с аналогичными оценками жителей мегаполиса. При этом данная тенденция прослеживается как в отношении прямых угроз безопасности, так и косвенных, возникающих при потере контроля за развитием социальной ситуации.

5. Тенденция литотизации характерна при оценке жителями малых городов и сельской местности фактора "безразличие", имеющего большую значимость для самих жителей мегаполиса. Ведущая роль социальной поддержки, которую оказывают члены сельских поселений и малых городов, сохраняющих элементы патриархального образа жизни, использование ее как одного из основных ресурсов выживания не позволяет при оценке стресс-факторов среды мегаполиса выйти за пределы привычных представлений и осознать в полной мере травматичность и обыденность отказа от помощи в сообществе большого города.

6. Существует гендерный аспект построения гипотетических и реальных оценок стресс-факторов большого города. Для женщин проживающих во всех типах поселений наибольшей стрессогенностью обладают факторы, напрямую связанные с физическим благополучием, жизнью и здоровьем. В то же время для

мужчин-жителей мегаполиса характерно большее акцентирование негативных переживаний в результате потери контроля за течением событий при множественном и динамичном социальном окружении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев А.И., Зубаревич Н.В. Кризис урбанизации: формирование нового образа жизни // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 138-146.
2. Воробьева И.В., Кружкова О.В. Психология городской среды: монография. Екатеринбург: РГПУ, 2012. 243 с.
3. Глазычев В. Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. Москва: Наука, 1984. 180 с.
4. Демография // Сайт Федеральной службы государственной статистики http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 29.07.2013).
5. Нахутин И. Б. Мегаполис как объект исследования // Социально-политический журнал. 1998. № 5. С. 234–251.
6. Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник МГУ. Сер. 14, Психология. 1984. № 4. С. 13–20.
7. Пирогов С. В. Социология города. Москва: Новый учебник, 2004. 208 с.
8. Раудсепп М. Жилая среда и взаимоотношения между соседями // Средовые условия групповой деятельности: сборник статей / под ред. Х. Миккина. Таллин: ТПИ им. Э. Вильде, 1988. С. 93–118.
9. Семенова Т. В. Городская ментальность: социально-психологическое исследование: монография. Самара: СГПУ, 2008. 354 с.
10. Чупина В.А., Воробьева И.В., Кружкова О.В., Плешакова А.Ю. Субъективная значимость стрессогенной среды для человека в контексте его образовательного уровня и профессиональной принадлежности (на примере городов Ханты-Мансийского автономного округа) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Педагогика». 2013. № 2. С. 58-62.
11. Штейнбах Х.Э., Еленский В.И. Психология жизненного пространства. СПб.: Речь, 2004.
12. Kruzhkova O.V. Peculiarities of Urban Architectural Space Representations // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2013. V. 86. P. 295-300

13. Kruzhkova O.V. The estimation of stress-factors in a big Russian city: a view from the inside and outside // 10th Biennial Conference on Environmental Psychology. 22- 25 September, 2013, Otto von Guericke Universität Magdeburg (Magdeburg, Germany). Magdeburg, 2013. P. 149.

14. Lichtenstein S., Slovic P., Fichhoff B., Layman M., Combs B. Judged frequency of lethal events. Journal of Experimental Psychology: Human learning and Memory. 1978. V. 4. P. 551–578.

© **O.B. Кружкова, 2014**

Субъектогенез и границы субъектности и их роль в формировании вандального поведения*

Ирина Владимировна Воробьева

Abstract. The article introduces the concept of boundaries of subjectivity, as representations of human self-realizational activity within the permissible limits. Analyzed their formation during subject-genesis process, taking into account stage-dependent age of human development and evolution of the specifics of the social factors that have a major influence on the content boundaries. Highlighted the relation between the type of boundaries of subjectivity, according to their degree of formation and vandal human behavior with consideration of possible motivational bases of such actions.

Keywords: border subjectivity subject-genesis types boundaries of subjectivity, vandalism, vandalnoe behavior.

Аннотация. В статье вводится понятие границ субъектности, как представлений человека о допустимых пределах реализации собственной активности. Анализируется их формирование в процессе субъектогенеза с учетом этапов возрастного развития человека и выделением специфики социальных факторов, оказывающих основное влияние на содержание границ. Выделяется связь между типом границ субъектности по степени их сформированности и вандальным поведением человека с рассмотрением возможных мотивационных основ подобных действий.

Ключевые слова: границы субъектности, субъектогенез, типы границ субъектности, вандализм, вандальное поведение.

Исследование проводится в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-4245.2013.6.

Результаты актов вандализма активно обсуждаются СМИ, осуждаются в социальных сетях и порицаются властями, однако, не смотря на столь однозначную оценку, их представленность в современном обществе имеет устойчивую тенденцию к росту, а последствия подобных действий становятся все более изощренными. Очевидно, что в основе выбора человеком такого варианта поведения лежат такие детерминанты, которые по каким-либо причинам не реагируют на отношение социума, дистанцируются от принятых в нем норм, правил и моделей поведения и, безусловно, заслуживают глубокого изучения. Одним из ракурсов рассмотрения обозначенной проблемы может быть субъект, а точнее границы проявления субъектности, под которыми мы понимаем некие представления субъекта о том, каковы же пределы реализации его активности. Эти представления формируются в процессе субъектогенеза с учетом ключевых задач онтогенеза и под воздействием значимой социальной ситуации развития. Специфику этой взаимосвязи и результат взаимодействия этих феноменов с позиции объяснения вандальной активности молодежи мы и попытаемся рассмотреть далее.

Субъект и личность. Одним из ключевых феноменов, активно рассматриваемых в отечественной психологии со второй половины 20 века, стал субъект. Современные исследователи зачастую используют это понятие, чтобы наиболее полно раскрыть деятельностьную основу человеческого бытия и высказывают разные точки зрения на соотношение субъекта и личности. Так, Е.А. Сергиенко предлагает использовать критериальный принцип в определении соотношения субъекта и личности, в соответствии с которым выделяются аксиологический и эволюционный подходы [6]. Для первого характерно понимание субъекта как достаточно позднего образования, а точнее как новообразования личности в результате ее развития. Второй подход постулирует раннее появление субъекта, и тогда личность выступает «стержневой структурой субъекта, задающей общее направление самоорганизации и саморазвития» [6]. Субъект в этом контексте является операциональным и исполнительным звеном, он координирует цели, выбирает ресурсы и реализует, обеспечивает развитие человека в конкретных жизненных обстоятельствах.

Кроме данного принципа, необходимо учитывать представления специалистов о степени конгруэнтности личности и субъек-

та, в соответствии с которой можно обозначить дифференцированный и интегративный подходы. Так, для первого характерно противопоставление категорий личности и субъекта, для второго – рассмотрение их в тесной взаимосвязи и взаимовлиянии друг на друга [3].

Однако помимо выделения специфики этих двух категорий, закономерно встает вопрос о границах их проявления. Анализ понятия «личность», безусловно, наделяет ее ценностно-смысловой сферой, развивающимся самосознанием, рефлексией и другими конструктами, отражающими «понятия духовности, гуманности, нравственности, совести, добродетельности и т.п.» [1 с. 362]. Субъект же связывают с внутренней и внешней активностью человека, проявляющейся в самых разнообразных формах, что еще более затрудняет представление о том, кем, когда и каким образом определяется сфера и пространство реализации этой активности, что крайне важно учитывать в ситуациях, когда содержание субъектности вступает в противоречие с социальными нормами.

Само понятие границ используется повсеместно и его содержание не нуждается в уточнении. Так, например, в современном толковом словаре Т.Ф. Ефремовой, интерпретация границ очень лаконична, под ними понимаются допустимые нормы, пределы [5]. Особым смыслом оно наполняется, когда используется по отношению к конкретным объектам, и если границы территории государства определены и визуально фиксируются с помощью разнообразных символов, то границы субъекта, а точнее субъектности, можно отобразить только в процессе взаимодействия человека с окружающей его средой или по результатам этого контакта.

Так, если субъект, преобразуя окружающую среду, изменяет самого себя, то пределы преобразования должны от чего-то зависеть. При этом сами границы лишь условно можно назвать некими рамками, ограничивающими определенное пространство, где человек осуществляет свою целенаправленную активность. Скорее это система представлений человека, определяющая его возможность активного взаимодействия с окружающей средой, которая не просто включает те или иные объекты пространства, а наделяет их смыслом, т.е. личностным значением для человека,

встраивает их в определенную модель по отношению к друг другу и самому субъекту. Кроме того, необходимо отметить, что границы изменчивы во времени и имеют динамическую составляющую, позволяющую человеку исходя из собственного опыта, полученных знаний и конкретной ситуации определять их содержание. Соответственно, можно предположить, что становление границ субъектности определенным образом взаимосвязано с закономерностями онтогенетического развития человека и понимание субъекта в данном случае будет исходить из его эволюционного контекста.

Максимальная интенсивность процесса субъектогенеза достигается в среде, систематически стимулирующей и иницирующей активность личности, каковой и является образовательное пространство. Рассматривая образовательное пространство как обобщенный аспект жизнедеятельности общества, в его содержание помимо собственно самих образовательных учреждений, необходимо включить семью как первичную среду, где ребенок не только впервые проявляет свою активность, но и где он сталкивается с запретами, нормами и правилами ее реализации. Именно посредством семейного воспитания, в процессе взаимодействия с родителями, сиблингами и другими членами семьи, формируются первичные границы субъектности, т.е. определяется то допустимое для преобразования пространство, которое способствует как становлению субъекта, так и развитию личности. Помимо формирования представлений о дозволенном и недопустимом поведении, ребенок в семье осознает и свои возможности, наделяет личностным смыслом и содержанием нормы и правила реализации своей активности, что в результате приводит к становлению определенной позиции субъекта, отражающей понимание человеком собственно границ субъектности. В результате этого процесса сами границы проявления субъектности могут быть трех типов:

- адекватно сформированные – представления человека о возможных и допустимых пределах реализации внутренней и внешней активности, которые соответствуют принятым в обществе нормам, личностно им осознаются и принимаются;

- неадекватно сформированные – представления человека о возможной и допустимой активности либо противоречат социально принятым нормам в обществе в целом, либо вступают в противоречие с нормами микросоциума;

- несформированные – представления о пределах допустимого взаимодействия с окружающей средой отсутствуют.

Рассмотрим более подробно процесс становления границ субъектности в рамках онтогенеза и ключевых социальных факторов, оказывающих на него влияние.

Субъектогенез и формирование границ субъектности. Периоды младенчества и раннего детства можно назвать подготовительными, так как ключевыми задачами здесь являются не столько выстраивание взаимоотношений с окружающим миром и поиск себя в нем, сколько его познание и освоение. Благодаря активности этих этапов формируются представления о пространстве, в котором находится ребенок, его свойствах, возможностях и угрозах. Данный процесс обеспечивается в первую очередь через общение с родителями, накопление индивидуального опыта и осознание возможностей своего физического тела. Можно сказать, что границы субъектности ребенка определяются с одной стороны его физическими возможностями с другой – характером родительского воспитания, а именно степенью контроля. Необходимо отметить, что крайние варианты, такие как излишний контроль со стороны родителей или наоборот его отсутствие будут крайне негативно сказываться на формировании адекватных границ субъектности ребенка. Так, например, при выраженной гиперопеке пределы проявления собственной активности не определяются взрослыми, а складываются стихийно под влиянием собственного индивидуального опыта и в зависимости от его содержания ребенок либо не имеет адекватных представлений об угрозах, нормах и правилах окружающего мира и его поведение можно охарактеризовать как бесстрашное, вседозволенное, выходящее за рамки; либо, пережив негативный опыт, напротив отличается излишней осторожностью, отгороженностью от социальной среды. Гиперопека, имеющая разнобразные формы, но сводящаяся, по сути, к сверх контролю активности ребенка, также может продуцировать искаженное восприятие окружающего мира, а в последствии и себя в нем. Соотнесение типа деструктивного семейного воспитания [12] и специфики формирования границ субъектности ребенка под его воздействием представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Социальная ситуация формирования границ субъектности в ранние детские возраста

Социальная ситуация	Проблемные зоны	Вариант нарушений	Специфика границ субъектности
Семья Семья (расширенный вариант)	Дисгармоничный тип семейного воспитания	Потворствующая гиперпротекция; Доминирующая гиперпротекция; Повышенная моральная ответственность; Эмоциональное отвержение; Жестокое обращение.	Неадекватно сформированные границы
		Гипопротекция	Несформированные границы

Таким образом, ключевым фактором в ранние возраста, определяющим впоследствии представление человека о себе в окружающем мире и своих возможностях по взаимодействию с ним, является воспитательное воздействие, которое оказывается на ребенка членами его семьи.

У ребенка дошкольного возраста субъектность уже проявляется в виде интенсивного освоения норм и правил поведения, которые выступают обобщением отношений в социуме, и формирования механизмов собственно субъектного поведения. Саморегуляция своего поведения становится предметом осознания, что обозначает переход на новую ступень развития сознания ребенка, т.е. ступень формирования его самосознания, предмет которого – определение своего места в системе отношений с другими людьми [7]. Таким образом, границы проявления собственной активности уже включают в себя нормы и правила поведения в обществе, а также опираются на систему взаимоотношений ребенка не только с родителями, но и со сверстниками и с другими значимыми взрослыми (педагоги, воспитатели). Соответственно,

помимо семьи, которая продолжает оказывать решающее воздействие, на формирование границ субъектности ребенка, начинают влиять иные социальные факторы. Более подробно их роль представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Социальная ситуация формирования границ субъектности в дошкольном возрасте

Социальная ситуация	Проблемные зоны	Вариант нарушений	Специфика границ субъектности
Семья Семья (расширенный вариант)	Дисгармоничный тип семейного воспитания	Потворствующая гиперпротекция; Доминирующая гиперпротекция; Повышенная моральная ответственность; Эмоциональное отвержение; Жестокое обращение.	Неадекватно сформированные границы
		Гипопротекция	Несформированные границы
Сверстники	Проблемные формы взаимоотношений со сверстниками [8]	Агрессия Обида Демонстративность	Неадекватно сформированные границы
		Застенчивость, приводящая к изоляции	Несформированные границы
Значимые взрослые	Нарушение контакта с воспитателем, педагогом	Конфликт Наличие у педагога стереотипов, негативной установки	Неадекватно сформированные границы
		Страх	Несформированные границы

Роль сверстников в этот период только начинает обозначаться, так как, по мнению многих психологов (М.И. Лисина, А.Н. Леонтьева, Г.А. Урунтаева и др.), причиной популярности и признанности ребенка в группе в начале дошкольного периода будет умение интересно играть, и только к концу этого возрастного этапа – способность к коммуникации. Однако, именно среда сверстников формирует отношение человека к тем объектам, которые ему не принадлежат, но очень интересны, так у ребенка вырабатываются навыки совместной игры, актуализируются способности к сотрудничеству, обмену и т.п. Педагоги и воспитатели обучают и контролируют дошкольника в овладении им социальными умениями, разрешают конфликты, информируют о тех нормах, которых он должен придерживаться. Можно сказать, что они закладывают отношение к познавательной деятельности и общению в широком смысле этого слова.

В период младшего школьного возраста происходит построение и преобразование связей и отношений в школьной со-бытийности, что, по мнению В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева, определяет характер и результаты развития субъектности ребенка этого периода жизни. В целом поведение младшего школьника отличается произвольностью, намеренностью, осмысленностью и способностью соблюдать правила и нормы, принятые в отдельной группе и в обществе. Саморегуляция младшего школьника проявляется в том, что он может самостоятельно ставить перед собой цели, а также следовать целям, которые для него поставил взрослый, что положительно отражается на самоконтроле поведения и деятельности. Г.А. Цукерман в качестве ключевых возрастных задач психического развития выделяет становление совместной учебной деятельности [10]. Так, например, было выявлено влияние кооперации со сверстниками, характера их общения на развитие мышления у младших школьников. Границы субъектности здесь напрямую взаимосвязаны с новой ведущей деятельностью, которая отличается своим содержанием, а также специфическими стратегиями поведения. Они по-прежнему поддерживаются семьей, опираются на новый характер взаимоотношений со сверстниками (конкуренция, соперничество, сотрудничество, дружба и т.п.) и взрослыми, помимо этого ребенок активно включается в освоение общих ценностей, транслируемых социумом. Более детально риски этих социальных ситуаций представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Социальная ситуация формирования границ субъектности в младшем школьном возрасте

Социальная ситуация	Проблемные зоны	Вариант нарушений	Специфика границ субъектности
Семья (расширенный вариант)	Дисгармоничный тип семейного воспитания	Потворствующая гиперпротекция; Доминирующая гиперпротекция; Повышенная моральная ответственность; Эмоциональное отвержение; Жестокое обращение.	Неадекватно сформированные границы
		Гипопротекция	Несформированные границы
Сверстники	Проблемные формы взаимоотношений со сверстниками [8]	Агрессия Обида Демонстративность	Неадекватно сформированные границы
		Застенчивость, приводящая к изоляции	Несформированные границы
Значимые взрослые	Нарушение контакта с педагогом	Конфликт Наличие у педагога стереотипов, негативной установки	Неадекватно сформированные границы
		Страх Конфликт	Несформированные границы

Так, в данный возрастной период возрастает вклад в формирование границ субъектности тех сфер жизни ребенка, в которые он становится активно включен помимо семьи. Специфическими особенностями, задающими направление и характер отношений

со сверстниками и педагогами, являются условия и характеристика образовательной среды, а также сама учебная деятельность, где ребенок получает представление о тех границах его активности, которые не представлены в объективном формате – возможности использования информации.

Для развития субъектности в подростковом возрасте характерно наличие общности в жизни подростка и взрослого, сотрудничества между ними, в процессе которого происходит становление новых способов их социального взаимодействия [7]. Д.И. Фельдштейн полагает, что в настоящее время возросла значимость поиска новых видов и форм социально значимой деятельности, которые способны создавать условия для самоутверждения и самовыражения современных подростков [11]. Именно участие в социально признаваемой и одобряемой деятельности позволяет подростку осознать и оценить себя, приобрести уверенность в собственной значимости и при этом адекватно отнестись к оценкам других, развивая общественно направленную мотивацию. Пределы собственной активности в подростковом возрасте подвержены максимальной динамике, так подросток в силу противопоставления себя и взрослого, может целенаправленно изменять привычные модели взаимодействия с окружающей средой. Кроме того, референтная группа сверстников также будет причиной изменения границ реализации собственной активности в силу стремления быть принятым ею, являться ее членом, занимать определенное место в социальной иерархии (таблица 4).

Таблица 4 – Социальная ситуация формирования границ субъектности в подростковом возрасте

Социальная ситуация	Проблемные зоны	Вариант нарушений	Специфика границ субъектности
Семья Семья (расширенный вариант)	Нарушение контакта, потеря доверия	Излишний контроль Вмешательство в личную жизнь	Неадекватно сформированные границы
		Дистантные отношения, формальное исполнение родительской роли	Несформированные границы

Субъектогенез и границы субъективности...

Социальная ситуация	Проблемные зоны	Вариант нарушений	Специфика границ субъектности
Сверстники	Проблемные формы взаимоотношений со сверстниками	Низкий или высокий статус в группе Субкультуры	Неадекватно сформированные границы
		Изоляция Конфликт	Несформированные границы
Значимые взрослые	Нарушение контакта с педагогом	Конфликт Наличие у педагога стереотипов, негативной установки	Неадекватно сформированные границы
		Страх	Несформированные границы

Таким образом, особую роль в пубертатный период в процессе определения человеком границ проявления собственной субъектности играют сверстники. Именно они инициируют многочисленные пробы активности подростка по отношению к тем объектам, которые либо имеют для него неопределенный статус (может быть они и мои тоже), либо очень значимо само вмешательство, оно например, может повысить популярность подростка среди сверстников или помогает самоутвердиться в собственных глазах.

Юность, согласно концепции основных ступеней развития субъектности, этап персонализации. Он характеризуется приобщением к деятельным формам взрослости, человек впервые осознает себя потенциальным автором собственной биографии, принимает персональную ответственность за свое будущее, уточняет границы своей самотождественности внутри совместного бытия с другими. Нормой и важнейшим условием самотождественности (самоидентификации, принятия себя) является процесс индивидуального обособления в деятельности и личной ответственности за нее внутри группы сверстников. Усиливается потребность не только в социальной, но и пространственной автономии, неприкосновенности своего личного пространства. В юности появляется способность к самоопределению и саморазвитию при наличии определенной зависимости от социального окружения. Границы становятся более стабильными, более конкретными и предметными.

ми для самого человека, он включает в них те объекты, которые обладают для него личностной значимостью, олицетворяют собой определенные ценности и смыслы. Проблемные зоны социальных сфер представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Социальная ситуация формирования границ субъектности в юношеском возрасте

Социальная ситуация	Проблемные зоны	Вариант нарушений	Специфика границ субъектности
Сверстники	Проблемные формы взаимоотношений со сверстниками	Низкий или высокий статус в группе Субкультуры	Неадекватно сформированные границы
		Изоляция Конфликт	Несформированные границы

Особую роль в этот возрастной период приобретают взаимоотношения со сверстниками и взрослыми, но в широком контексте, так если для подростка важна референтная группа, то юноша должен выстраивать процессы коммуникации в разнообразных социальных системах. Границы активности субъекта, соответственно, выстраиваются с одной стороны на фоне конкретных норм и запретов, моделей социально приемлемого поведения, а с другой – с учетом представлений человека о своем месте в социуме.

Развитие вандального поведения личности при нарушении границ субъектности. Особенности протекания субъектогенеза, специфика выстраивания границ, в пределах которых реализуется субъектность, напрямую влияют на выбор человеком конкретной формы своего поведения. Разнообразные виды отклоняющегося поведения зачастую обусловлены именно особенностями взаимодействия человека и окружающей его среды, прежде всего социальной. Вандализм, как вид девиантного поведения наиболее нагляден с точки зрения отношений «субъект – материальная среда», так как он напрямую связан с разрушением или порчей чужой или общественной собственности.

В данном случае он рассматривается как преступление против общественной безопасности, заключающееся в осквернении

зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах [9]. Помимо нормативной стороны вопроса, специалисты, описывая данные действия, указывают на их социально-психологические характеристики, такие как возможность самоутверждения [13], преднамеренность [14], проявление агрессии или других высокоэнергетичных эмоциональных реакций [2]. Кроме того, необходимо различать виды вандализма, которые можно выделить, исходя из нескольких оснований. Во-первых, по степени осознанности данные действия с одной стороны могут носить мало осознаваемый характер, а с другой – быть запланированными и тщательно продуманными. Во-вторых, дифференциация вандального поведения может опираться на мотивационные основы, т.е. содержание основных причин, инициирующих у человека подобную стратегию поведения. Так, опираясь на анализ отечественных и зарубежных подходов, нами были выделены десять основных мотивов вандального поведения, которые соотносятся с двумя группами детерминант вандализма – средовые и личностно обусловленные мотивы вандального поведения [4]. В-третьих, необходимо учитывать индивидуальный или групповой характер действий, причиняющих ущерб чужой или общественной собственности. Согласно последним исследованиям, как за рубежом, так и в России, преобладающее большинство зафиксированных вандальных актов, отличающихся особой жестокостью и злонамеренностью, совершаются именно в группе. Несомненно, особое внимание специалистов в этом аспекте, привлекают молодежные субкультуры, как носители определенных норм, ритуалов, традиций, включая и акты вандализма. В-четвертых, определенную роль играет частота совершения вандальных действий, от единичных и случайных до сформированной позиции и высокой мотивационной готовности к подобному поведению в широком диапазоне ситуаций. Необходимо заметить, что это, несомненно, не полный перечень оснований, позволяющих сформировать более полные представления о вандальном поведении, так распространенном среди современной молодежи. Ключевым вопросом в рамках данной проблемы по-прежнему остаются причины, побуждающие подростков или юношей совершать вандальные акты, и если возрастная специфика может объяснить только ряд случаев, то рассмотрении особен-

ностей сформированности границ субъектности, позволит раскрыть динамические закономерности и взаимосвязи типа границ и отношения к чужой или общественной собственности, а также возможную мотивацию вандальных действий человека (таблица 6).

Таблица 6 – Соотношение типа границ субъектности и специфики вандального поведения

Типы границ субъектности	Особенности вандального поведения	Возможные мотивационные основы вандальных действий
Адекватно сформированные границы субъектности	Вандальное поведение носит случайный характер, может быть вынужденным действием человека в определенных обстоятельствах, либо способом отреагирования крайне отрицательных эмоций	Агрессивный вандализм – в основе лежит эмоциональное отреагирование через объекты, принадлежащие источнику агрессии, либо имеющие ассоциацию с ним Конформный вандализм инициируется стремлением быть принятым в определенную группу
Неадекватно сформированные границы субъектности:	Вандальная активность целенаправленная, носит систематический характер	Стяжательный вандализм совершается для получения какой-либо выгоды Любопытствующий вандализм – в основе интерес, жажда открытий Тактический вандализм опирается на достижение личных целей Вандализм, вызванный неудобством среды инициируется стремлением сделать пространство удобным и комфортным Вандализм, вызванный скукой, носит отвлекающий и развлекающий характер
широко сформированные	Вандальные действия инициируются представлением человека о допустимости проявления активности по отношению к этим объектам, так как они и ему принадлежат	Эстетический вандализм – преобразование среды через увеличение ее эстетической составляющей

Субъектогенез и границы субъективности...

Типы границ субъективности	Особенности вандального поведения	Возможные мотивационные основы вандальных действий
узко сформированные	Вандальные действия носят компенсаторный характер, когда человек за счет их совершения пытается проявить себя, доказать себе, самоутвердиться в собственных глазах	Экзистенциальный вандализм – предполагает поиск себя, стремление к самоутверждению посредством разрушения или преобразования чужой собственности Протестующий вандализм – выражение несогласия, собственной позиции протеста, бунт против существующих условий
Несформированные границы субъективности	Вандальные действия систематичны, нерефлексируемы, человек не осознает их социальную неприемлемость	Мотивационная основа зависит от конкретного опыта взаимодействия с миром, которые человек получил в процессе своего развития

Таким образом, отсутствие возможностей для реализации специфических возрастных задач в становлении субъектности человека может привести к нарушению представлений о границах проявления своей субъектной активности и соответственно допущению поведения, которое вторгается в границы чужой субъектности. Кроме того, размытие границ субъектности личности может выступать благоприятным условием для совершения актов вандализма под воздействием группового давления, также распространенного в среде подростков и юношей. С позиции совершения осознанных и целенаправленных актов вандализма нечеткое понимание допустимости активности по отношению к чужой и общественной собственности будет способствовать закреплению подобного поведения как формы самореализации или компенсации каких-либо негативных переживаний.

Выводы:

1. Дифференциация субъекта и личности в современной отечественной психологии очевидна и существуют подходы, позволяющие разделять эти два понятия по вполне объективным основаниям. Так, субъект это своеобразная реализация личнос-

ти, ее инструментально-операциональная составляющая за счет присущей субъекту внешней или внутренней активности. Кроме того, становление субъекта – субъектогенез неразрывно связан с онтогенетическим развитием индивида, а также становлением личности.

2. В процессе субъектогенеза за счет воздействия на ребенка разнообразных социальных факторов формируются границы проявления его субъектной активности, которые содержат представления человека о том, каковы пределы его возможного взаимодействия с окружающим предметным миром и информационной средой. В зависимости от решаемых возрастных задач, специфики социальной ситуации развития и действия ситуационных факторов формируются определенные типы границ: адекватно сформированные, неадекватно сформированные (широкие или узкие) и несформированные.

3. Границы проявления субъектной активности определяют не только систему отношения человека к окружающей среде, но и его поведение по отношению к ней. Вандальное поведение, как неправомерное причинение вреда или уничтожение объектов чужой или общественной собственности, также зависит от типа сформированности границ субъектности. И если при адекватно сформированных границах вандальные действия возможны, но они ситуативны, их последствия рефлексированы и осознаются человеком, что предполагает их дальнейшее предупреждение, то при двух других вариантах вандальная активность человека определяется его собственным выбором и соответственно нуждается в более глубокой коррекции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. Изд. 2-е, испр. и доп. - Сер. Достижения в психологии / Российская акад. наук, Ин-т психологии, 2006.
2. Бандурка А.М., Зелинский А.Ф. Вандализм / А.М. Бандурка, А.Ф. Зелинский. Харьков: Ун-т внутр. дел, 1996.
3. Воробьева И.В., Кружкова О.В. Модель оптимизации становления субъектов образовательной среды // Образование и наука. 2012. № 3. С. 35-45.

4. Воробьева И.В., Кружкова О.В. Возможности диагностики мотивов вандального поведения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2011. № 42 (259). С. 35-40.
5. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3-х томах. Том. 1. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.
6. Сергиенко Е.А. Развитие идей А.В. Брушлинского: соотношение категорий субъекта и личности // Пленарный доклад на Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского, 10-11 октября 2013, Москва: ИП РАН, 2013.
7. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основные ступени развития субъектности человека / Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Учебное пособие для вузов. - М.: Школьная Пресса, 2000.
8. Смирнова Е. Общение дошкольников со взрослыми и сверстниками. М.: Мозаика-Синтез, 2012.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации. от 13.06.1996 N 63-ФЗ.
10. Цукерман Г.А. Совместная учебная деятельность как основа формирования умения учиться / Автореферат на соискание ученой степени доктора психологических наук, Москва. 1992.
11. Фельдштейн Д.И. Изменяющийся ребенок в изменяющемся мире: психолого педагогические проблемы новой школы // Национальный психологический журнал. 2010. № 2. С. 6-11.
12. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб: Питер, 2002.
13. Canter D. Fires and human behavior / D. Canter. New York: Wiley, 1980.
14. Wise J. A gentle deterrent to vandalism / J. Wise // Psychology Today. 1982. V. 16. No. 9.

© И.В. Воробьева, 2014

Спорт как ресурс государственного управления

Вера Александровна Корнеева

ABSTRACT: sports in the era of globalization is undergoing a transformation from a cultural-historical phenomenon to the socio-political. A distinctive feature of the sport in the modern world is its institutionalization in a market economy and information society. As a result of government intervention in the field of sports, he become one of the strategic tools for internal and foreign policy of Russia.

Keywords: Sport, State, Government

АННОТАЦИЯ: спорт в эпоху глобализации претерпевает трансформацию от культурного-исторического явления к социально-политическому. Отличительной особенностью спорта в современном мире является его институализация в условиях рыночной экономики и информационного общества. В результате интервенции государства в сферу спорта он становится одним из стратегических инструментов внешней и внутренней политики России.

Ключевые слова: Спорт, государство, правительство

Спорт как социальное явление появляется в рабовладельческом обществе и используется в соответствии с потребностями общественной практики. Наивысшего расцвета физическая культура и спорт достигли в Древней Греции, где состоялись первые Олимпийские игры (IX в. до н.э.). Олимпийские игры были инструментом мира, облегчавшим переговоры между городами, способствовавшим взаимопонимания и связи между государствами. В этот период уже можно говорить о зарождении спорта как социально-политического явления.

Международный спорт сегодня активно использовался в идеологических и политических целях и становится ареной боль-

шой политики. Для руководства стран футбол и ряд других видов состязаний становятся инструментом внутренней и внешней политики государства, что обуславливает трансформацию спорта в социально-политическое явление.

Россия вступает в пятилетку (2013-2018) большого скачка, поэтому тематика спорта как стратегического инструмента во внутренней и внешней политике страны становится особенно актуальной. Помимо Зимних Олимпийских и Параолимпийских Игр-2014 в Сочи, в 2013 году Россия примет Чемпионат мира по легкой атлетике и Всемирную летнюю Универсиаду, в 2015 году – Чемпионат мира по водным видам спорта, а в 2018-м – Кубок мира по футболу.

Интенсивно развиваются процессы интеграции физической культуры и спорта в экономику, культуру, здравоохранение, религию, экологию и другие виды социальной и политической жизни. Именно посредством многомерных взаимосвязей спорта мы обнаруживаем его полифункциональную роль в современном мире. К социальным характеристикам и функциям современного спорта в условиях российской действительности мы отнесем следующие:

1. Спорт производит интеграцию стремлений, действий и отношений индивидов и обеспечивают внутреннюю сплоченность общности;

2. Классовый характер современного спорта. Аналоги мы находим, например, в странах Древнего Востока и государств античной Греции и Рима, где физическая культура и спорт носили выраженный классовый характер.

Интересен факт начавшейся стратификации общества в советское время, которая зависела от пристрастий болельщиков. Например, столичное "Динамо" патронировалось милицией, а ЦДКА (ЦСКА) – армией.

А вот Спартак – команда, которая исторически не принадлежала ни одному ведомству или предприятию, как остальные ведущие клубы СССР (потребкооперация, торговля). Поэтому ее болельщики утверждали, что «Спартак» принадлежит всему народу и, соответственно, является «народной командой».

В условиях, когда отдельные команды получили поддержку со стороны государственных органов, большая часть общества перешла на сторону московского "Спартака", в чем заложен социальный протест, а матчи между "Спартаком" и вышеперечис-

ленными командами в некоторой степени носили оттенок борьбы власти против оппозиционно настроенной по отношению к власти общественности [6, 5].

Классовость спорта сегодня предполагает наличие элитарного спорта в нашей стране. К элитарному спорту современного российского общества можно отнести конный спорт, горные лыжи, гольф и др. Элитарность спорта в России тесно связана с его коммерциализацией. В отличие от настоящего времени, элитарный спорт советского общества был связан не с экономической стратификацией, а политической. Примером явной недоступности некоторых видов спорта может служить факт, что его представители могут позволить себе выезжать в другие страны для занятий тем видом спорта, который не развит в стране.

3. Социальная мобильность посредством спортивных достижений. Спорт – это одна из немногих сфер, где человек может занять определенное социальное положение и добиться некоторой финансовой обеспеченности. Спорт становится возможностью «социального лифта» для спортивной молодежи.

Спорт также может выступать в качестве компенсаторной деятельности в условиях социально-экономического неблагополучия и политической нестабильности. Так, в Дагестане основным, реально действующим карьерным и социальным лифтом является спорт [22].

Отметим, что успех спортсменов дает им возможность в дальнейшем для обретения политического веса. Большое число спортсменов мы обнаруживаем в публичной и государственной власти: А. Кабаева, С. Хоркина, С. Журова, Н. Валуев, А. Сихарулидзе, И. Роднина, М. Сафин, А. Карелин, В. Фетисов и др. По нашему мнению, увеличение числа спортсменов в органах законодательной власти – атрибут не только политизации спорта, но признак системного политического кризиса замкнутых политических элит. Большая часть именитых спортсменов – члены партии «Единой России». Главная задача – оживление списка депутатов новыми лицами и повышения степени доверия в обществе к институтам государственной власти. В постсоветском обществе мы также наблюдаем аналогичный новый тренд – использование спортсменов в политике (В. Кличко, А. Шевченко, К. Каладзе) [8, 17].

4. Спортивное брендинг. Успех в спорте высших достижений приносит ощутимые репутационные дивиденды [18].

Спортивный брендинг - инструмент формирования современного имиджа России за рубежом

Советский спорт также решал задачу укрепления внешне-политических позиций СССР, а международные контакты советских спортсменов ориентировались на развитие взаимопонимания и дружбы с теми народами, в контактах с которыми было заинтересовано советское государство [6]. В период «холодной войны» спортивные рекорды являлись серьезным аргументом в борьбе двух блоков за мировое господство.

Приведем пример с Олимпийскими играми, которые используются в политических целях. Олимпийские игры в Сочи – пример масштабного PR-явления с грамотным маркетингом в олимпийском движении. Олимпиада "Сочи-2014" – национальный PR-проект. Главная идея здесь, очевидно, в том, что Сочи-2014 будут способствовать экономическому процветанию юга России и, самое главное, восстановлению международного престижа страны [13]. Своего рода, политический миф о великодержавности России, в том числе – «Россия – спортивная держава».

Если раньше, в условиях, когда советским спортсменам приходилось встречаться с командами, представлявшими государства, находившихся в напряженных отношениях с СССР, то значимость победы неоднократно возрастала, то сейчас задачи более безобъектны - иллюстрация достижений. Сегодня можно говорить о российском спорте как *soft power* в государственной политике России.

5. Фасилитирующие ресурсы спортивных состязаний. В данном случае мы утверждаем, что спортивные мероприятия при грамотной модерации снижают градус политического протеста. Своего рода – канализирование протестной активности народных масс.

Обратимся к исследованию Никулина А.Л.: «Основываясь на анализе спортивных показателей <...> целесообразно говорить о нем как о замещении тяжелой социально-экономической и политической обстановки стремлением к получению удовольствия. Тяжелые условия жизни общества приводят к социальному напряжению, политической индифферентности, соответственно отсутствию жизненной перспективы людей, будущее сливается с настоящим и, как следствие, возникает явление гедонизма, как компенсаторное средство обеспечения стабильности» [4].

В теории Зиммеля Г. и его последователя Козера Л. спортивные состязания служили бы примером институтов, которые играют роль защитных клапанов в обществе, направляющих враждебность на замещающие объекты: «...социально санкционированное право на выражение чувства враждебности по отношению к противнику» [2]. Санкционированное «очищение воздуха» как инструмент политической консолидации общества. Сопровождающие спорт эмоции, возникающие на основании соперничества и непримиримой борьбы, выполняют в категориях Козера Л. группосохраняющую функцию.

6. В большей степени дотационный характер российского спорта. Так, расходы руководителей клубов значительно превышают прибыли своих команд. Ярким примером может служить ситуация в российском баскетболе: обладая самыми большими финансовыми ресурсами по отношению ко всем европейским клубам, все его мероприятия – убыточные. Среди расходной части бюджета сами спортсмены отмечают: покупка высокооплачиваемых спортсменов, проживание администрации клубов в самых дорогих отелях во время выездных матчей, финансирование делегаций, не имеющей никакого отношения к спорту и, собственно, заработанная плата самих руководителей клубов [10, 14]. Элитный спорт и контракты легионеров поглощает львиную долю выделяемых ресурсов. Речь, безусловно, идет о государственных дотационных вливаниях в спорт. Очевидно, что среди прочих факторов, государственное финансирование спорта становится инструментов его управления центром. Государство, по замечанию аналитиков, финансирует избранных [7, 12, 21]. Экономика спорта складывается из практики постоянных дотаций коммерческого спорта посредством центрального и местного бюджетов (или же прибыли госкомпаний). Выплачивая значительные суммы профессионалам, государство по остаточному принципу финансирует другие направления спорта. Непропорциональность финансирования профессионального и массово-оздоровительного спорта характерна не только для России, но и для ряда стран СНГ [19]. Здесь можно обнаружить источник явного социального противоречия и напряжения. Формирование спортивного бюджета имеет многоуровневую и бюрократически отягощенную процедуру. Это так называемое прямое финансирование профессиональных

спортивных клубов и отдельных атлетов из бюджетов краев, республик, областей и муниципальных образований. Однако экономический перевес в пользу элитного спорта осуществляется посредством косвенного государственного финансирования элитного спорта через государственные корпорации – Газпром, Роснефть, ВТБ, Транснефть, Сбербанк, РЖД, «Россети», «ВТБ», «Русгидро» и некоторые другие. Очевидны последствия такой политики – не закладываются ресурсы в развитие собственных профессиональных спортсменов и отечественного спорта в целом. На наш взгляд подобное положение дел в наличном государственном финансовом менеджменте может быть мотивировано двумя моментами:

- В случае повышения градуса социального недовольства государство будет иметь возможность иметь институт, играющего роль «защитного клапана» [2]. Согласно Козеру Л., речь идет об институтах, направляющих чувства враждебности на замещающие объекты (или обеспечивающих замещающие механизмы для подобных случаев) или функционирующих в качестве каналов для катарсического освобождения от агрессивных эмоций. Дело в том, что приведенные организации имеют выгодную в данном случае лишь околосударственную корпоративную структуру (ОАО);

- Более вероятным видится, что стратегия со стороны государства в данном вопросе заключается в краткосрочном и среднесрочном решении вопроса о создании источников общедоступных удовольствий. Приобретение успешных профессиональных спортсменов уполномоченными тренерами-селекционерами осуществляется с целью достижения наилучших спортивных результатов. В профессиональном спорте между спортивными и экономическими показателями прослеживается тесная взаимосвязь – чем лучше финансируется тот или иной клуб, тем более высокие результаты обеспечивают его атлеты. Происходит это за счет того, что в условиях финансового благополучия тренеры и менеджеры команд получают более широкие возможности выбора спортсменов, привлекая их в свои клубы более высокой ценой контракта, которую не могут заплатить клубы-конкуренты. Благодаря таким трансфертам клубы приближают призовые места в спортивных рейтингах. В свою очередь, победа сборной команды или местного клуба обеспечивает сиюминутное удовольствие болельщиков. За счет получаемых публикой от массовых зрелищ

эмоций, которые и являются самоцелью внутренней спортивной политики сегодня, и происходит искомая консолидация общества вокруг спортивных успехов и достижений. Происходит стимулирование патриотических чувств и эмоций посредством спекуляции на спортивную тематику. Речь в данном случае идет как о клубном, так и о национальном патриотизме. Данная манипуляция через спорт посредством эксплуатации эмоциональной сферы человека или группы закреплена за функциями массовой культурой вообще.

Противоречие и отмеченный финансовый перекося на сегодняшний день представляется возможным решить переводом клубов на самоокупаемость. Необходимо делать ставки на развитие собственного спортивного бизнеса со стороны организаций, а систему дотаций пересмотреть с учетом достижений команды/спортсменов. Например, в качестве показателей успеха рассматривать участие в Олимпийских играх и расположение в высших лигах спортивных таблоидов. Речь также может идти о продаже телевизионных прав на трансляцию матчей федеральным, региональным и спутниковым телекомпаниям.

7. Мобилизация населения посредством управляемой идентичности. Человек на протяжении всей жизни оперирует к большому количеству идентичностей (региональная, профессиональная, этническая, национальная, классовая). Большая часть идентичностей не осознается их носителем. Под воздействием ряда социально-политических факторов в определенный момент времени субъект начинает осознавать свою социальную идентичность. Именно актуализация идентичности повышает степень ее осознанности. Соответственно, актуализация идентичности - результат объективных условий, в качестве которых могут выступать низкий уровень жизни населения, его дистанцированность от статусных позиций, что отражается на общем социально-экономическом положении. Социальное неравенство провоцирует четкую категоризацию окружающих на «своих» и «чужих», посредством социально-психологического механизма каузальной атрибуции. Процесс каузальной атрибуции предполагает интерпретацию субъектом межличностного восприятия причин и мотивов поведения других людей. Субъект в невыгодных условиях своей жизнедеятельности интерпретирует сложившееся положение как

результат действия других участников социальных процессов. В условиях дистанцированности от реальных социальных структур индивид обречен на иррациональные способы мобилизации, в качестве которых и выступают различного рода идентичности. Таким образом, идентичность актуализируется в потенциально конфликтной ситуации, закономерное движение которой к конфликту происходит через осознание противоречия и формирования образа врага в сознании той части населения, которой в наименьшей степени доступны ресурсы для удовлетворения потребностей в системе общественных связей и отношений [3].

Спорт в полной мере обладает ресурсом мобилизации населения. Массовые политические движения (политико-идеологические партийные и молодежные организации, массовые политические манифестации, демонстрации, пропагандистские компании и др.), инициируемые правящими или оппозиционными элитами с целью вовлечения в массовые политические акции широких слоев населения, в большинстве своем весьма далеких от политики и интересов элит, мало понимающих смысл предлагаемых им политических программ, на поддержку которых их мобилизуют методом нагнетания коллективного политического или националистических настроений.

Инструменталистский подход к спорту со стороны лидеров политических движений позволяет им мобилизовывать болельщиков в активные фанатские группы. Цель создания таких группировок - наличие политически направленных активистов для националистских, экстремистских и других антисистемных движений. В данном контексте речь уже идет об околоспортивных молодежных субкультурах как самостоятельном социологическом явлении. Механизм мобилизации – управление социальной идентичностью молодежи. Задача заинтересованных групп и институтов – грамотное формирование образа врага и концепта «свои-чужие». «Когда я спрашиваю, как именно должен выглядеть этот враг — быть антифашистом, участником Болотной или же оперативником по борьбе с экстремизмом,— Бахарев Д. настойчиво отвечает, что врагов у России достаточно, чтобы выделять кого-то одного» [11]. Современная молодежь испытывает идеологический вакуум, который зачастую заполняется реакционными и радикальными идеями и идеологиями. Мы видим своего рода

политизированные спортивные кружки, ставшие резервом для радикальных политических группировок.

Спорт в итоге как мы видим, выступает в качестве мобилизации болельщиков, как со стороны отдельных лидеров политических движений, так и самого государства. Организация и проведения Олимпийских игр – пример мобилизации и консолидации населения страны, большая часть которой выступает в качестве потенциальных болельщиков.

8. Национальный вопрос во внутренней спортивной политике страны, региона или клубов не актуализирован. По неоднократному заявлению В.В. Путина, у медалей нет национальностей. Спортсмены из национальных республик выходят на ринг с национальными флагами. Все больше в практике организации соревнований различного уровня появляются прецеденты включения в программу тех видов спорта, которые привязаны к той или иной национальной культуре. Однако главным аргументом данного тезиса можно считать многонациональные составы клубов и сборных. Должны заметить, что существует часть клубов, которые официально заявляют, что в их составе мы не увидим легионеров (например, ФК «Атлетика», в составе которого входят только игроки, являющиеся басками по крови). Однако, во-первых, таких спортивных клубов с «национальным фильтром» в их спортивной философии единицы; во-вторых, наиболее часто распространенная причина такой кадровой политики клуба - экономическая, связанная с дороговизной легионеров (например, ВК «Енисей»). Кроме того, тенденция нивелирования национальной интолерантности в спорте актуальна и для международных спортивных организаций. Так, ФИФА закрепило за собой функции контроля темы расизма и нацизма в футболе. В периодических изданиях мы находим информацию о санкциях со стороны комитета ФИФА к футбольным клубам, местным федерациям футбола, болельщикам ФК (штрафы, дисквалификация, отстранение и др.). Заметим, что правила ФИФА запрещают любую политическую агитацию на стадионах во время футбольных матчей. Также запрещены проявления нацизма, расизма и ксенофобии. Перед турами Лиги чемпионов, когда выстраиваются футболисты - они передают друг другу эмблему «NO TO RACISM». Интересно, что сам гимн ФИФА содержит призыв к толерантности и терпимости по отношению к другим нациям и их представителям. Конфликты

с участием болельщиков и игроков из-за расистских выкриков и нападок с разной частотой случаются как на европейских аренах, так и в странах Северной и Южной Америки. Таблоиды незамедлительно реагируют на стычки с участием знаменитых футболистов и клубов: конфликт между французом Зинедином Зиданом и итальянцем Марко Матерацци (2006 год), конфликт Дерека Ботенга и Романа Безуса в матче Днепр-Ворскла (2012 год), матч между «Порту» и «Манчестер Сити» (2012 год), матч Лиги чемпионов ЦСКА - «Манчестер Сити» (2013 год), матч между сборными Коста-Рики и США (2013 год) и др. Здесь мы видим примеры матчей, после которых клубы/местные федерации за расистские проявления на стадионе были оштрафованы ФИФА.

Анализ СМИ показал, что конфликты на национальной почве возникают как между игроками одной или двух команд, так и с участием тренерского штаба. В последнем случае речь идет о ситуациях, когда игроки заявляют о конфликте интересов с тренером, являющимся гражданином другой страны. Следующая группа конфликтов – недовольство болельщиков игрой легионеров. По нашему мнению, в большинстве случаев запускается феномен группового фаворитизма: при наличии общей цели мы имеем единую сплоченную группу, а проигрыш – фактор разделения группы. В конфликте участники осознают принадлежность к разным группам. В случае неудачи этническая идентичность выходит на первый план. В своем стремлении объяснить неудачу спортсмен/болельщик оперирует к действиям игрока/тренера, приобретенного по механизму трансфера. В условиях российской трансформации этническая принадлежность также оказалась наиболее доступной и актуальной для масс формой групповой психологической консолидации [1]. Проявилась эта тенденция у титульных народов республик РФ, выступая компенсацией расцепленной и потерявшей прежнюю значимость общегражданской идентичности.

В связи с предстоящими спортивными событиями задача руководителей - доказать денационализм спорта в России для повышения престижа как страны в целом, так и проходящих в ней соревнований.

Выше речь шла о профессиональном спорте и национальном вопросе в нем. Наличие немногочисленных прецедентов национальной спекуляции позволяет нам сделать вывод о над-национальном характере спорта у нас. Однако на современном

этапе развития политической нестабильности нашего государства следует обозначить связь национализма и непрофессионального спорта. Лидеры правых и ультраправых политических настроений апеллируют к спортивному ресурсу: «Спорт в правой среде сам по себе стал мощным объединяющим фактором и отличным способом для пропаганды идей без привлечения к себе лишнего внимания. Многие националисты видят в секциях по муай-тай, боксу и ножевому бою отличную платформу для создания массовых движений и возвращения в политику» [11]. Спорт не наполнен, по мнению лидеров-националистов содержанием. Только идеология какого-либо движения выполняет смыслообразующую функцию по отношению к силовым тренировкам. Лучшими местами агитации считаются спортклубы. Среди лидеров можно обнаружить профессиональных спортсменов, политиков, адвокатов. Беспокойство расцветом спортивных секций с идеологическим уклоном выражают и в центрах по борьбе с экстремизмом. В содержании своей идеологии такие группы очень аккуратны: формулировки лозунгов и содержание лекций/семинаров не дают основания для подозрения в распространении экстремистских настроений.

В данной части нашего исследования мы раскрыли тезис о неактуальности национального вопроса в отечественном спорте. Наличие случаев межэтнических и межнациональных конфликтов внутри команды и с участием болельщиков не дает нам основания утверждать о наличии системном этнокультурном напряжении в спорте. Данная тенденция в спортивной философии на сегодня решает, прежде всего, политические задачи: посредством привлечения легионеров и отказа от национальной дискриминации руководители клубов обеспечивают сиюминутный успех своих подопечных, который, в свою очередь, является факторами стабилизации настроений в обществе и его консолидации. Однако важно отметить, что факт пренебрежения национальным вопросом в процедурах лимитирования игроков-легионеров является источником реального и набирающего свою силу конфликта в спортивной среде. Проблема привлечения иностранных «легионеров» в российском спорте вызывает массу споров в профессиональной спортивной среде и среди любителей спорта.

9. Регионализм в спортивной политике государства. В данной части нашей статьи мы беремся утверждать, что спорт во

внутренней политике государства имеет стратегическое значение в управлении регионами.

Обращает на себя внимание следующий факт: чем выше уровень качества жизни региона, тем более лидирующую позицию занимают его спортивные достижения в общероссийском командном рейтинге. Рассмотрим данное утверждение на примере одних из самых популярных командных видов спорта в России: хоккея и футбола. В статистике последних лет первые места среди российских регионов с высоким уровнем качества жизни занимают Москва, Санкт-Петербург, Московская область, республика Татарстан, ХМАО, Краснодарский край и др. [15, 16]. Соответственно, в верхних частях рейтингов футбольных команд обнаруживаются: «Спартак» (Москва), «Локомотив» (Москва), «Динамо» (Москва), «ЦСКА» (Москва), «Зенит», «Рубин». Так, «Зенит» - чемпион России 2007, 2010, 2011/2012 гг., «Спартак» - девятикратный чемпион России, «Локомотив» дважды становился чемпионом РФ, а «ЦСКА» - четырежды. ФК «Кубань» с начала нулевых увеличивает список своих достижений и на сегодняшний день располагается в Премьер – лиге (2012/2013). Ситуация с хоккейными командами выглядит схожим образом: «АК БАРС» (Казань) – один из сильнейших клубов Европы и КХЛ, ХК «Югра» (Ханты-Мансийск) в 2008—2010 гг. выступал в высшей лиге чемпионата России (с 2010 года выступает в КХЛ), «Спартак» (Москва), «Динамо» (Москва), «СКА» (Санкт-Петербург) и «Нефтехимик» (Магнитогорск) - также команды, входящие в КХЛ.

Уровень качества жизни – комплексный показатель, интегрирующий такие социальные индикаторы, как обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, уровень экономического развития, жилищные условия, безопасность проживания, уровень оказания социальных услуг, окружающая среда и др. В специальных периодических изданиях можно найти множество построенных рейтингов регионов и городов России по уровню качества жизни в них. Каждая представленная модель в данном случае опирается на собственную методологию построения. Однако обнаружить общие показатели и критерии оценки несложно. В большинстве случаев, в общем, речь идет об экономическом развитии региона, его жилищно-коммунальном хозяйстве, криминальной сводке, экологии, мере психологической удовлетворенности жизнью граждан субъекта и даже индексе развития человеческого потенциала.

Спорт в рамках нашего исследования мы по такой же аналогии с уровнем жизни рассматриваем как комплексный показатель, где спортивные достижения региона – результирующая регионального менеджмента. Можно привести метафорическое сравнение с показательными выступлениями: внутрироссийские спортивные состязания демонстрируют уровень развития региона в сравнении с другими субъектами РФ. Непримируемая борьба ФК «Барселона» и «Реал Мадрида» является ярким примером регионального противостояния. Матчи этих двух клубов – манифестация политической борьбы по вектору «независимость-подчинение». Каждая победа ФК «Барселона» добавляет им политический вес в борьбе каталонцев за признание Каталонии в качестве независимого государства на карте Европе. Напомним, что ФК «Барселона» – один из сильнейших в мире клубов, четырехкратный победитель Лиги Чемпионов УЕФА. Заметим, что Барселона обладает большим спортивным капиталом: здесь проходили летние Олимпийские игры 1992, несколько матчей чемпионата мира по футболу, традиционные гран-при Испании в гонках Формулы-1, а также мотогонки. Все эти виды соревнований обеспечены богатой спортивной инфраструктурой.

Интересна в данном контексте работа Никулина А.Л., посвященная сравнению стратегий управления центром различными геополитически важными регионами. На примере Приморского края, Калининградской области и Северо-Кавказских республик. Важной частью исследования являлась выработка критериев для оценки регионов. Геополитические стратегии могут выражаться в различных сферах жизни общества, поэтому необходимо было провести многоаспектный анализ каждого субъекта Российской Федерации с учетом его специфики. Для этого автором были выбраны следующие критерии: экономические, факторы производства, политические; социальные, культурные, спортивные и научно-образовательные. Среди различных показателей, исследователь анализировал спортивные достижения регионов: количество спортивных сооружений, количество футбольных команд в высшем дивизионе и т.д. Приведем отрывок из его работы: «... значимым показателем спортивного фактора является «Количество футбольных команд в высшем дивизионе» <...> так как данный показатель дает понимание системы взаимосвязанных явлений.

Во-первых, футбол является более массовым видом спорта, чем другие. Данное явление можно проследить по количеству мест на спортивных аренах. Так, количество зрителей футбольных матчей на стадионах в среднем составляет 30-35 тысяч зрителей, баскетбольных матчей – 5 тысяч, хоккейных матчей – 3 тысячи. Во-вторых, в нашей стране в целом и в некоторых регионах в частности данный показатель носит характер сверхидеи, которая выражается в первостепенной значимости успехов поддерживаемой футбольной команды в сознании населения. Третьим важным аспектом рассматриваемого показателя является влияние спорта на внутреннюю и внешнюю политику. Таким образом, футбол выступает на современном этапе развития не только как вид спорта, но и как политический инструмент. Так, исходя из нашего анализа, мы видим, что данный вид спорта выполняет вместе с развлекательной функцию консолидации населения» [4]. Для нас остается важным, что исследователь обращается к уровню развития спорта в регионах и оценивает его (низкий, средний, высокий). Здесь, как мы видим, Никулин А.Л. рассматривает спортивную инфраструктуру, успех местных команд в популярных видах спорта (футбол, хоккей) и саму возможность занятия спортом населения. В свою очередь, это показывает, с точки зрения автора, значимость региона для государства и говорит о проводимой в регионе политике.

Молниеносный успех ФК «Анжи» (Махачкала) – пример своего рода антикризисного регионального управления. Ситуация в Северо-кавказском регионе оценивается экспертами как политически нестабильная, напряженная и требующая эффективных комплексных мер по ее стабилизации. ФК «Анжи» на протяжении семи лет (2003-2009 гг.) не выходила в Премьер – лигу, и максимума, которого достигала команда, это 6-е место в первом дивизионе. Ситуация изменилась, когда в январе 2011 года российский миллиардер дагестанского происхождения Сулейман Керимов купил ФК «Анжи». Однако позже выяснилось, что предварительно президент Дагестана Магомедсалам Магомедов встретился с Керимовым С., которому было передано 100 процентов акций клуба, в том числе 50 процентов акций бывшего владельца клуба Игоря Яковлева, бесплатно в обмен на финансовую поддержку. Ежегодно на зарплаты тренеров, футболистов команды, а также приобретение новичков, оплату трансферта и аренды футболистов для клуба

Керимов С. будет тратить от 30 до 50 миллионов долларов. Подобный поворот в политике клуба принёс свои результаты: ФК «Анжи» становится бронзовым призёром чемпионата России 2012/13, финалистом Кубка России 2000/01 и 2012/2013. Республика Дагестан по данным рейтинга российских регионов по уровню качества жизни населения на 2012 год занимала 71 место и была лидером в статистике, посвященной уровню социальной напряженности. В данном случае футбол выполняет свою социально-политическую функцию: консолидация населения вокруг победы местного клуба, формирование положительной идентичности, отвлечение от социальных, политических и экономических проблем региона. В своем исследовании Никулин А.Л. заключает: «Значительные достижения в футболе Северо-Кавказских республик и концентрация сильных команд в одном регионе позволяет говорить о специфике в развитии спорта на Северном Кавказе, а именно – о сильном политическом контроле. Центр осуществляет внутренний политический и военный контроль Северо-Кавказских республик с целью недопущения сепаратизма и безопасности южных границ в данном регионе» [4]. К сожалению должны отметить, что такой стабилизирующий фактор для республики Дагестан как успех спортивной команды по футболу на сегодняшний день утрачивает свой потенциал. В августе 2013 года была объявлено реорганизации махачкалинского клуба. Отчетливо прослеживается «манипулятивная» стратегия управления регионом. Централизованное управление в данном случае невозможно и приоритет отдается внутрирегиональному лидеру, своего рода буферу между местным населением и центром. Подобным посредником в Чеченской Республике является Кадыров Р.А., который консолидирует общество вокруг себя и делает его более управляемым. О конфликтологическом ресурсе защитного клапана и его неочевидной роли, прежде всего во внутренней политике стран, мы уже упоминали выше.

10. Религиозная терпимость в спорте. Спорт привязан к регионам, но не привязан к религии. Доказательством могут служить следующие факты: во-первых, отсутствие официальной и негласной политики отбора спортсменов с точки зрения их вероисповедания; во-вторых, возможность одеваться спортсменам в ту форму, которая допускается их религиозными канонами; в-третьих, предоставление возможности использования своей

символики, если за последней не признается экстремистский характер. Данные примеры позволяют говорить о внерелигиозности отечественного спорта. Полирелигиозность в спорте выступает еще одним факторов консолидации общества и регионов.

Три наиболее распространенные религии в мире – это буддизм, христианство и ислам. Ислам среди трех распространенных религий является самой молодой, однако, имеющей наибольшее количество преданных последователей. Мы знаем среди спортсменов мирового уровня немало мусульман: большое число мировых звезд спорта пришли к Исламу уже в зрелом возрасте, добившись успехов в спортивной карьере. Вот несколько имён самых знаменитых мусульман спортсменов: Мохамед Али, Зинедин Зидан, Майк Тайсон. Отметим недавние успехи зарубежных мусульман в области спорта. Учитывая мнение многомиллионный мусульманской уммы мира, испанский футбольный клуб «Реал-Мадрид» избавился от креста. В качестве жеста признательности президент «Реала» Флорентино Перес убрал с короны на официальном гербе клуба крест, чтобы избежать непонимания или неправильного толкования в регионах, где большинство населения составляют мусульмане. Ранее по просьбе мусульман из Катара от креста на гербе также избавился известный испанский футбольный клуб «Барселона» [9]. На сегодняшний день мусульманские идеологи все больше находят в процессе толкования религиозных обрядов «спортивную подоплеку» и контекст.

Представители христианской церкви также в какой-то момент своей истории обратились к спортивной тематике. Однако мы помним, что церковь в течение веков восставала против занятий физическими упражнениями. Только в XIX и начале XX в. кардинально изменилось отношение церкви к спортивным состязаниям. Данный факт был обусловлен двумя явлениями: упадком влияния церкви в общественной жизни и бурным развитием спорта. Видя растущую популярность спорта и тягу молодежи к занятиям физическими упражнениями, церковь решила использовать это явление в своих интересах. Институализация начавшихся процессов оформлялась в виде следующих спортивных организаций: Ассоциация молодых христиан, Международный союз католических организаций физической культуры, «Дойче Югендрафт», «Эйхенкройц», Объединенное движение христианской

молодежи, Международная спортивная федерация католического обучения и др. И сегодня создание специальных спортивных организаций – только один из путей, по которому идет церковь для усиления своего влияния в широких массах.

По требованию Международного олимпийского комитета (МОК), на территории олимпийских деревень в 2014 году должны открыться центры множественных вероисповеданий. По задумке это должны быть комплексное здание из нескольких молельных комнат разных религий и с их представителями (попы, раввины и др.). Аналогичные примеры мы находим и в организации предыдущих Олимпийских игр.

По словам Терентьева А.Е., директора Института физической культуры одного из уральских ВУЗов, тезис о религиозной свободе в спорте верен: «К религии спорт абсолютно не привязан. Есть некоторые национальные “подвязки”, но религия в спорте никак не фигурирует. Я ссылаюсь на тот факт, что представители какой-либо национальности более успешны в конкретных областях спорта, чем представители других. Под действием стереотипного мышления это часто связывается в сознании людей с вероисповеданием представителей нации, о которой идет речь. В итоге мы, например, получаем убеждение, что представители ислама более успешны в борьбе, нежели в других видах спорта. Однако надо понимать, что речь здесь не идет ни о религиозной принадлежности и даже ни о национальности спортсмена. Это этническое наследие человека – то эволюционно выработанное и закрепленное в расовых признаках, что обеспечивало более успешную адаптацию в условиях обитания и жизнедеятельности вида <...>. Из мировой практики могу привести меньше примеров, больше – для России и ближайшего зарубежья. Однако в целом и в мире нет тенденции “религиозности” спорта».

Очевиден в большей степени односторонний характер взаимодействия спорта и религии в пользу активности последней. Религиозные лидеры и религиозные институты адаптируют к канонам своей веры спортивные правила, символику, традиции и ритуалы. Спорт и религия – пример не партнерских отношений, а, прежде всего, регулирующие-контролирующих. Можно заключить, что спорт для религии в той же мере выступает ресурсом, в какой его задействует и политика. Своего рода спортивная политика цер-

кви с целью расширения своего влияния на антиматериальную (духовную) часть культуры масс, особенно среди молодежной среды.

Целенаправленное же воздействие со стороны спортивных учреждений и их представителей в адрес религиозных структур происходит в меньшей степени. Спортсмены не манифестируют свои религиозные убеждения и традиции. В противном случае мы бы получили своего рода конфессиональный PR (confessional PR-communication) посредством спортивного дискурса. Религиозность остается частью духовной культуры спортсмена и его внутренним ресурсом.

Все аспекты, которые мы раскрывали находятся в очевидной или неочевидной связи со спортом: регионализм, национализм, религия и др. Каждая характеристика раскрывается только в своей взаимосвязи с другой или несколькими параметрами анализа. Так, например, национальный вопрос в положении современного спорта становится ресурсом для политического инструмента мобилизации. Исследование экономики спорта позволило заключить, что дотационный характер спорта - механизм государственного управления в общей системе его геополитических стратегий. В данном случае речь идет о связи финансирования спорта с регионализмом в спортивной политике страны. Внерелигиозность и наднациональность отечественного спорта в большей мере обеспечивают его интегративные и консолидирующие функции в современном обществе. Кроме того, большие финансовые вливания со стороны государственных и околосударственных структур в спорт в совокупности с другими аспектами государственной интервенции в спорт позволяют говорить о его явной политизации. В контексте всех аспектов и связей мы обнаруживаем ту сумму признаков, посредством которых спорт предстает институтом, характерным для политического брендинга. Таким образом, во всей своей совокупности выделенные в статье характеристики спорта решают как внутренние политические задачи, так и вопросы внешнеполитического имиджа России на международной арене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ачкасов, В.А. Этнополитология [Текст] : учеб. для студентов вузов / В.А. Ачкасов. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2005. – 336 с.

2. Козер, Л. Функции социального конфликта [Текст] / Л. Козер. – пер. О. Назарова; Под общ. ред. Л. Г. Ионина. – М. : «Идея-Пресс». – 2000. – 295 с.

3. Корнеева, В.А. Идентичность как фактор социального конфликта: проблемы анализа и управления [Текст] : маг. дис. / В.А. Корнеева. – СПб. : [б.и.], 2008. – 93 с.

4. Никулин, А.Л. Геополитические интересы России в Северо-Кавказском, Дальневосточном и Западном субрегионах [Текст] : выпускн. квал. раб. / А.Л. Никулин – Екатеринбург: [б.и.], 2012. – 87 с.

5. «КРАСНО-БЕЛОЕ МЯСО» московского «Спартака» [Электронный ресурс] – Электрон. журн. – Режим доступа к журн.: <http://www.hooligans.org.ua/krasno-beloe-myaso-moskovskogo-spartaka/>

6. Бутов, С.В. Развитие советского футбола в 1921-1941 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук / С.В. Бутов. – Красноярск., 2007. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/razvitie-sovetskogo-futbola-v-1921-1941-gg>

7. Государство помогает только избранным [Электронный ресурс] / Ф. Бектемиров // Газета.ru. – 2013. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/sport/2013/11/25/a_5769673.shtml

8. Зачем в политике футболист Андрей Шевченко и другие спортсмены? [Электронный ресурс] – Электрон. портал. – 2012. – Режим доступа: <http://job-sbu.org/zachem-v-politike-futbolist-andrey-shevchenko-i-drugie-sportsmenyi.html>

9. Мир меняется - Ислам, спорт и политика! [Электронный ресурс] – Электрон. портал. – 2006. – Режим доступа: <http://www.mtss.ru/forum/>

10. Мы хотим всем всем рекордам наши звонкие дать имена [Электронный ресурс] // Новая газета. – 2013. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/sports/59055.html>

11. Национализм: все в зал, в спортзал! [Электронный ресурс] / Г. Туманов // Новая газета. Юг. – 2013. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta-ug.ru/articles/2013/07/19/12067>

12. О финансировании профессионального спорта в России: текущее состояние и перспективы [Электронный ресурс] – Электрон. портал. – 2012. – Режим доступа: <http://vadim-galkin.ru/sport-2/sport-business/o-finansirovanii/>

13. Политическое мифотворчество и зимняя Олимпиада 2014 года [Электронный ресурс] / Б. Петерссон, Э. Перссон //

Неприкосновенный запас. – 2013. – №2 (88). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/2/p12.html>

14. Проблема иностранных «легионеров» в российском спорте [Электронный ресурс] – Электрон. портал. – 2010. – Режим доступа: http://www.memoid.ru/node/Problema_inostrannyh_%C2%ABlegionerov%C2%BB_v_rossijskom_sporte

15. Рейтинг городов России по качеству жизни (Топ – 20) – 2010 год [Электронный ресурс] // Урбаника: институт территориального планирования. – Режим доступа: <http://urbanica.spb>.

16. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2012 [Электронный ресурс] // Риарейтинг. – 2012. – Режим доступа: <http://riarating.ru/infografika/20121218/610486725.html>

17. Российские спортсмены идут в политику [Электронный ресурс] / Альба Диес Руис // иносМИ. – 2011. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/politic/20111212/180109058.html>

18. Россия – лидер мирового спорта 2013-2018 гг. [Электронный ресурс] – Деловая газета. Юг – 2012. – Режим доступа: http://www.dg-yug.ru/a/2012/11/16/Rossija_lider_mirovogo_s

19. Спорт Белоруссии меняет модель финансирования [Электронный ресурс] – Электрон. портал. – 2013. – Режим доступа: <http://vadim-galkin.ru/sport-2/sport/sport-belorussii-menyaet-model-finansirovaniya/>

20. Спортивный брендинг как инструмент формирования современного имиджа России за рубежом (2009) [Электронный ресурс] / Н. Кожина. – Электрон. энциклопедия. – Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/77/212/94631.php>

21. Толстых: клубы как субъекты футбола должны выполнять социальные функции [Электронный ресурс] // Чемпионат. com. – 2013. – Режим доступа: <http://www.championat.com/football/news-1699199-tolstykh-kluby-kak-subekty-futbola-dolzny-vypolnjat-socialnye-funkcii.html>

22. Фейтуллаев, М.М. Спорт- как социальный лифт в Дагестане [Электронный ресурс] // Publishing house Education and Science s.r.o. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/29_NIOXXI_2012/Sport/1_115946.doc.htm.

Безопасность защитного и совладающего поведения педагога в условиях профессиональных конфликтов

**Никифорова Дарья Михайловна
Кружкова Ольга Владимировна**

Summary: The study identified five types of behavior of teachers: adaptive, victimization, neuroticism, negative-dominant, altruistically-passive and active-prosocial victimization. authors consider them in detail in the submission and open stages of the study

Keywords: Teacher, coping-strategy, conflicts

В результате проведенного исследования выделено пять типов поведения педагогов: адаптивное, виктимно-невротичное, негативно-доминирующее, альтруистично-пассивное и просоциальное виктимно-активное. авторы подробно рассматривают их в представленном материале и раскрывают этапы исследования

Ключевые слова: Педагог, копинг-стратегия, совладающее поведение

На сегодняшний день наблюдается активный научный интерес к теме изучения защитного и совладающего поведения личности, который обусловлен распространенностью различных видов реакций человека, вызванных активизацией психологических защит или копингов. Разработка данного научно направления ведется уже более 100 лет и берет свое начало с работ З. Фрейда. Тем не менее, изучение психологической защиты и совладающего поведения не теряет своей актуальности и сейчас, поскольку

возрастает стрессогенность пространства жизнедеятельности человека и психоэмоциональная нагрузка на его психику и организм. Неадекватное защитное поведение человека в стрессовых, экстремальных или экстремальных ситуациях может повлечь за собой серьезные последствия, поэтому обращение к проблеме безопасности как внешней (для окружающих), так и внутренней (для самого субъекта) носит не только сугубо научный характер, но и целесообразно и необходимо с практической позиции в отношении оптимального функционирования социальных структур и организаций.

Образовательная среда является одной из необходимых и важных сфер жизнедеятельности человека. Взаимодействие и влияние субъектов друг на друга в этой среде достаточно велико. Для формирования личности учащегося необходимо непосредственное вмешательство педагога в его внутренний мир. Поэтому большое значение приобретают те защитные реакции, способы совладания, навыки конструктивного управления собой в стрессовых ситуациях, которые используют педагоги во взаимодействии с обучающимися. Важно, чтобы поведение учителей и преподавателей не наносило ущерба ни учащимся, ни самим педагогам, т.е. было бы безопасным. Дело в том, что человек не только сам нуждается в безопасности, но и является источником угроз, как для окружающих его людей, так и для самого себя [1].

В настоящее время существуют различные представления о феномене психологической безопасности. Т.С. Кабаченко предлагает понимать под ним «такое состояние информационной среды и условий жизнедеятельности конкретного человека, группы, общества в целом, которое не способствует нарушению целостности, адаптивности функционирования и развития субъектов (отдельного человека, групп, общества в целом)» [4].

Т.И. Колесникова говорит, что это «определенная защищенность сознания от воздействий, способных против ее воли и желания изменять психические состояния, психологические характеристики и поведение, что может кардинальным образом влиять на человека вплоть до изменения его жизненного пути» [5]. И.А. Баева говорит о том, что психологическая безопасность личности проявляется в ее способности сохранять устойчивость в среде с определенными параметрами и с психотравмирующими воздействиями, в сопротивляемости деструктивным внутренним

и внешним воздействиям. Психологическая безопасность личности отражается в ее переживаниях защищенности/незащищенности в конкретной жизненной ситуации [7]. Н.С. Ефимова предлагает рассматривать психологическую безопасность личности как сложно структурированную систему психических процессов: специфические ощущения безопасности - первый уровень в структуре безопасности личности; восприятие и оценивание субъектом всего, что его окружает, что он делает и что с ним происходит с позиций большей или меньшей вероятности негативных последствий для своего внутреннего мира и окружающей действительности - второй уровень; прогноз-оценки вероятности появления в будущем всего, что составляет содержательное наполнение психологической безопасности - третий уровень. Таким образом, психологическую безопасность личности можно определить с точки зрения: результата протекания психических процессов (ощущений, чувств, восприятий, мышления, представлений); формирования и развития личностных характеристик человека (индивидуальных особенностей характера, направленности, мировоззрения); уровня развития условий жизнедеятельности, особенностей социализации личности. А.Д. Тырсикова в своем исследовании под психологической безопасностью личности понимает «состояние внутреннего благополучия, являющегося следствием осознания ею способности преодолевать неблагоприятные внешние и внутренние воздействия, обеспечивая тем самым для себя устойчивое развитие» [9]. Г.В. Грачев определяет психологическую безопасность как «состояние защищенности психики от воздействия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной информационно-ориентированной основы социального поведения человека и в целом жизнедеятельности в современном обществе, а также адекватной системы его субъективных (личных, субъективно-личностных) отношений к окружающему миру и самому себе» [2]. Н.Г. Рассоха в своей работе говорит, что «психологическая безопасность, как состояние сохранности психики, предполагает поддержание определенного баланса между негативными воздействиями на человека окружающей его среды и его устойчивостью, способностью преодолеть

такие воздействия собственными ресурсами или с помощью защитных факторов среды» [8].

Рассматривая безопасность как свойство личности, ученые стали изучать «безопасный тип личности» или «личность безопасного типа», «безопасная личность». Т.М. Краснянская определяет такую личность как «имеющую внутреннюю организацию, не предрасполагающую ее при реализации деятельностной или психической активности в определенном пространственно-временном континууме к причинению какого-либо ущерба себе или окружающим, но способствующую реализации программы просоциального развития» [6].

Личность безопасного типа формируется через окружающую его среду. Наиболее подходящая, специально созданная, управляемая среда – среда целенаправленного педагогического процесса, образовательная среда. Педагог, представляя собой безопасную личность, будет влиять на формирование безопасного защитного и совладающего поведения своих учеников.

Существует необходимость в реализации безопасного поведения личности во взаимодействии с другими людьми и самим собой, в том числе и поведения носящего защитный характер. Без такого поведения невозможно обеспечение внутренней гармонии личности, ее внешней устойчивости, развития, а также возможности конструктивно разрешать проблемы взаимоотношений с окружающим миром.

В целом, актуальность рассмотрения темы безопасности защитного и совладающего поведения педагогов в условиях образовательной среды основана на ряде имеющихся на сегодняшний день противоречий:

1. между активным интересом научного сообщества к изучению параметров психологической и информационно-психологической безопасности и требованиям к средовым факторам, обеспечивающим ее с одной стороны, и отсутствием внимания к внутриличностным условиям ее существования, в частности особенностям безопасного функционирования системы защитных и совладающих механизмов - с другой;

2. между достаточно частыми теоретическими и эмпирическими попытками произвести оценку эффективности и конструктивности психологической защиты или совладающего поведения с одной стороны, и отсутствием попытки рассмотрения данных

феноменов с позиции безопасности их функционирования для личности педагога и ее окружения - с другой;

3. между "стереотипным" представлением психологической защиты как негативного феномена, тормозящего развитие личности или приводящего к ее дисфункциям, а совладания как феномена конструктивного преодоления проблем внутреннего и внешнего характера с одной стороны, и необходимостью системного изучения данных феноменов как элементов единой сложно-организованной системы с определением параметров ее безопасного функционирования - с другой.

Исходя из вышесказанного, очевидной становится проблема комплексного понимания функционирования системы защитного и совладающего поведения педагога как наиболее подверженно-го стрессу субъекта образовательной среды с учетом требований к обеспечению ею внутренней и внешней безопасности образовательного пространства.

Цель исследования – определить типы защитного и совладающего поведения педагога, которые обеспечивает психологическую безопасность его личности и процесса ее взаимодействия с иными субъектами образовательной среды.

Для определения угроз и зон напряженности в условиях профессиональных конфликтов с позиции педагога, был проведен опрос среди педагогов профессиональных учебных заведений, который позволил выделить следующие основные угрозы нарушения психологической безопасности: агрессия, давление, манипуляция, навязчивость, безответственность, низкий самоконтроль, отказ от помощи, непонятность.

Для того, чтобы систематизировать и классифицировать выделенные угрозы, был использован метод многомерного шкалирования.

В результате математико-статистического обсчета в статистическом пакете SPSS 19 были получены структуры угроз психологической безопасности в педагогов (Рис.1).

По структуре представлений педагогов можно назвать следующие математически выявленные оси:

- ось X – «явный/неявный вред»;
- ось Y – «рациональность (расчетливость)/спонтанность (эмоциональность)»

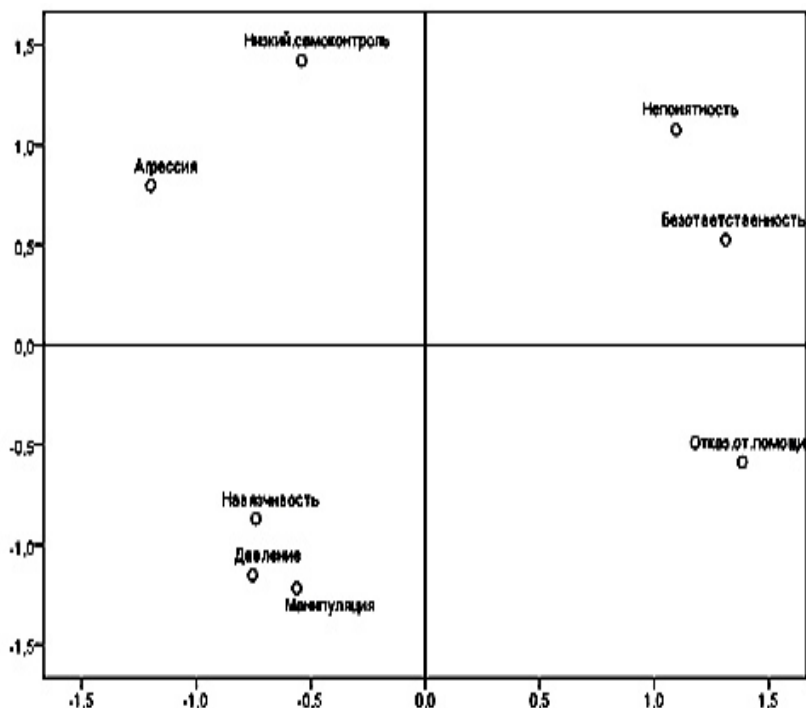

Рис.1 – Результаты многомерного шкалирования педагогов

Педагоги достаточно четко дифференцируют различные виды угроз, тем не менее объединяя некоторые из них в группы. Так низкий самоконтроль человека в их представлениях близок прямой агрессии, поскольку и то и другое предполагает высоко-эмоциональные негативно-окрашенные реакции. Также близки непонятность и безответственность, вызывающих тревогу и беспокойство неизвестностью перспектив развития ситуации взаимодействия с оппонентом. Схожими являются и навязчивость, давление и манипуляция, которые одинаково разрушительны и тяжело субъективно переживаемы педагогом. Исходя из вышесказанного были определены основные маркеры проблемного конфликтного взаимодействия, проявление которого в поведении свидетельствуют о безопасности или небезопасности последнего.

Для того, чтобы определить типы защитного и совладающего поведения педагогов, было проведено обследование 50 преподавателей шести учебных заведений среднего и высшего профессионального образования г. Екатеринбурга: Российский государственный профессионально-педагогический университет, Уральский государственный педагогический университет, Уральский государственный экономический университет, Уральский государственный университет путей сообщения, Уральский колледж бизнеса, управления и технологии красоты, Уральский колледж технологий и предпринимательства.

Для изучения защитного и совладающего поведения использовались опросники:

- опросник «Индекс жизненного стиля» (LSI) Р. Плутчика;
- опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (SACS) С. Хобфолл в адаптации Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой;
- опросник «Преодоление трудных жизненных ситуаций» (ПТЖС) В. Янке и Г. Эрдманна в адаптации Н.Е. Водопьяновой.

Для исследования безопасности защитного и совладающего поведения были проведены методики:

- методика диагностики показателей и форм агрессии А.Басса и А.Дарки (МДА) (адаптация А.К.Осницкого);
- методика измерения уровня макиавеллизма личности Р. Кристи и Ф. Гейс;
- опросник ЕРІ для диагностики экстраверсии-интроверсии и нейротизма Г. Айзенка в адаптации А.Г. Шмелёва;
- опросник антиципационной состоятельности В.Д. Менделевич;
- тест-опросник субъективной локализации контроля (ЛК) С.Р. Пантелеева и В.В. Столина;
- методика «Склонность к виктимному поведению» О.О. Андронниковой;
- тест-опросник самоотношения (ОСО) В.В. Столина, С.Р. Пантелеева;
- опросник «Социально-психологической адаптации» (СПА) К. Роджерс, Р.Даймонд;
- опросник «Диагностика межличностных отношений» (ДМО) Т. Лири.

Для анализа были взяты показатели, которые определяют безопасность защитного и совладающего поведения: субъектив-

ное благополучие, виктимность, локус контроля, макиавеллизм, агрессивность, адаптированность и др. Они были подвергнуты факторному анализу методом главных компонент с последующим варимакс вращением. По критерию каменистой осыпи было выделено пять основных факторов, которые описывают пять типов защитного и совладающего поведения: адаптивное, виктимно-невротичное, негативно-доминирующее, альтруистично-пассивное и просоциальное виктимно-активное. Общая совокупность объясненной дисперсии данных составила 63%.

Рассмотрим более подробно каждый выделенный тип поведения педагогов.

Первый тип – **«Адаптивное» поведение.** Компоненты: адаптация (СПА) (0,949), самовосприятие (СПА) (0,915), эмоциональная комфортность (СПА) (0,787), интернальность (СПА) (0,757), принятие других (СПА) (0,697), ожидаемое отношение от других (ОСО) (0,648), самоуважение (ОСО) (0,576), аутосимпатия (ОСО) (0,531), стремление к доминированию (СПА) (0,499), субъективное благополучие (-0,701), склонность к зависимому поведению (-0,445), экстернальный локус контроля (-0,440), подчиняемый (ДМО) (-0,403). Респонденты, реализующие такой тип поведения, адаптированы к образовательной среде, в которой они находятся. Испытывают эмоциональную комфортность, принимают себя, такими, какие они есть, а также других субъектов среды. Способны принимать ответственность на себя за совершаемые действия и поступки. По отношению к себе проявляют симпатию и уважение. Стремятся реализовать потребность в доминировании над другими людьми. К зависимому поведению не склонны. Но, несмотря на все перечисленные характеристики, субъективно не ощущают себя благополучными. Это поведение безопасно как для самих респондентов, так и для их социального окружения.

Второй тип – **«Виктимно-невротичное» поведение.** Компоненты: нейротизм (0,792), склонность к агрессивному виктимному поведению (0,630), эскапизм (СПА) (0,590), склонность к некритичному виктимному поведению (0,571), склонность к зависимому виктимному поведению (0,521), реализованная виктимность (0,517), лживость (СПА) (0,495), экстраверсия (0,480), индекс враждебности (ДМО) (-0,469), индекс агрессивности (ДМО) (-0,436). Респонденты, реализующие виктимно-невротичное по-

ведение, склонны к проявлению эмоциональной неустойчивости и раздражительности. Они могут часто жаловаться на различные боли и недомогания: головная боль, нарушения сна, изменчивость настроения, беспокойство и страхи. Чаще проявляют интерес только к своей личности, много говорят о себе и своих проблемах, чем могут вызывать недовольство окружающих. Чаще не проявляют физическую и вербальную агрессию, а могут быть обидчивы и подозрительны, ранимы. Неспособны критично оценивать себя и свои действия. Они притягивают к себе неприятные ситуации. Склонны к различного рода зависимостям. Во взаимодействии с другими могут прибегать ко лжи. В трудной ситуации стараются уйти от действительности в мир иллюзий. Такое поведение небезопасно ни для человека, ни для людей его окружающих.

Третий тип – **«Негативно-доминирующее» поведение.** Компоненты: эгоистический (ДМО) (0,840), агрессивный (ДМО) (0,721), подозрительный (ДМО) (0,688), авторитарный (ДМО) (0,617), макиавеллизм (0,553), склонность к агрессивному виктимному поведению (0,446), самоинтерес (ОСО) (-0,451). Люди с негативно-доминирующим типом поведения эгоистичны, ставят свои интересы превыше всего, во всем ищут пользу и выгоду для себя. Проявляет агрессию по отношению к другим людям, впоследствии могут сами страдать от последствий своего поведения. Окружающим не доверяют, подозрительны, коварны, могут пренебрегать нормами морали. Склонны к подавлению воли других людей. Не проявляют интереса к себе, своим мыслям и чувствам.

Четвертый тип – **«Альтруистично-пассивное» поведение.** Компоненты: зависимый (ДМО) (0,849), альтруистический (ДМО) (0,820), дружелюбие (ДМО) (0,815), подчиняемый (ДМО) (0,776). Реализуя альтруистичное поведение респонденты проявляют зависимость от других людей, их мнений, точек зрения. Готовы подчиняться желаниям окружающих. Они всегда с удовольствием взаимодействуют с людьми, дружелюбны и любезны со всеми, ориентированы на социальное одобрение, стремятся удовлетворить требования всех, «быть хорошими». Такое поведение безопасно для человека и людей вокруг него.

Пятый тип – **«Просоциальное виктимно-активное» поведение.** Компоненты: склонность к гиперсоциальному поведению (0,789), склонность к некритичному поведению (0,612), склон-

ность к самоповреждающему поведению (0,587), реализованная виктимность (0,554), индекс агрессивности (МДА) (0,491), аутосимпатия (ОСО) (-0,449). Респонденты склонны к вмешательствам в конфликтные ситуации. Последствия таких поступков осознаются не всегда. Достаточно смелые, решительные, готовые рисковать, могут демонстрировать неосмотрительность, неумение правильно оценить жизненные ситуации. Способны проявлять агрессию как физическую, так и вербальную, косвенную. В себе видят преимущественно недостатки, самооценка низкая, готовы к самообвинению. По отношению к себе могут испытывать раздражение.

Вполне вероятно, что нельзя выделять «чистые» типы защитного и совладающего поведения. Они могут быть связаны между собой. Для того, чтобы это проверить, необходимо было соотнести факторную принадлежность респондента к той или иной группе с его представленностью в другой группе. Для этого были проведены таблицы сопряженности. В результате (табл.1) получилось, что все названные типы защитного и совладающего поведения не связаны между собой, относительно независимы друг от друга и встречаются совместно только в отдельных индивидуальных случаях.

**Таблица 1 – Связанность типов
защитного и совладающего поведения педагогов**

Типы защитного и совладающего поведения		V Крамера	p	Вывод
Адаптивное	Виктимно-невротичное	0,225	0,292	Не связаны
Адаптивное	Негативно-доминирующее	0,157	0,661	Не связаны
Адаптивное	Альтруистично-пассивное	0,235	0,249	Не связаны
Адаптивное	Просоциальное виктимно-активное	0,247	0,202	Не связаны
Виктимно-невротичное	Негативно-доминирующее	0,218	0,303	Не связаны
Виктимно-невротичное	Альтруистично-пассивное	0,143	0,720	Не связаны

Типы защитного и совладающего поведения		V Крамера	p	Вывод
Виктимно-невротичное	Просоциальное виктимно-активное	0,179	0,513	Не связаны
Альтруистично-пассивное	Просоциальное виктимно-активное	0,231	0,245	Не связаны
Альтруистично-пассивное	Просоциальное виктимно-активное	0,103	0,897	Не связаны
Просоциальное виктимно-активное	Негативно-доминирующее	0,279	0,094	Не связаны

Для нас представляло интерес посмотреть корреляции между защитными механизмами, а также копинг-стратегиями и проявлениями выделенных типов поведения у педагогов (определенного по факторным нагрузкам для каждого респондента).

Адаптивный тип поведения коррелирует с такими компонентами защитного и совладающего поведения: поиск социальной поддержки (SACS) ($r=0,44$, $p<0,01$), контроль над ситуацией (ПТЖС) ($r=0,42$, $p<0,01$), самоконтроль (ПТЖС) ($r=0,31$, $p<0,05$), поиск социальной поддержки (ПТЖС) ($r=0,29$, $p<0,05$), жалость к себе (ПТЖС) ($r=-0,54$, $p<0,01$), беспомощность (ПТЖС) ($r=-0,47$, $p<0,01$), бегство от стрессовой ситуации (ПТЖС) ($r=-0,45$, $p<0,01$), социальная замкнутость (ПТЖС) ($r=-0,37$, $p<0,05$), прием лекарств (ПТЖС) ($r=-0,33$, $p<0,05$). Респонденты с адаптивным типом защитного и совладающего поведения активно взаимодействуют с социальным окружением, ищут у него поддержки. Они способны контролировать себя и свое поведение, а также происходящую ситуацию. К себе не испытывают чувство жалости и беспомощности, не пытаются убежать от трудностей или использовать фармакологические средства для облегчения своего состояния. Такое защитное и совладающее поведение безопасно как для человека, так и для его социального окружения.

Виктимно-невротичное поведение взаимосвязано со следующими компонентами защитного и совладающего поведения:

агрессивные действия (SACS) ($r=0,61$, $p<0,01$), регрессия (LSI) ($r=0,56$, $p<0,01$), агрессия (ПТЖС) ($r=0,55$, $p<0,01$), проекция (LSI) ($r=0,50$, $p<0,01$), замещение (LSI) ($r=0,48$, $p<0,01$), общая напряженность защит (LSI) ($r=0,46$, $p<0,01$), компенсация (LSI) ($r=0,41$, $p<0,01$), поиск социальной поддержки (ПТЖС) ($r=0,40$, $p<0,01$), жалость к себе (ПТЖС) ($r=0,37$, $p<0,05$), бегство от стрессовой ситуации (ПТЖС) ($r=0,33$, $p<0,05$), позитивная самомотивация (ПТЖС) ($r=0,33$, $p<0,05$). Поведение является небезопасным ни для самого человека, не для людей его окружающих. Человек с таким поведением использует много неконструктивных психологических защит. От стрессовой ситуации бежит, ведет себя агрессивно, склонен жалеть себя. В тоже время, готов искать помощи у людей, а также использовать положительную мотивацию для своих действий.

Негативно-доминирующее поведение коррелирует со следующими компонентами защитного и совладающего поведения: агрессивные действия (SACS) ($r=0,40$, $p<0,01$), асоциальные действия (SACS) ($r=0,39$, $p<0,01$), прием лекарств (ПТЖС) ($r=0,36$, $p<0,05$), самооправдание (ПТЖС) ($r=0,30$, $p<0,05$), самоодобрение (ПТЖС) ($r=0,30$, $p<0,05$), интеллектуализация (LSI) ($r=-0,31$, $p<0,05$), вступление в социальный контакт (SACS) ($r=-0,30$, $p<0,05$), рационализация (LSI) ($r=-0,30$, $p<0,05$). Поведение небезопасно ни для себя, ни для других, реализуя такое поведение, человек больше вреда наносит окружающим людям, нежели себе самому. Поведение можно охарактеризовать как агрессивное, направленное против других. Свои действия и поступки одобряет и находит им оправдания. За помощью к людям не обращается.

Альтруистично-пассивное поведение взаимодействует с показателями: вступление в социальный контакт (SACS) ($r=0,51$, $p<0,01$), беспомощность (ПТЖС) ($r=0,39$, $p<0,01$), поиск социальной поддержки (SACS) ($r=0,35$, $p<0,05$), рационализация (LSI) ($r=0,34$, $p<0,05$), самообвинение (ПТЖС) ($r=0,30$, $p<0,05$), подавление (LSI) ($r=-0,31$, $p<0,05$), асоциальные действия (SACS) ($r=-0,30$, $p<0,05$). Поведение в большей степени безопасно для социального окружения, чем для самого человека. Респонденты не проявляют асоциальных действий, в происходящем склонны обвинять себя, в трудной ситуации ищут социального взаимодействия и поддержки, чувствуют себя не в силах сопротивляться происходящему, пытаются найти всему логичное объяснение.

Просоциальное виктимно-активное поведение коррелирует со следующими показателями защитного и совладающего поведения: замещение (LSI) ($r=0,37$, $p<0,05$), интеллектуализация (LSI) ($r=0,37$, $p<0,05$), психомышечная релаксация (ПТЖС) ($r=0,35$, $p<0,05$), позитивное самомотивирование (ПТЖС) ($r=0,35$, $p<0,05$), самоодобрение (ПТЖС) ($r=0,32$, $p<0,05$). Респонденты, реализующие такой тип поведения, часто вымещают свои эмоции на более слабых, незащищенных людях. Свои действия одобряют, настраивают на позитивный исход. При необходимости используют средства психомышечной релаксации.

Выводы

В результате проведенного исследования выделено пять типов поведения педагогов: адаптивное, виктимно-невротичное, негативно-доминирующее, альтруистично-пассивное и просоциальное виктимно-активное.

Можно отметить, что выделенные типы поведения между собой не связаны, т.е. их можно назвать «чистыми» типами.

Полученные типы характеризуются устойчивыми моделями использования защитного и совладающего поведения и дифференцируются по критерию безопасности, а также по направленности: на себя (адаптивное, виктимно-невротичное, просоциальное виктимно-активное), либо на других (негативно-доминирующее, альтруистично-пассивное).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Благодырь Е.М. Психологические особенности формирования безопасного поведения у воспитанников детских домов: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. псих. наук (19.00.07) / Благодырь Екатерина Михайловна. – Пятигорск, 2013. – 23 с.
2. Грачев Г.В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты М.: Изд-во РАГС, 1998 - 125 с.
3. Ефимова Н.С. Основы психологической безопасности. М., 2010 - 192с.
4. Кабаченко Т. С. Методы психологического воздействия. М., 2000. С. 4

5. Колесникова Т. И. Психологический мир личности и его безопасность. М, 2001. С. 4

6. Краснянская Т.М. Психология самообеспечения безопасности: монография / Т. М. Краснянская; Гос. образоват.учреждение высш. проф. образования «Пятигор. гос. лингвист. ун-т». - Пятигорск: ПГЛУ, 2009. - 279 с.

7. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практич. руководство / под ред. И. А. Баевой. СПб., 2006.

8. Рассоха Н.Г. Представления о психологической безопасности образовательной среды школы и типы межличностных отношений её участников: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. псих. наук (19.00.07) / Рассоха Нонна Георгиевна. – СПб, 2005. – 25 с.

9. Тырсикова А.Д. Стратегии обеспечения психологической безопасности студентов вуза [Электронный ресурс] // Прикладная психология и психоанализ: электрон. науч. журн. 2011. N 1. URL: <http://ppip.idnk.ru>

© **Д.М. Никифорова, 2014**

© **О.В. Кружкова, 2014**

Коротко об авторах

Кружкова Ольга Владимировна
Кандидат психологических наук, доцент

Воробьева Ирина Владимировна
Кандидат психологических наук, доцент

Максимова Людмила Александровна
Кандидат педагогических наук, директор Института психологии, зав. каф. социальной психологии, конфликтологии и управления ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Степанова Анастасия Александровна
Сотрудник Института кадрового развития и менеджмента, кафедра акмеологии и психологии управления, аспирант кафедры «Социальной психологии, конфликтологии и управления»

Гурова Ольга Валерьевна
соискатель кафедры социальной психологии, конфликтологии и управления Уральского государственного педагогического университета, старший психолог ФКУ УИИ ГУФСИН России по Пермскому краю

Никифорова Дарья Михайловна
аспирант кафедры педагогической психологии Российского государственного профессионально-педагогического университета

Корнеева Вера Александровна
Зав. отделения конфликтологии и управления, аспирант кафедры теории и истории политической науки Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Жемчугова Наталья Анатольевна
Кандидат психологических наук, доцент

Содержание

ОТ РЕДАКЦИИ.....	3
Воробьева И.В., Кружкова О.В.	
ПРОБЛЕМА РАССОГЛАСОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ В КОНТЕКСТЕ ВАНДАЛЬНОГО ПОВЕ- ДЕНИЯ.....	6
Степанова А.А.	
КОНФЛИКТНОСТЬ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	32
Гурова О.В.	
ШКОЛЬНЫЙ ГРАФИЧЕСКИЙ ВАНДАЛИЗМ КАК КОНФЛИКТ МЕЖДУ ЛИЧНОСТЬЮ И СРЕДОЙ.....	49
Жемчугова Н.А.	
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ.....	66
Максимова Л.А.	
К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ.....	74
Кружкова О.В.	
ГОРОДСКОЙ СРЕДОВОЙ СТРЕСС: ВОСПРИЯТИЕ РЕАЛЬНОСТИ И ГИПОТЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА.....	83
Воробьева И.В.	
СУБЪЕКТОГЕНЕЗ И ГРАНИЦЫ СУБЪЕКТНОСТИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ВАНДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	102
Корнеева В.А.	
СПОРТ КАК РЕСУРС ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	119
Никифорова Д.М., Кружкова О.В.	
БЕЗОПАСНОСТЬ ЗАЩИТНОГО И СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ.....	139
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	153

Конфликтогенность современности
Коллективная монография

Редактор Л.А. Максимова

Оригинал-макет А.В. Смирнов

Подписано в печать _____

Формат 60× 80 / 16. Бумага для множительных аппаратов.

Гарнитура Tahoma. Печать на ризографе

Усл.-печ л. 9,2 Уч.-изд. л. 9,2 Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал макета в отделе
множительной техники

Уральского государственного педагогического университета
620017, г. Екатеринбург, проспект Космонавтов 26